

Министерство образования и науки Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
**НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**
им. Н.А. Добролюбова

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 13

Нижний Новгород

2011

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО НГЛУ*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 13. – Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2011. – 254 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С. Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В. Плисов (*отв. секретарь*),
В.М. Бухаров, М.А. Викулина, М.А. Грачев, Е.Н. Дмитриева, В.Г. Зусман,
В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин (Москва),
Е.В. Курбакова, М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов,
М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, М.С. Ретунская,
Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, О.Н. Сенюткина,
В.М. Строецкий, А.А. Сергунин (Санкт-Петербург), С.В. Устинкин,
Э.Д. Фролова (Санкт-Петербург), А.Н. Шамоу, Л.Е. Шапошников,
Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция),
У. Реннер-Хенке (Германия), М. Руэп (Германия), К. Флидль (Австрия),
С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ с 19.02.2010 г.

УДК 81'25 (060.55)

ISSN 2072-3490

© ГОУ ВПО НГЛУ, 2011

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 13

Nizhny Novgorod

2011

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 13. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2011.
– 254 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B.Zhigalev

Editorial Board:

E.Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E.Plisov (*Executive Secretary*),
V.Bukharov, M.Vikulina, M.Grachev, E.Dmitryeva, V.Zusman,
V.Karasik (Volgograd), Z.Kirnoze, L.Krysin (Moscow), E. Kurbakova,
M. Lebedeva (Moscow), L.Lvov, M.Nikola (Moscow), O.Oberemko,
E.Porshneva, M.Retunskaya, E.Savrutskaya, T.Sineokova, V.Sdobnikov,
O. Senyutkina, V.Strogetsy, A.Sergunin (St-Petersburg), S. Ustinkin,
E. Frolova (St-Petersburg), A.Shamov, L. Shaposhnikov, D.Boxer (USA),
D.Markey (Belgium), D.Millet-Gérard (France), U.Renner-Henke (Germany),
M.Ruep (Germany), K.Fliedl (Austria), S.Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© ГОУ ВПО НГЛУ, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Е.В. Баева, О.В. Байкова (<i>Киров</i>) Немецкие языковые острова – особенности развития их диалектов	11
В.Н. Бурчинский (<i>Нижний Новгород</i>) Уступительное ограничение и способы его выражения во французском предложении	19
У.У. Гасанова (<i>Махачкала</i>) Национальное своеобразие фразеологизмов хайдакского языка	26
А.В. Жиганова (<i>Нижний Новгород</i>) Роль переключения языкового кода в рекламе	33
А.В. Иванов (<i>Нижний Новгород</i>) К проблеме унификации и стандартизации отраслевой терминологии	42
Т.П. Понятина (<i>Нижний Новгород</i>) Авторские отступления и категория адресованности	52
И.А. Пугина (<i>Нижний Новгород</i>) Некоторые особенности эволюции языковой нормы (на материале французского языка)	61
М.В. Сергеева (<i>Нижний Новгород</i>) Лексема <i>global</i> : история лексикографического описания	68
Т.Н. Синеокова (<i>Нижний Новгород</i>) Универсальный характер синтаксических конструкций, реализуемых в состоянии эмоционального напряжения	74
Л.В. Хенниг (<i>Нижний Новгород</i>) Функциональный потенциал обращения в тексте любовного письма (на материале немецкого языка)	82
E. Matskevich (<i>Nizhny Novgorod</i>) Genderbilder in deutschen Volksmärchen	92

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

A.L. Burak (*Gainesville, Florida, USA*)
Soviet Legacy in the «Enlivening» Russian Translations of
American Fiction: Origins of «Ozhivliazh» 100

Е.В. Аликина (*Пермь*)
Оценка качества устного последовательного перевода в
реальной и учебной ситуации 114

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

N.A. Bakshi, D.Kemper (*Moscow*)
«Christlicher Humanismus»: theologische und literarische
Reaktionen auf den Zweiten Weltkrieg 124

К.Ю. Кашлявик (*Нижний Новгород*)
Обращение Блеза Паскаля к Библии 137

О.В. Lukmanova (*Nizhny Novgorod*)
Classic Magic Tale Functions and the Art of Mythmaking in
G.MacDonald's Curdie Books 145

Н.Mann (*Houston, Texas, USA*), **О.Naumova** (*Nizhny Novgorod*)
Memoir versus Family History: Genre Characteristics of the
Biographical Form 158

М.Ю. Соколова (*Нижний Новгород*)
Эдем как основной хронотоп поэмы Джона Мильтона
«Потерянный рай» 172

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Б.А. Жигалев (*Нижний Новгород*)
Актуальные вопросы теории и методологии оценки качества
профессионального образования в лингвистическом вузе 181

Т.С. Малышева (<i>Нижний Новгород</i>) Использование аутентичных ток-шоу для формирования социокультурной компетенции на занятиях по иностранному языку	192
В.В. Саушкина (<i>Нижний Новгород</i>) Специфика языковой подготовки студентов специальности «Реклама» в лингвистическом вузе	200
О.И. Федосеева (<i>Нижний Новгород</i>) Особенности влияния гибкости мыслительных действий на успешность решения сложных мнемических задач	208
С.В. Чернышов (<i>Нижний Новгород</i>) Наглядность как фактор эффективности обучающих программных продуктов	216
Ю.В. Чичерина (<i>Нижний Новгород</i>) Обучение коммуникативным умениям чтения прагматических текстов как условие формирования и развития межкультурной компетенции	224
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	
С.И. Жолобов (<i>Нижний Новгород</i>) Образ патриота в современной России (анализ интернет-материалов либеральной направленности)	232
К.А. Шведова (<i>Москва</i>) Проблемное поле российской системы образования в новых цивилизационных условиях: философский аспект	244
ХРОНИКА	
Восьмой съезд Российского союза германистов «Культурные коды в языке, литературе и науке», 18-20 ноября 2010 г.	252

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

Evgenia Baeva, Olga Baykova (<i>Kirov</i>) German Language Islands: Peculiarities of Dialect Development	11
Vladimir Burtchinskiy (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Concessive Restriction and its Expression in French Sentences	19
Uzlipat Gassanova (<i>Makhachkala</i>) National Identity in the Khaidak Language Phraseology	26
Anna Zhiganova (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Role of Codeswitching in Advertising	33
Andrey Ivanov (<i>Nizhny Novgorod</i>) On the Problem of Unification and Standardization of Specialized Terminology	42
Tatyana Ponyatina (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Author's Digressions and Intended Audience	52
Irina Pugina (<i>Nizhny Novgorod</i>) Some Peculiarities of Evolution of Linguistic Norm in the French Language	61
Marina Sergeyeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Word <i>Global</i> : the History of Lexicographic Description	68
Tatyana Sineokova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Universal Character of Syntactic Constructions Realized in the State of Emotional Stress	74
Larisa Hennig (<i>Nizhny Novgorod</i>) Functional Potential of the Form of Address in a German Love Letter	82
Elena Matskevich (<i>Nizhny Novgorod</i>) Gender Images in German Fairy Tales	92

CRITICAL ISSUES IN TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

- Alexander Burak** (*Gainesville, Florida, USA*)
Soviet Legacy in the «Enlivening» Russian Translations of American Fiction: Origins of «Ozhivliazh» 100
- Elena Alikina** (*Perm*)
Quality Assessment in Consecutive Interpreting in Real Life and Training Situations 114

CROSS-CULTURAL ASPECT OF LITERARY DISCOURSE

- Natalia A. Bakshi, Dirk Kemper** (*Moscow*)
«Christian Humanism»: Theological and Literary Reactions in the Post-World War II Period 124
- Kira Kashlyavik** (*Nizhny Novgorod*)
Blaise Pascal and the Bible 137
- Olga Lukmanova** (*Nizhny Novgorod*)
Classic Magic Tale Functions and the Art of Mythmaking in G.MacDonald's Curdie Books 145
- Helen Mann** (*Houston, Texas, USA*), **Olga Naumova** (*Nizhny Novgorod*)
Memoir versus Family History: Genre Characteristics of the Biographical Form 158
- Marina Sokolova** (*Nizhny Novgorod*)
Eden's Time and Space in «Paradise Lost» by John Milton 172

CROSS CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

- Boris Zhigalev** (*Nizhny Novgorod*)
Topical Issues of Theory and Methodology of Quality Evaluation in Professional Education at Linguistics Schools of Higher Education 181

Tatyana Malysheva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Using Authentic Talk Shows in Foreign Language Learning to Develop Sociocultural Competencies	192
Victoria Saushkina (<i>Nizhny Novgorod</i>) Language Training for Advertising Majors at a Linguistic University	200
Olga Fedoseeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Impact of Flexible Thinking on Performing Difficult Mnemic Tasks	208
Sergey Chernyshov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Using Visual Aids for Better Effectiveness of Educational Software	216
Yulia Chicherina (<i>Nizhny Novgorod</i>) Teaching Communicative Reading of Pragmatic Texts as a Prerequisite to Intercultural Competence Development	224
 CURRENT ISSUES IN PHILOSOPHY, HISTORY AND SOCIAL COMMUNICATION	
Sergey Zholobov (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Concept of Patriotism in Contemporary Russia (Analysis of Internet Materials of Liberal Orientation)	232
Ksenia Shvedova (<i>Moscow</i>) Problem Areas in the Russian System of Education in the Conditions of a New Civilization: A Philosophical Perspective	244
 CHRONICLE	
The VIII Congress of the Russian Association for Germanic Studies “Culture Codes in Language, Literature and Research.” 18-20 November 2010.....	252

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.112.2'28

НЕМЕЦКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОСТРОВА – ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИХ ДИАЛЕКТОВ

Е.В. Баева, О.В. Байкова

Вятский государственный гуманитарный университет, Киров

В статье рассматривается понятие «языковой остров», исследуются языковые отношения в немецких языковых островах, описываются условия их функционирования на новых территориях. Островные диалекты, специфической особенностью которых является вторичный характер, представляют интерес для исследователей с точки зрения выявления закономерностей дальнейшего изменения диалектных систем и разработки их типологии.

Ключевые слова: языковые острова, островной диалект, островные исследования, лингвистическая география, немецкая островная диалектология.

German Language Islands: Peculiarities of Dialect Development

Evgenia Baeva, Olga Baykova

The article defines “the language island,” looks at language relationships in German dialect areas, and describes their behavior on new territories. Secondary local dialects attract much interest of researchers especially in the area of their typology and further development.

Key words: language islands, local dialect, local dialects’ research, linguistic geography, German local dialectology.

Изучение немецкого языка, представленного в многочисленных странах Европы, Азии и Америки и существующего в иноязычном окружении в качестве языка немецких переселенцев, продолжает оставаться в центре внимания историков и социологов языка [1. С.11]. Поскольку немецкоязычные поселения в различных регионах мира имеют так называемый островной характер, а этнические немцы, населяющие «острова», используют в качестве общения различные диалекты немецкого языка, то научное изучение последних проходит в русле специального направления диалектологии и социолингвистики – островной диалектологии, которая сосредоточивает внимание на диалекте (социолекте) как языке немецкого национального меньшинства [2. С. 451].

В лингвистике насчитывается огромное количество определений понятия «языковой остров», которые не противоречат друг другу, а расширяют или сужают данное понятие. Впервые термин «языковой остров» использовал в 1847 г. в своей работе “Sprachinselforschung, ihre Geschichte und ihre Aufgaben” В. Кун, обозначая таким выражением славянский языковой остров под Кенигсбергом, а позднее – сирийский языковой остров в арабской пригородной зоне Дармскуса. Ученый определил языковой остров следующим образом: «Настоящие языковые острова – это поселения, возникшие вследствие закрытой колонизации народа на территории чужих областей». Далее он выделил поздние, ранние, богатые и бедные языковые острова. Предметом исследования, по его мнению, являются немецкие языковые острова как закрытые, полностью отграниченные от метрополий части немецкой народности с особыми, своеобразными чертами развития [3. С. 13-14]. Иную формулировку понятия «языковой остров», подчеркивающую связь языковых островов с их исторической родиной, дает Г. Протце: под языковыми островами он понимает отделенные от собственного «связного языкового сообщества» в территориальном, языковом и культурном плане поселения, которые живут своей собственной жизнью, при этом ощущается, с одной стороны, их незначительная связь с исторической родиной, а с другой стороны – недостаточный контакт с государственным образованием окружающей иноязычной среды [4. С. 596]. В 1980 г., детально рассматривая старые и новые языковые острова, П. Визингер несколько расширяет определение В. Куна и определяет языковые острова как «точечно или ареально встречающиеся, относительно небольшие замкнутые языковые и поселенческие общности внутри относительно большей иноязычной области» [5. С. 901].

А.И. Домашнев, один из крупнейших советских ученых в области германистики и теории языкознания, понимал под языковым островом маргинальную область распространения языка, отдаленную от ареала своего ядра территориально политической границей и находящуюся в пределах других политических (государственных) границ в иноязычном окружении. Он также выделил два типа языковых островов: «1) к первому типу относятся так называемые «окраинные» зоны распространения немецкого языка (“Randdeutsch”), то есть языковые области, расположенные контактно с основной

территорией распространения немецкого языка, принадлежащей ФРГ, Австрии, большей части Швейцарии и Лихтенштейну (к этому типу языковых областей относится, например, провинция Альто-Адидже («Южный Тироль») – Италия, Эльзас и часть Лотарингии – Франция, район Ареля (Арлона) и Аубеля, а также Эйпена, Мальмеди и Сен-Вита – Бельгия); 2) ко второму типу языковых островов относятся дистантно расположенные языковые области, образовавшиеся в результате переселения групп носителей немецкого языка в инонациональные иноязычные страны (немецкоязычные «острова» в Европе, США, Канаде, в ряде стран Латинской Америки, Австралии)» [6. С. 45]. Немецкоязычные острова России (бывшего СССР), представляющие собой поселения немецких крестьян-колонистов, относятся ко второму из указанных типов. Таким образом, на основе представленных понятий мы можем вывести общее определение, которого и будем придерживаться далее, а именно «языковой остров» – это поселение, возникшее в отдалении от основного этнического массива и живущее своей жизнью, в котором в качестве средства общения выступает диалект, контактирующий с языком окружения.

С введением В. Куном нового понятия «языковой остров» в научной литературе с середины XIX века изменяются и цели исследования: предметом изучения является уже не народ как таковой, его культура, быт, а в первую очередь язык немецких поселенцев, описание которого начали проводить еще в 1833 г. А. Шмеллер и Й. Бергман в немецком языковом острове в Венеции, а позднее в немецких поселениях кантона Граубюнден (Graubünden). Подчеркивая важность проводимых исследований, В. Кун писал: «Все эти труды, написанные известными учеными-германистами, образуют единую область исследования, на переднем плане которой находится сбор лингвистического материала и изучение диалектов, а затем лишь история, культура, фольклор и экономические отношения. <...> Все приближающаяся гибель языковых островов становится чем-то неизбежным, и самое главное для науки – это спасти все то ценное, что впитали в себя и сохранили языковые острова...» [3. С. 85].

Языковые отношения, складывающиеся в языковых островах, имеют сложный и разнообразный характер. Развиваясь в своих специфических условиях бытования на новых территориях, островные диалекты представляют особый интерес для диалектологической теории. Основоположником или, как пишет

Л. Р. Зиндер, «первооткрывателем» немецкой островной диалектологии по праву считается В. М. Жирмунский [7. С. 74]. Занимаясь исследованиями диалектов немецких колонистов в СССР, В. М. Жирмунский особо подчеркивал важность островных исследований, называя языковые острова «экспериментальной лингвистической лабораторией». Так, в статье «Проблемы колониальной диалектологии», опубликованной впервые в 1929 г. в журнале «Язык и литература» [8] и переизданной с небольшими поправками под названием «Проблемы переселенческой диалектологии» в сборнике «Общее и германское языкознание», В. М. Жирмунский отмечает: «Изучение говоров поселенцев представляет для лингвистики большой интерес не только с фактической стороны – как описание говоров, до сих пор почти не исследованных, но также и с точки зрения принципиальной, методологической: изолированные среди иноязычного населения немецкие поселения являются как бы экспериментальной лингвистической лабораторией, в которой на протяжении сравнительно краткого промежутка времени в 100-150 лет в обстановке, удобной для наблюдения, совершались языковые процессы, обычно развертывающиеся на протяжении целых столетий» [9. С. 492]. В своих работах «Zur Volkskunde der deutschen Siedlungen in der Sowjetunion», изданной в 1929 г. в Москве, и «Volkskundliche Forschungen in den deutschen Siedlungen in der Sowjetunion», изданной в 1930 г. в Лейпциге, ученый отмечает, что этнографические исследования проводились в немецких языковых островах и отдельных поселениях. Таким образом, он разграничивает языковые острова и отдельные поселения, считая соответственно островами только более крупные образования [10. С. 244], [11. С. 230].

Для В. М. Жирмунского изучение немецких языковых островов на территории СССР было чрезвычайно важно с точки зрения методики лингвистической географии, которую впервые применили Ф. Вредэ и Т. Фрингс [12], [13]. Л. Блумфилд рассматривает лингвистическую географию как «изучение территориальной дифференциации в определенном языковом ареале» [14. С. 353], то есть, для него она выступает не как абсолютно новое лингвистическое направление, а как дополнительное по отношению к сравнительному языкознанию. Он пишет: «Лингвистическая география только

подтвердила вывод сравнительных исследований, а именно, что различные языковые изменения неравномерно распространяются по той или иной территории» [14. С. 355]. Ученый указывает также на важность лингвистической географии как метода, дающего «сведения о былом распространении таких языковых явлений, которые теперь сохраняются только в виде реликтовых форм», и показывающего «стратификацию языковых явлений» [14. С. 373]. С помощью данной методики Ф. Вредэ и Т. Фрингсу удалось доказать ошибочность представлений ранней диалектологии, исходившей из того, что все немецкие диалекты восходят к общему «родословному дереву» [12], [13]. Так, В. М. Жирмунский пишет: «В старом понимании диалект рассматривался как статическая и замкнутая система признаков, представляющая готовый продукт прямолинейного и спонтанного развития, дифференциации по принципу “родословного дерева” из общего с другими диалектами корня. Ф. Вредэ и его ученики, основываясь на картах немецкого атласа, подчеркивают взаимодействие между диалектами, “языковые движения” и, как их результат, частичное “смещение” и “выравнивание” (Ausgleich)» [9. С. 481]. Как раз с помощью метода лингвистической географии В. М. Жирмунский и исследовал немецкие языковые острова на территории СССР.

По мнению В. М. Жирмунского, в развитии островных диалектов можно наблюдать действие различных взаимопереплетающихся факторов. Если учесть, что многие процессы взаимодействия диалектов разного типа, которые на исконных территориях происходили в далеком прошлом, на островных территориях наблюдаются и в наше время, то становится понятной важность специального изучения колониальных диалектов. Изучение ряда процессов взаимодействия разных диалектных систем, которые развиваются в островных диалектах, может помочь в восстановлении фактов далекого прошлого, в выявлении особенностей формирования некоторых диалектных черт [9. С. 492]. Естественно, к таким сопоставлениям ученые подходят с большой осторожностью, не забывая ни о разных условиях бытования говоров, ни о разнице взаимодействующих диалектных систем. Именно на материале островных говоров отчетливо проявляется соотношение экстра- и интралингвистических факторов, обуславливающих специфику развития языков и диалектов в их прошлом и современном состоянии.

Взаимодействие этих факторов обнаруживается и при исследовании говоров и диалектов на исконных территориях, но в островных говорах процессы языкового и диалектного взаимодействия выявляются нагляднее и отчетливее.

Изучение процессов, протекающих в языковых островах, как считает Л. И. Баранникова, важно не только в ретроспективном, но и в перспективном плане. В условиях отсутствия сплошных диалектных массивов, поддерживающих устойчивость диалектных черт, при наличии интенсивных контактов между носителями разных говоров и языков, на островных территориях создается возможность более интенсивного протекания процессов развития и изменения прежних диалектных систем. То, что еще весьма устойчиво в говорах основной территории, часто уже исчезает в говорах переселенцев [15. С. 4]. Изучение названных процессов позволяет определить устойчивость тех или иных диалектных черт, проанализировать закономерности дальнейшего изменения диалектных систем, что важно не только в теоретическом, но и в практическом плане. При изучении островных диалектов возникает проблема установления их основных типов. Специфической особенностью островных диалектов является их вторичный характер, то есть то, что они в основном формировались на базе уже сложившихся ранее диалектных типов. Но так как исходная база и условия формирования этих диалектов были различны, то и характерные особенности диалектов не совпадают, что позволяет ставить уже вопрос об их типологии. Поэтому при классификации островных диалектов вторичного образования необходимо учитывать все экстра- и интралингвистические факторы. К экстралингвистическим факторам необходимо отнести, во-первых, время и характер переселения, что дает возможность различать одновременность – разновременность переселений на новую территорию, во-вторых, массовость или единичность (переселение отдельных групп) таких переселений, в-третьих, характер отношений с окружающим населением на новой территории, то есть взаимодействие говоров переселенцев с окружающими одноязычными и многоязычными говорами (эти отношения можно обозначить следующими двумя основными типами: а) диалектная однородность описываемого языкового острова, б) его разнотипность) [15. С. 4]. При исследовании островных диалектов необходимо учитывать роль и интралингвистических (степень

близости систем взаимодействующих диалектов) факторов. Противопоставленными оказываются не только диалекты с однородной (монодиалектной), но и с разнородной (бидиалектной или полидиалектной) основой. Наиболее частый случай – взаимодействие диалектов со смешанной основой, что встречается в поздних переселенческих диалектах.

В настоящее время диалектология имеет дело с пространственно протяженными языковыми островами, которые в редких случаях являются полностью закрытыми, а именно, пространственно-гомогенными языковыми сообществами. Национальные языковые меньшинства проживают чаще всего в этнически смешанных регионах, поэтому в центре внимания оказывается вопрос о судьбе исследуемых островных диалектов, которые требуют более тщательного изучения характера, особенностей протекания сложных языковых процессов диалектного и языкового взаимодействия в новых условиях их бытования.

Библиографический список

1. Байкова О.В. Языковые острова – к истории их понятия и исследования // Материалы XXXVI Международной филологической конференции. Вып. 24: История языка (романо-германский цикл); отв. ред. Г. А. Баева. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 11-17.
2. Löffler H. Germanistische Soziolinguistik. 2. Überarb. Aufl. Berlin, 1985. 250 S.
3. Kuhn W. Deutsche Sprachinsel-Forschung. Geschichte, Aufgaben, Verfahren, Plauen im Vogtland. Berlin, 1934. 280 S.
4. Protze H. Die Bedeutung von Mundart, Umgangssprache und Hochsprache in deutschen Sprachinseln unter Berücksichtigung sprachlicher Interferenz // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Roskock, 1969. Heft 6–7. S. 595–600.
5. Wiesinger P. Deutsche Sprachinseln // Lexikon der Germanistischen Linguistik. Tübingen, 1980. S. 491–500.
6. Домашнев А.И. В. М. Жирмунский и изучение немецких диалектов в СССР // Язык. Литература. Эпос: К 100-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского / Отв. ред. акад. Д. С. Лихачев. СПб.: Наука, 2001. С. 45–55.

7. Зиндер Л.Р. В.М. Жирмунский и островная диалектология // Язык. Литература. Эпос: к 100-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского / Отв. ред. акад. Д. С. Лихачев. СПб.: Наука, 2001. С. 72–81.
8. Жирмунский В.М. Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. Т. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 179–220.
9. Жирмунский В.М. Проблемы переселенческой диалектологии // Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. С. 491–516.
10. Schirmunski V. M. Zur Volkskunde der deutschen Siedlungen in der Sowjetunion (1929) // Viktor Schirminski. Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. München: Südostdt. Kulturwerk, 1992. S. 228–243. (Veröffentlichungen des südostdeutschen Kulturwerkes: Reihe B, Wissenschaftliche Arbeiten; Bd. 59).
11. Schirmunski V. M. Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten (1930) // Viktor Schirminski. Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. München : Südostdt. Kulturwerk, 1992. S. 112–135. (Veröffentlichungen des südostdeutschen Kulturwerkes: Reihe B, Wissenschaftliche Arbeiten; Bd. 59).
12. Вредэ Ф. К истории развития диалектологии // Немецкая диалектография: Сб. ст. / Пер. с нем. Н.А. Сигал; ред., предисл. и примеч. В.М. Жирмунского. М.: Иностр. лит., 1955. С. 23–41.
13. Frings Th. Rheinische Sprachgeschichte. Dortmund, 1924. 52 S.
14. Блумфилд Л. Язык / Пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат; коммент. Е.С. Кубряковой; под ред. и с предисл. М.М. Гухман. М.: УРСС, 2002. 606 с.
15. Баранникова Л.И. О внутреннем (диалектном) членении языка // Язык и общество. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1967. С. 3–15.

Сведения об авторах

Баева Евгения Васильевна
аспирант кафедры романо-германской филологии ВятГГУ
E-mail: evgenia.baeva@mail.ru

Байкова Ольга Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода ВятГГУ
E-mail: olga-baykova@yandex.ru

УДК 811.133.1'367

УСТУПИТЕЛЬНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В.Н. Бурчинский

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье разграничиваются «противопоставление» и «ограничение» как особые самостоятельные виды логической связи, выделяются два типа ограничения: простое и уступительное, рассматривается специфика уступительного ограничения, некоторые способы его выражения и особенности функционирования во французском языке.

Ключевые слова: логические связи; ограничение; уступительное ограничение; предложение, способы выражения.

The Concessive Restriction and its Expression in French Sentences

Vladimir Burtchinskiy

The article describes and analyses two types of restrictions, simple and concessive, and looks at the concessive restriction in the French language, describing possible means of its expression and specific ways of functioning in sentences.

Key words: logical relations; restriction; concessive restriction; sentence; conjunction.

Настоящая статья продолжает предпринятый автором анализ категории ограничения во французском предложении. Чтобы приступить к непосредственному рассмотрению уступительного ограничения, необходимо представить некоторые общие пояснения и уточнения.

Когда слова, группы слов или предложения анализируются с точки зрения их участия в мыслительных операциях, можно говорить о существовании между ними *логических связей*. Традиционная грамматика не рассматривает логические связи как таковые. Она описывает различные типы придаточных предложений, которые участвуют в образовании сложного предложения. Это описание основывается, прежде всего, на формальных средствах связи предложений и не позволяет ни точно определить природу логических операций, на которых строятся эти предложения, ни сгруппировать средства выражения, используемые для реализации этих операций. Кроме того, логические связи (напр., конъюнкция и

дизъюнкция) могут реализоваться не только в сложноподчиненных, но и в других видах предложений.

Логическая операция заключается в связывании между собой двух высказываний об окружающей действительности таким образом, что существование одного из них зависит от существования другого и наоборот. Эти два высказывания соединяются не формальной, а концептуальной связью. Эта связь является результатом мысли, строящей смысловые отношения между предметами, свойствами и действиями, поэтому она и называется «логической».

Однако эта логико-концептуальная связь определяется самим языком, зависит от значения и от способа выражения высказываний и, таким образом, образует категории языка, реализации которых могут быть различными в зависимости от особенностей контекста и ситуации коммуникации.

Таким образом, существует три уровня формирования логических связей: *когнитивный*, уровень логико-языковых категорий; *языковой*, на котором отношения уточняются за счет смысла формальных показателей; *речевой*, определяемый контекстом и ситуацией коммуникации.

Выделяют следующие логико-языковые категории, способные реализоваться при определенных семантических условиях: соединение (конъюнкция), разъединение (дизъюнкция), ограничение (рестрикция), противопоставление (оппозиция), причинность (каузальность), включающая подкатегории: следствие (импликация), пояснение (экспликация), предположение (гипотеза).

На языковом уровне формальными показателями могут служить: грамматические элементы (союзы, коннекторы, связки), лексические единицы (имплицитно интегрирующие логические связи), некоторые конструкции предложений, иногда обычные знаки пунктуации. Логические связи могут быть выражены также другими средствами и способами, реализующимися в контексте [1. С. 493-497].

Данное исследование связано с двумя основными моментами: выявлением логической связи «ограничение» и описанием функционирования одного из ее подтипов — уступительного ограничения.

Необходимо разграничить два различных типа логических связей: «противопоставление» и «ограничение», которые часто

недостаточно четко дифференцируются ввиду объективно существующей близости признаков.

При операции «противопоставление» представлены два высказывания, в каждом из которых существуют, по меньшей мере, два образующих элемента, семантически противоположные друг другу; оба высказывания эксплицитно противопоставляются: *Pendant que Pierre fait ses devoirs, Serge joue aux cartes*. Противопоставляются два объекта (*Pierre* и *Serge*), а также два действия, которые они совершают (*faire ses devoirs* и *jouer aux cartes*). Логическая связь «противопоставление» затрагивает время (*Pendant qu'il pleut à Paris, il fait beau à Nice.*), пространство (*Je n'aime pas rester enfermé chez moi, quand tant de gens sont dehors à se promener.*), различные виды действий (*Sophie aime jouer avec ses poupées, tandis que Céline préfère jouer à la dinette.*). Противопоставление может быть выражено простым соположением (*Les uns veillaient, les autres dormaient*), наиболее употребительными связками *pendant que, tandis que, alors que, quand*, а также элементами, типичными для выражения других видов логических связей, таких как *et* (*N'oublie pas que je suis de ce côté-ci et toi de ce côté-là*) или *si* (*Si Jacques aime la marche à pied, Gérard préfère le vélo*) [1. С. 522-524].

Рассмотрим подробнее интересующую нас логическую связь «ограничение». Для реализации ограничения необходимо наличие двух высказываний, имеющих как минимум один общий конституирующий элемент. Эти два высказывания связаны таким образом, что одно из них (обычно второе, ограничивающее высказывание) отрицает утверждение (обычно имплицитное), которое могло бы быть одним из следствий другого высказывания (базовое высказывание). А так как отрицание относится только к одному из возможных следствий базового высказывания, а не ко всему высказыванию, можно говорить об операции ограничения (а не о противопоставлении). Например: *Il est intelligent mais timide*. Общий конституирующий элемент: характеристика субъекта. Имплицитным высказыванием, возможным следствием из базового, является предположение, что поскольку он умен (положительное качество), он также и активен (положительное качество). Однако в нашем предложении положительная характеристика подвергается ограничению. Возьмем другое предложение: *Il aime la musique, mais il n'aime pas le jazz*. В семантическую область «музыка» входит «джаз»,

который исключается из этой области; эта область ограничивается. Особенность данного вида связи заключается в том, что ограничивающее высказывание семантически связано с имплицитным, а не с базовым высказыванием. Только в примерах, подобных второму, ограничение носит явный характер, являясь фактически вычитанием объема значения гипонима (*jazz*) из гиперонима (*musique*). Однако во всех случаях между базовым и имплицитным высказываниями должно быть что-то общее: в первом случае, это положительный характер качества, а не само качество, а, во втором, широта семантики «музыка», которая включает «джаз».

Существуют две подкатегории операции «ограничение». В зависимости от того, как соединяются базовое и ограничивающее высказывания, можно различать «*простое ограничение*» и «*уступительное ограничение*». В первом случае формальный показатель стоит перед ограничивающим высказыванием (*Il est intelligent mais timide*), а во втором — перед базовым (*Bien qu'il soit intelligent, il est timide*).

Обратимся к рассмотрению специфики уступительного ограничения, некоторых способов его выражения и особенностей функционирования. Отметим, что уступительное ограничение реализуется, прежде всего, в так называемых сложноподчиненных предложениях с придаточными уступительными, вводимыми определенными типами союзов.

Предложение с придаточным уступительным содержит определенное противопоставление между фактами, выраженными в придаточном и главном, однако, это противопоставление носит особый характер, а именно: из фактов придаточного можно было бы сделать вывод, который, в действительности, опровергается главным. В придаточном предложении сообщается факт, который должен бы послужить препятствием реализации действия главного, однако, он не мешает его реализации. Предполагается, что кто-то где-то («так принято считать») устанавливает причинную связь, которую говорящий не принимает: *Bien qu'il ait passé des années dans ce pays, il ne sait pas en parler la langue*. Наличие благоприятного условия не привело к реализации всех положительных последствий (одно из них не реализовалось); оно и ограничивает положительную сторону базового высказывания. [2. С. 247]; [3. С. 177]; [4. С. 513].

Простой союз *quoique* противопоставляется сложным союзам *bien que, encore (que), malgré (que), encore que, sauf que, à moins que, n'empêche que, alors que* [2], которые называет также *locutions conjonctives* [5]. Все эти союзы близки по своему значению, иногда их рассматривают как синонимы, однако не следует пренебрегать нюансами их значений. *Bien que* встречается реже чем *quoique* и используется в литературном языке; *encore que* архаичен [2; 5]. Приведем примеры со значением уступительного ограничения: ... *j'ai admiré pendant dix ans, au carrefour de ces trois rues, un homme admirable nommé Hébert, qui fut maire de Montigny, bien qu'il pût à grand-peine signer son nom. (Colette)*; ... *Aimé, quoique n'ayant pas personnellement de sympathie pour Albertine, était à cause de moi fier de la toilette qu'elle portait... (Proust)*; *Mademoiselle aime les beaux mâles, encore qu'elle en use peu. (Colette)*

Встречаются также *nonobstant (que)* и *malgré que*, считающиеся устаревшими; употребление последнего осуждается большинством лингвистов: *Nonobstant son mariage, il eut de nombreuses galanteries. (Le Grand Robert)*; *Malgré que le soir fût d'une tiédeur extrême, Liette voulut pour le retour une voiture fermée. (Mauriac)*

Придаточное предложение может занимать любую из трех возможных позиций: стоять в начале, середине и в конце сложноподчиненного предложения. Если используются два или несколько придаточных уступительных предложений, все, кроме первого, вводятся союзом *que*: ... *ce qui a suivi, Bernard le connaît aussi bien qu'elle même, cette soudaine reprise de son mal, et Thérèse le veillant nuit et jour, quoiqu'elle parût à bout de forces et qu'elle fût incapable de rien avaler ... (Mauriac)*.

Обычно после *quoique, bien que, encore que, malgré que* употребляется *subjonctif*, что, по мнению Ж. и Р. Ле Бидуа, вполне оправдано [6. §1562]. В классическую эпоху допускалось употребление индикатива, который показывал, что то, на что направлена уступка, воспринимается как реальный факт. Такое употребление индикатива возможно и в современном французском языке, хотя и придает предложению архаичный характер [7. С. 603].

После *quoique*, полностью сохраняющего свое уступительное значение, может употребляться *futur de l'indicatif*, так как *subjonctif* не имеет будущего, а его употребление исказило бы смысл предложения [6. §§1563–1564]: ... *et puis après, cela va être bientôt Noël et les*

vacances du jour de l'An. Peut-être on va m'emmener dans le Midi. Ce que ce serait chic ! quoique cela me fera manquer un arbre de Noël... (Proust)

Союз **sauf que** указывает на какое-либо препятствие обычному ходу действия, которое и воспринимается как ограничение: *Ce n'était pas une soirée désagréable. Ils étaient aussi bien, tous les deux, qu'à une terrasse des Grands Boulevards, sauf qu'ils n'avaient comme point de vue que le grand escalier blême du Palais de Justice. (Simenon)*; после **sauf que** употребление индикатива вполне естественно.

В фамильярном или региональном употреблении в функции предлога **quoique** может сохранять свое ограничивающее уступительное значение, употребляясь в конструкции **quoique ça**: *Que tu es bête, mon pauvre petit ! dit la vivandière, souriant au milieu de ses larmes ; et quoique ça, tu es bien gentil. (Stendhal) [6]*

В уступительных предложениях, носящих атрибутивный характер с **quoique, bien que, encore que** глагол в личной форме может опускаться. Чаще всего выпадает глагол **être (quoi qu'il soit intelligent... → quoi que intelligent...)**: *Ma mère s'émerveillait qu'il fût si exact quoique si occupé, si aimable quoique si répandu, sans songer que les « quoique » sont toujours des « parce que » méconnus ... (Proust)*. Другие союзы: *Malgré la chaîne et les boucles d'oreilles, sa toilette était presque simple. (A. de Musset)*; *Nonobstant cette ferme déclaration, il s'esquive lui-même. (Barbusse)*; *Nous l'apprécions en dépit de certains défauts. (Le Grand Robert)*

В подобных предложениях сомнению подвергается не приписывание качества, а положительная оценка этого качества. Пропуск глагола показывает возможные переходы между конструкциями и дает представление о многообразии средств выражения уступительно-ограничительных значений в современном французском языке: *Quoi qu'il soit intelligent... → Quoi que intelligent... → Quelque intelligent qu'il soit... → Quelle que soit son intelligence... → Tout professeur qu'il est... , il ne comprend rien à rien dans ce domaine*, с использованием гérondif при условии, что он сопровождается **tout**, которое меняет его логическое значение: *Tout en lisant énormément, je ne retiens rien* (ср.: *En lisant énormément, j'apprends beaucoup*). Описание способов выражения уступительного ограничения могло бы быть продолжено.

Таким образом, мы разграничиваем «противопоставление» и «ограничение» как особые самостоятельные виды логической связи,

выделяем два типа ограничения: *простое* и *уступительное*, различающиеся по способам синтаксического выражения и оттенкам значения.

Библиографический список

1. Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris: Hachette, 1994.
2. Реферовская Е.А., Васильева А.К. Теоретическая грамматика французского языка. Ч. 2. М.: Просвещение, 1983.
3. Штейнберг Н.М. Грамматика французского языка. Ч. 1. М.–Л.: Просвещение, 1966.
4. Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris: PUF, 1994.
5. Le Grand Robert de la langue française, version électronique, deuxième édition. Paris: Le Robert, 2005.
6. Le Bidois G. et R. Syntaxe du français moderne. Paris: 1967.
7. Wagner R.L., Pinchon J. La grammaire du français classique et moderne. Paris: Hachette, 1972.

Сведения об авторе

Бурчинский Владимир Николаевич
кандидат филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой французской филологии
НГЛУ им. Н. А. Добролюбова
E-mail: burchin@lunn.ru

УДК 811.351.22'28'373.7

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ХАЙДАКСКОГО ЯЗЫКА

У.У. Гасанова

Дагестанский государственный университет, Махачкала

В статье рассматриваются вопросы, раскрывающие аспекты исторического развития народа, его национальной культуры, духовного склада и мирозерцания через фразеологическую систему хайдакского языка.

Ключевые слова: национальная культура, картина мира, структура мира, фразеологическая система, хайдакский язык, концепты, этнос.

National Identity in the Khaidak Language Phraseology **Uzlipat Gassanova**

This article examines various aspects of the historical development of the Khaidak ethnic group, its national culture, mentality and worldview, through the phraseological system of the Khaidak language.

Key words: national culture, worldview, the structure of the world, phraseological system, the Khaidak language, concept, ethnicity.

Язык – сокровищница национальной культуры народа, говорящего на этом языке. Любой язык имеет национальное выражение, т.е. проявляется в виде конкретного национального языка, выражающего национальный дух и отражающего национальную культуру народа – носителя этого языка. И как национальный язык он тесно связан с национальной психологией и с национальной самобытностью народа, является средством передачи национальных традиций, стереотипов, привычек. Изучение любого второго языка сопровождается усвоением новой языковой картины мира, т.е. овладение вторым языком означает овладение не только еще одним языковым кодом, но и определенной суммой знаний о картине мира данной языковой общности. Познать национальную картину мира на изучаемом языке значит проникнуться миропониманием народа – его носителя, вникнуть в его языковое сознание, понять мировоззрение народа, создавшего этот язык. Язык служит средством отражения, закрепления и сохранения результатов познавательной деятельности человека. Результаты познавательной деятельности многих

поколений обнаруживаются в синтаксисе, морфологии, в словообразовании, но прежде всего в лексике и фразеологии.

С помощью языка человек реализует себя в мире и через язык постигает мир. Общая картина присваивается человеком через языковую картину мира: «Единицы языка должны рассматриваться как элементы структуры языка, а вся структура языка может сопоставляться со структурой мира, картина мира как совокупность знаний человека о мире подменяется картиной мира, существующей в языке, т.е. языковой картиной мира» [1].

В коммуникативных структурах, подобных фразеологическим конструкциям, фиксируется социальный и культурный опыт языковой общности, находящих отражение в общей картине мира.

У каждого народа складывается своя картина мира. Это результат и условие мыслительной деятельности. Теснейшая связь между национальным языком и национальным образом мира была зафиксирована уже в XIX веке, например, в работах Гумбольдта, получившая дальнейшее развитие в работах его последователей, подтверждающих верность его взглядов на природу языка: «Большинство обстоятельств, сопровождающих жизнь нации, будь то: место проживания, климат, религия, государственное устройство, обычаи и нравы, в определенной мере можно отделить от нее. Только одно имеет совершенно иную природу, является самым дыханием, душой нации, проявляется везде, в каждом ее шаге – это язык» [2].

Объектом исследования статьи являются фразеологические единицы (ФЕ) бесписьменного хайдакского языка. Актуальность объясняется рядом обстоятельств. Прежде всего следует отметить, что фразеологические единицы хайдакского языка не были еще предметом специального исследования. Актуальность темы исследования определяется также возросшим интересом к идее антропоцентрического подхода, раскрывающего механизмы существования и функционирования языка.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой первую попытку исследования фразеологических единиц с точки зрения их этнокультурной специфики на материале хайдакского языка, что позволяет провести лингвокультурологический анализ и выявить особенности национального менталитета и культурно-информационного характера народа – носителя указанного языка.

Люди, говорящие на разных языках, создают различные картины мира, и от этого зависит не только разница в содержании мышления, но и в логике, то есть различные языки порождают различные типы мышления. Сравнения, сравнительные обороты, а также ФЕ опираются на хайдакские реалии. Так сравнивать может только житель гор, он так мыслит, так смотрит на окружающую его действительность, такова концептуальная модель мира хайдакца, отображенная в образных средствах языка. Каждый народ по-своему видит мир. Хайдакцы не только имеют общий со всеми родственными народами Дагестана образ, в нем есть и собственные неповторимые этнонациональные оттенки. Среди объектов фразеологической номинации хайдакского языка значительное место занимают моральные качества личности: отношение к себе и другим людям (жалость, эгоизм, уважение, человеколюбие, сочувствие, сострадание, гостеприимство, благодарность, неблагодарность, гордость, зависть, злословие и т.д.); отношение к труду (трудолюбие, лень, щедрость, бережливость, скупость); морально-волевые качества (мужество, выдержка, смелость, трусость, честность, правдивость, искренность, обман, лицемерие, лесть, предательство); ценностно-нормативные понятия (добро, зло, благо).

Некоторые дагестанские аулы, такие, например, как Хайдак, Кубачи, Акуша, Балхар, Унцукуль, Табасаран и другие, отличаются тем, что имеют собственные концептуальные модели мира, обусловленные их бытом и другими этническими особенностями. Картина мира хайдакца существенно отличается от модели мира кубачинца, но вместе они создают общедагестанскую картину мира, так как культура любого дагестанского аула, какой бы оригинальной она ни была, является частью общедагестанской культуры. Также создаются картины мира и других родственных народностей Кавказа, в совокупности образуя общую картину мира горца, кавказца, обусловленную этнокультурным своеобразием.

В силу сложившихся ассоциативных связей объектам внимания внешнего мира могут приписываться признаки, не относящиеся к их сущностным характеристикам, что связано с субъективно-оценочной ориентацией выражения признаков значений. Уже сам отбор предметов и явлений как образов, осуществляющийся на протяжении многих веков, раскрывает разные стороны исторического развития

народа, его национальной культуры, духовного склада и миросозерцания.

Способ концептуализации действительности свойственной данному языку, отчасти универсален, отчасти этнически специфичен, поэтому в разных языках картины мира имеют свои особенности.

Дагестанские языки, в том числе и хайдакский, относятся к языкам, не имеющим памятников письменности. Это создает определенные трудности для этимологических исследований.

Особую трудность это обстоятельство представляет и для этимологизирования ФЕ, так как трудно установить исходное для них словосочетание. В подобных условиях надо учитывать, что «единственной основой анализа сферы возникновения может служить только сам материальный состав ФЕ, его буквальный исходный смысл» [3].

В современных исследованиях национально-культурная специфика образных средств отражения мира в языковом сознании преподносится как фиксация универсального или уникального в плане выражения и в плане содержания. Проводится анализ и создаются модели этих образных средств с учетом экстралингвистической информации как содержательного компонента анализируемых конструкций.

Универсальное, общечеловеческое во фразеологических единицах, являющееся отражением общности, существующей в языковых сознаниях различных этносов, находит свое отражение в наличии сходных, коррелирующих, возможно, калькированных выражений в исследуемых языках. Специфика фразеологического значения в аспекте коммуникативной функции языка проявляется прежде всего в избирательности объектов номинации. Для хайдакской фразеологии (и не только) характерен антропоморфизм в том смысле, что абсолютное большинство ФЕ обозначают человека, его интеллектуальные, моральные, физические и другие качества, межличностные и социальные отношения. Оценочный характер фразеологического значения представляет большой интерес при анализе фразеологических оборотов: *декI урчIелцир* «с тяжелым сердцем», *тIуппула баъ гьакI абиру* «кончиком пальца не пошевелит», *хъатни катурилгван* «как на ладонь посаженный», *урчIи гIячли* «раскрыв душу» и т.д.

Одним из свойств этической оценки хайдакских ФЕ является их стремление освободиться от временных ограничений. Это свойство находит свое выражение во фразеологическом значении, которое является не просто характеризующим, а обобщенно-характеризующим: *сахъ женигвар чибажибил, тІулмесар урухикІвар* «кто однажды увидел змею, тот уже веревки боится».

Этическая оценка фактов в хайдакском языке компаративна. Это ее качество представлено во фразеологическом значении, выражающем интенсивность проявления признака: *иман урчІелци аккваргванил* «словно без веры в душе», *шукъкъа бигъандел вижкучІади* «если бы была дырка в земле – спрятался бы».

В устойчивых фразах хайдакского языка моральная норма и моральная оценка выражаются синкретично. Например: *ирхелли къакъаваривкъелгван* «словно из-под палки» (о бессовестном человеке, который вынужден поступать не по требованию морального сознания, а из-под палки, под угрозой наказания).

Фразеологические единицы всегда важны для теории и практики языка, ибо в них отражены вековые представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом, историей и культурой его носителей. Они отражают национальную специфику языка, его самобытность. Пожалуй, нет другой области в языке, которая отражала бы жизнь народа так ярко, лаконично, образно, неся в себе этический заряд и историческую память, как фразеология. В сознании каждого поколения фразеологизмы освящены высоким авторитетом народной мудрости, традицией, обычаями и большой воздействующей силой. «Каждое такое сравнение выработано в результате многовекового опыта народа и представляет запас таких образов, которые известны каждому члену данного языкового коллектива и передаются по традиции от поколения к поколению» [4].

Хайдакский язык иногда сближает в устойчивом сравнении явления и предметы, совершенно неожиданные с иноязычной точки зрения, несмотря на то, что логика компаративных связей оказывается естественной для национального восприятия. Ср. также: *ппереппагван чІянкІул* «голый, как иголка», *гІянциІагван гъайкикІван* «разговаривающий как глухой». При таком устойчивом сравнении хайдакского языка часто фиксируются детали объективной действительности, ускользающие от восприятия другого языка и наоборот. Или, например, хайдакское устойчивое сравнение *цІалжи*

цяунилгван «быстро», букв. «словно за огнем приходил». В пояснении к этому фразеологизму укажем, что огонь или его добывание, доставание для горца издавна является определенным ритуалом. Огонь – это очаг. Сохранение огня, доставление огня в горящем виде, не потушив, до места назначения, являлся важнейшей частью жизни горца. В старину, когда еще не существовали спички или другие средства для зажигания огня, в Хайдаке огонь передавался из дома в дом, т.е. раскаленные угли на специальной лопате несли из дома в дом, из печи в печь. Естественно, сам процесс доставления огня проходил стремительно, пока раскаленные докрасна угли не потушились, нужно было доставить их в другую печку, чтобы там зажечь огонь. Фразеологизм *цалжи цяунилгван* «словно за огнем приходил» основан на этом наблюдении. Хотя сегодня и существуют спички и зажигалки, данный способ используют старые женщины и сегодня в некоторых селениях Хайдака. Образы, используемые в речи хайдакцев, удивительны, неожиданны. В большинстве случаев несовпадение сопоставляемых компаративных структур определяется несвойственностью данной комбинации компаративных элементов другому языку.

В системе устойчивых компаративных единиц с большей наглядностью проявляется национальное своеобразие языковой картины мира, поскольку устойчивые сравнения являются средством прямого выражения представлений, т.е. чувственно-наглядных образов, предметов и явлений действительности.

Однако, как показывают приведенные примеры, образы, закрепляемые в языке общенародным употреблением, определяются объективными свойствами предметов, объективными взаимоотношениями предметов действительности, реальными взаимоотношениями человека с природой и членами языкового коллектива. Если хайдакец для выражения обобщенно-индивидуального признака слабости не использует образа лошади или быка, а только образ ягненка (*шанларгван ярихъ* «слабый, как ягненок»), то это определяется вовсе не тем, что хайдакцы по-разному воспринимают объективные признаки, свойственные этим предметам. Дело в том, что из комплекса объективных свойств этих предметов, одинаково доступных в силу своей объективности как для хайдакца, так и для представителя другого языка, национальный язык может выделять разные или одинаковые признаки в качестве наиболее

характерного или яркого проявления предмета. В основе выбора обычно лежат объективно-исторические особенности быта, культуры, обычаев народа.

Нет сомнения, что языковая картина мира, языковое видение мира не определяют существования особого национального мышления, но, очевидно, есть все основания говорить о национальных формах «образного мышления».

Библиографический список

1. Колшанский Г.В. Логика и структура языка. М., 2005. С. 62.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 6.
3. Амосова Н.Н. Современное состояние и перспективы фразеологии // Вопросы языкознания. 1966. № 3. С. 65-72.
4. Исаев М.-Ш.А. Экстралингвистическая мотивация семантики фразеологии даргинского языка // Общая и дагестанская фразеология. Исследования и материалы. Махачкала, 1990. С. 47-52.

Сведения об авторе

Гасанова Узлипат Усмановна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры дагестанских языков
Дагестанского государственного университета
E-mail: escalex@mail.ru

УДК 81'42:659.123.4:81'246

РОЛЬ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО КОДА В РЕКЛАМЕ

А.В. Жиганова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена роли переключения кода в рекламном дискурсе. В настоящей работе рассматриваются мотивация, функции кодовых переключений и их структурно-синтаксические типы. Исследуется влияние этого коммуникативного феномена на убеждение потребителей. Результаты показывают, что кодовое переключение усиливает запоминаемость продукта, и, следовательно, может благоприятным образом сказаться на эффективности рекламного сообщения.

Ключевые слова: переключение языкового кода, языковой контакт, реклама, билингвизм, заимствование.

The Role of Codeswitching in Advertising

Anna Zhiganova

The article looks at the role of codeswitching in advertising, focusing on its motivation, the functions it performs in advertising and its structural-syntactic types, and its effect on persuading potential consumers. The results show that codeswitching increases the recall of the product and thus can enhance the effectiveness of an advertisement.

Key words: codeswitching, language contact, advertising, bilingualism, borrowing.

В современном мире вследствие процесса глобализации происходит расширение международного общения: развитие культурных и экономических связей, научно-технический обмен, сотрудничество народов в различных сферах жизни, – что, в свою очередь, находит отражение в лингвистических процессах взаимного языкового проникновения. Следствием проявления языкового контакта можно считать явление переключения языкового кода (code-switching), которое представляет значительный интерес для современных лингвистических изысканий. Переключение языкового кода определяется как «попеременное использование элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта более или менее двуязычным говорящим» [1. С. 123].

Первые исследования, посвященные проблеме кодовых переключений, появились в трудах западных учёных в середине 70-х – начале 80-х годов (Дж. А. Фишман, А. Росетти), а первые эксперименты в этой области были проведены У.Лабовым.

Явление переключения кода рассматривается в контексте языковых контактов. Как правило, под термином «языковой контакт» понимаются «различные языковые связи на разных лингвистических уровнях, установившиеся как между генеалогически родственными и типологически близкими, так и неродственными, типологически отдаленными языками и диалектами» [2. С. 7].

Переключение кода необходимо отличать от смежных языковых явлений, таких как заимствование, смешение кода. В отличие от кодового переключения, заимствованные слова подвергаются фонетической и морфологической адаптации, они приобретают дополнительные эмоционально-оценочные приращения в результате положительного или отрицательного опыта общения. Кроме того, заимствования, как правило, интегрированы в состав языка и зафиксированы в словарях.

Явление кодового переключения, в отличие от смешения кода, представляет собой мотивированный процесс, так как оно выполняет определенную функцию в ситуации общения. Смешение кода является спонтанным, происходит зачастую внутри тесно связанного словосочетания и функционально не мотивировано. Разграничение терминов – смешение и переключение кода – следует признать полезным, но не релевантным, поскольку четких и объективных критериев для их различения не выявлено, и многие исследователи не разделяют эти понятия [3].

Особым случаем проявления языковых контактов принято считать двуязычие (билингвизм) – свободное владение двумя языками одновременно. Языковые системы, которыми владеет билингв, находятся во взаимодействии, и двуязычный индивид способен использовать два языка попеременно в зависимости от ситуации общения и собеседников. Это явление предполагает наличие двух или более языковых систем и переход от одной системы к другой в определенный момент общения. Таким образом, кодовое переключение свойственно билингвам и является проявлением и следствием двуязычия, которое может быть определено как «практика попеременного пользования двумя языками, а лица, ее осуществляющие, – как двуязычные» [4. С. 22] или как «владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от речевого общения» [5. С. 4].

Переключение кода в течение длительного времени анализировалось, главным образом, как проявление билингвизма, и за основу были приняты психолингвистические механизмы кодового перехода. Использование кодовых переключений в художественной литературе, например, зачастую помогает получить дополнительную информацию о коммуникантах, составить представление о их образовании, социальном статусе, владении несколькими иностранными языками: «Do you speak German, Mademoiselle?» «*Ja, ein wenig, mehr als Französisch,*» said the little governess (K.Mansfield. «The Little Governess»).

Данный пример показывает, что собеседник является носителем нескольких языков, и переход на немецкий язык демонстрирует лингвистическую разносторонность личности.

В настоящее время в условиях уплотнения и учащения языковых контактов переключение кода является типичным и для монолингвальных стран. Язык рекламы является однозначным тому подтверждением: переключение кода способствует реализации коммуникативно-прагматической установки рекламного дискурса, является важным коммуникативным приемом, способным воздействовать на представителей целевой аудитории, привлекает внимание потребителей к рекламируемому продукту.

В настоящей статье предпринимается попытка анализа лингвистических и социолингвистических процессов и факторов, связанных с явлением переключения языкового кода как средства речевого воздействия в рекламе, осуществляемого в контексте межнациональных контактов, а также изучения структурных и социопрагматических особенностей кодовых переключений на материале рекламного дискурса.

При изучении процесса переключения языкового кода представляется целесообразным рассмотреть его с точки зрения степени намеренности, сознательности перехода говорящих на другой язык. В этой связи возможно выделение немаркированного и маркированного типов переключений. Немаркированное, плавное, бессознательное переключение кода характеризуется ровными переходами между элементами разных языков, преимущественно в рамках одного предложения. Данный тип перехода, как правило, является проявлением билингвизма говорящего. Данное

переключение не характеризуется заданной коммуникативной функцией, прагматической интенцией отправителя сообщения.

Маркированное, сигнальное переключение, напротив, соответствует намерению говорящего подчеркнуть, выделить определенный элемент в речи и используется для реализации ряда функций [6. С.75-94]. Маркированное переключение кода понимается как сознательное, имеющее целью добиться некоторого результата от коммуникативного акта.

Переключение кода в рекламе может быть объяснено при опоре на маркированную модель языкового выбора, когда язык используется не столько для того, чтобы донести сообщение, он важен для достижения цели [7. С. 15]. Смена языка может быть использована, чтобы ярко и эффективно, запоминающимся образом преподнести информацию. Сознательно переключаясь с одного языка на другой, отправитель рекламного сообщения посылает адресату определенный сигнал, дополнительное значение, помимо содержания сообщения как такового. Эта экстралингвистическая информация может включать статус, образование и ряд других дополнительных сведений [8. С. 15].

С точки зрения структурных особенностей кодовых переключений представляется важным отметить, что они могут встречаться на разных языковых уровнях: на уровне морфемы, слова, внутри предложения и на его границах.

Переключение кода внутри слов, на уровне морфем, активизирует зрительную память, тем самым усиливая запоминаемость рекламы:

- Waldmeister. Edle Accessoires, ultraelegant im Naturlook (“Vogue”);
- CASIO *Outdoor*-Uhr mit Multifunktion Kompass (“Karstadt”);
- Für IMMER JUNG Sie überdauern Trends und Moden, kennen kein “Saftriechen”: die *All-time*-Duftfavoriten (“Vogue”).

Интерсентенциональное переключение кода – самый частотный тип, поскольку в этом случае переход на другой язык может быть осуществлен без нарушения грамматической структуры предложения:

- *Shape* macht Sie *fit & sexy!* (“Die Welt”);
- Mit uns auch Montags ... *easy like Sunday morning*. Radio Nora (“Kieler Nachrichten”).

Выделяется также интрасентенциональный тип переключения, происходящий на естественных границах речевого потока: в конце

фразы, синтаксического периода, при наиболее спокойном режиме общения, по завершении какой-либо темы:

- *Before it's in Fashion it's in Vogue. Gönnen Sie sich den Luxus. Empfehlen Sie Vogue ("Vogue").*

Переключение кода в ряде случаев позволяет активировать то или иное сообщение в памяти целевой аудитории. Таким образом, переключение кода может служить практическим инструментом в рекламе. Принятие верного решения в выборе языка и понимание того, как использовать переключение кода в рекламном дискурсе, становится важной проблемой для рекламодателей. Использование переключения кода – это особый коммуникативный приём, способный повлиять на потребителей, при этом смена языка позволяет сконцентрировать внимание на некоторых аспектах речи, делая ее более яркой, выразительной [9. С. 761].

Следует отметить, что примеры переключения языкового кода в англоязычном рекламном дискурсе немногочисленны в силу исключительно важной роли английского языка в современном мире. Напротив, переключение на английский язык в русскоязычном, немецкоязычном рекламных дискурсах довольно частотно. Это можно объяснить повышенной коммуникативной значимостью английского языка как языка международного общения. Английский язык проникает во все языки мира под влиянием глобализации и Интернета, он стал без преувеличения интернациональным языком, который наиболее часто встречается и доминирует в рекламном дискурсе различных языков.

Анализ фактического материала позволяет утверждать, что кодовое переключение в рекламе выполняет ряд специфических, характерных именно для рекламного дискурса функций.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в настоящее время в силу экономического, политического, культурного сотрудничества между народами в языки разных стран приходит большое количество англоязычных терминов из области торговли, культуры, спорта. Подобную тенденцию к двуязычию можно наблюдать и в рекламе. Нередко кодовое переключение на английский язык помогает заполнить лексический пробел, связанный с отсутствием какого-либо понятия в языке-доноре. Новые концепты и идеи, появляющиеся в мире, зачастую трудно перевести, и эти термины используются в своей оригинальной форме:

- Internet-Flatrate L für 9.95 €/Monat. *Internet Stick Highspeed-Surfen mit bis zu 7,2 Mbits* (“Bild. Hamburg”);
- *Sky sport App. Live-Sport auf iPad und iPhone* (“Süddeutsche Zeitung”);
- Nehmen Sie Platz in der ersten Reihe. Genießen Sie exklusive *News* aus der internationalen Modelwelt. Willkommen bei VOGUE auf dem *iPad* (“Vogue”).

Чаще всего переключение кода встречается в рекламе продуктов, имеющих отношение к образованию, моде, досугу (развлечениям, путешествиям), технологиям, бизнесу, при этом основными параметрами целевой аудитории являются возраст и образование. Образованная молодежь, как правило, – самая мобильная часть аудитории, она динамична, энергична, владеет иностранными языками, вписывается в тенденции глобализации и является специфическим адресатом подобной рекламы.

Таким образом, реклама служит для создания образа продукта с четко обозначенной ориентацией на целевую аудиторию:

- *Das White Caviar Illuminating System: der kleine Luxus für jeden Tag* (“Vogue”);
- Estée Lauder. Re-Nutriv: Geben Sie Ihrer Haut nur das beste vom Besten. Revitalisierend. Regenerierend. Re-Nutriv. Neu: *Ultimate Lift Age-Correcting Crème: Mit den exklusiven Life Re-Newing Molecules* (“Vogue”);
- *High-Level Exclusives Personal Training eröffnete R1 sports club* (“Vogue”).

Переключение кода позволяет создать глобальный, интернациональный образ продукта или компании.

В путешествиях, при переезде в другую страну потребители видят одни и те же названия, слова, слоганы. Переключение кода помогает компаниям создать имидж мультинациональных корпораций, и такая реклама может достичь потенциального покупателя, где бы он ни находился:

- *Ready to Wear. Mode, die durch die Nase geht: Designer-Labels und ihre exclusive Duftkreationen* (“Vogue”);
- Seltene Erden – knapp und bedeutend RBS Select *Rare Earth TR Basket Open End Zertifikat* (“Die Welt”);

- Wir tauschen unsere VORFÜHRWAGEN. Bis zu 40% auf ausgesuchte Fahrzeuge Peugeot. *Motion & Emotion* (“Bild. Hamburg”);
- Gute Geschäfte sofort erkennen, Bonitätsprüfung – Kreditsversicherung – Inkasso. *Business insured. Success insured.* Euler Hermes Kreditversicherung (“Financial Times Deutschland”).

Рекламодатели переходят на английский язык для создания положительного и престижного образа рекламируемого продукта, поскольку английский язык зачастую символизирует современность, промышленные и технологические инновации, в некоторых случаях – престиж и дороговизну, служит маркером модернизации и привлекает внимание потенциальных потребителей. И, соответственно, продукты потребления ассоциируются с такими качествами, как изысканность, надежность, практичность:

- *Beauty & Style* Duftliebliche, *Wellness*favoriten, *Make-up – Highlights* und *Pflegetrends* für Haut & Haar (“Vogue”);
- Verlieben Sie sich in Europa und einen Preis, in dem alles inklusive ist. *There’s no better way to fly.* Lufthansa (“Kieler Nachrichten”).

Как правило, реклама служит для достижения прагматической функции – запоминания рекламируемого продукта. Исследования показывают, что при употреблении определенного языка у слушающих активизируется набор социально-культурных концептов или ментальных фреймов. Эти фреймы включают в себя важные аспекты сознания. Когда билингвы обрабатывают информацию по-английски, возникают определенные культурные ассоциации, к ним относящиеся. При условии, что включенный язык отличается от общего контекста, запоминаемость рекламы возрастает в сравнении с ситуацией, когда бы переключения кода не происходило [10. С. 96]:

- Die aufregenden Kreationen internationaler Designer werden zum fesselnden Blickfang der neuen *Fashion-Looks*. Ein feines Gespür für Trends, verbunden mit langjährigen *Know-how* in der Verarbeitung von Titan, macht die Kreationen von Bocca TiTanium zu schmuckvollen Begleitern der Saison (“Kieler Nachrichten”);
- *Points of SEHMS service*: Montag – *Lady’s Day*, Mittwoch – *Men’s Business* (“Holsteiner Zeitung”);

- *Most wanted* Limitiertes Geschenkset “Maggie”. Die gleichnamige Clutch aus grauem Lamm – und bei gefarbenem Echtenleder enthält 50 ml EdP “Clio” (“Vogue”).

Анализ фактического материала показывает, что элементы рекламы с переключением кода, как правило, короткие и легкие для запоминания. Это важно для того, чтобы избежать негативной оценки продукта.

Следует подчеркнуть, что кодовое переключение не всегда гарантирует успешность рекламы, необходимо правильное его использование. Поскольку даже в случае владения аудиторией двумя или более языками важно учитывать отношение к употребляемым в сообществе языкам, практике переключения кода и наличию или отсутствию напряжения между представителями различных языковых и национальных сообществ. Переключение кода может содействовать устранению социальной дистанции между собеседниками, равно как и ее установлению.

Переключение языкового кода в рекламе связано с культурной чувствительностью, восприимчивостью, ожиданиями слушающего, и оно может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на формирование имиджа продукта, его оценку. Важно, чтобы информация, передаваемая при помощи кодового переключения, была сформулирована эффективно, дозировано и приемлемо с точки зрения восприятия и понимания целевым адресатом.

В целом, исключительное значение имеет отношение билингва к явлению переключения кода, поскольку, если оно воспринимается негативно, то и реклама может потерпеть неудачу. Исследователи отмечают, что многие билингвы относятся к практике переключения кода отрицательно, несмотря на широкое распространение этого феномена, поскольку оно негативно сказывается на чистоте их родного языка.

Использование двух и более языков в рекламе – распространенная практика и выбор языка играет значительную роль в формировании имиджа продукта. Переключение кода в рекламном дискурсе может рассматриваться как важный коммуникативный прием, конструирующий классовую и социальную идентичность и служащий для создания образа потребителя. Отношение к явлению переключения кода, уровень владения вторым языком,

экстралингвистические особенности, которые несет язык, – всё это влияет на эффективность рекламы. Важен и языковой контекст, в котором осуществляется смена языка; он способен повлиять на положительное или отрицательное восприятие как переключения кода, так и рекламы в целом.

Библиографический список

1. Проценко Е.А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. №1. С. 123-127.
2. Бутина Р.М. К проблеме контактов языков (на материале тюркских лексических элементов в английском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1971. 26 с.
3. Romaine S. Bilingualism. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 337 p.
4. Вайнрейх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
5. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1977. 77 с.
6. Eppler E. Code-switching in “Emigranto” // Vienna English Working Papers. 1994. Vol. 3. P. 75-94.
7. Myers-Scotton C. Social Motivations for Codeswitching: Evidence from Africa. Oxford: Clarendon Press, 1997. 177 p.
8. Becker K. Spanish/English Bilingual Codeswitching: A Syncretic Model // Bilingual Review. 1999. Vol. 22. Issue 1. P. 3-31.
9. Luna D. & Peracchio L. Advertising to Bilingual Consumers: The Impact of Codeswitching on Persuasion // Journal of Consumer Research. 2005. 31. 4. P. 760-765.
10. Bishop M. The Role of Language Codeswitching in Increasing Advertising Effectiveness among Mexican-American Youth. Texas, 2006. 143 p.

Сведения об авторе

Жиганова Анна Владимировна
аспирант кафедры английской филологии,
ассистент кафедры иностранных языков ФМЭУ
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: ann-zhi1@yandex.ru

УДК 81'373

К ПРОБЛЕМЕ УНИФИКАЦИИ И СТАНДАРТИЗАЦИИ ОТРАСЛЕВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

А.В. Иванов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена проблеме соблюдения основных требований, предъявляемых к терминам на современном этапе развития отраслевых терминосистем. Неполнота и несовершенство существующих терминосистем не является, по мнению автора, достаточной причиной для игнорирования данных требований, поскольку работа по унификации и стандартизации терминологии невозможна без учета основных признаков терминологических единиц.

Ключевые слова: терминология, унификация терминологии, термин, основные признаки термина.

On the Problem of Unification and Standardization of Specialized Terminology

Andrey Ivanov

The article deals with basic requirements for terms and terminology in modern terminological systems of various professional fields. The author argues that imperfection and incompleteness of terminological systems is not a sufficient reason to ignore essential features of terms as units of special nomination, since further unification and standardization of terminology within specific fields is impossible without taking these requirements into consideration.

Key words: terminology, unification of terminology, term, essential features of the term.

Интерес к терминологии восходит еще к временам античности. Древние говорили: «Если терминология данного предмета неизвестна, неизвестен и сам этот предмет», подчеркивая тем самым важность изучения терминологического аппарата науки, без знания которого невозможно усвоение ее базовых положений. В наши дни исследование терминологии представляет интерес как с позиций осмысления процессов терминообразования, так и с практической точки зрения, ибо оно предполагает решение задач, ориентированных на упорядочение терминосистем, стандартизацию и унификацию терминов, создание различного рода терминологических словарей и справочников.

Язык науки в целом, как и язык любой отдельной научной

отрасли, представляет собой сложную, многосоставную функциональную разновидность общелитературного языка, выполняющую разнообразные научные задачи теоретического и практического свойства. Наряду с единицами общенаучной лексики, номенклатурой, объем которой необозримо велик и с трудом поддается систематизации, язык науки включает также терминологию, представляющую собой стержень всякого функционально ориентированного языка, обслуживающего потребности соответствующей отрасли науки. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что изучение специфического языка любой научной отрасли начинается с анализа, гармонизации и систематизации терминологии и заканчивается ее унификацией и стандартизацией. Практическим результатом такой работы являются одно- или многоязычные отраслевые словари специальных терминов, ориентированные на достижение различных целей: репрезентацию базового терминологического корпуса какого-либо отдела науки или же изложение основных положений этой науки через дефинирование понятий, номинируемых посредством терминологии.

Полемика среди лингвистов, связанная с проблемой гармонизации, унификации и стандартизации научной терминологии, имеет давнюю историю и представлена целым спектром полярных точек зрения на саму возможность унификации и стандартизации как таковую. Если на начальном этапе становления какой-либо научной отрасли в части формирования ее терминологического аппарата преобладает, как правило, прескриптивный подход, дающий возможность сформировать базовую терминологию и привести ее в известное соответствие с системой понятий в данной отрасли по принципу «один к одному», то на более поздних этапах, в условиях, когда бурный рост знаний в науке приводит к появлению множества новых понятий и терминов, вводимых приверженцами различных научных направлений и школ, преобладающей становится точка зрения дескриптивистов, полагающих наиболее рациональным способом решения терминологической проблемы фиксирование и описание уже имеющейся терминологической базы. В практическом плане такой подход предопределяет появление целого ряда отраслевых терминологических словарей.

В настоящее время, как отмечала еще О.С. Ахманова [1], в развитии научной терминологии достаточно четко просматриваются

две тенденции: 1) неуклонный рост числа новых терминов, связанный с появлением не существовавших ранее направлений в науке, и 2) расширение количества и объема понятий, выражаемых через посредство уже существующих терминов. Обе эти тенденции, будучи реализованы на практике, приводят к появлению большого количества терминов-дублетов, непоследовательности в употреблении уже существующей терминологии. Наблюдение, сделанное О.С. Ахмановой более сорока лет назад, и по сей день остается актуальным, поскольку развитие языка науки – это процесс поступательный, подчиняющийся определенным закономерностям, существование которых доказано временем, результатами теоретического осмысления, устойчивостью и повторяемостью.

Необходимость поиска путей, ориентированных на *оптимизацию процессов терминообразования и терминопользования*, предопределяет стратегию научных исследований в сфере терминологии.

В русле этой стратегии к наиболее важным задачам, требующим своего решения, относятся следующие:

1) формирование единой научно-методологической базы терминологических исследований. Анализ существующей литературы по данному кругу вопросов свидетельствует об отсутствии среди лингвистов и терминологов единого мнения о том, что, каким образом и с применением какой методической базы следует изучать в первую очередь. Такое положение дел на практике приводит к тому, что появляющиеся работы носят разрозненный, несистемный характер, ограничиваясь описанием отдельных групп терминов, отобранных по принципу равной предметной отнесенности, изучением единичных фактов, связанных с онтологией и функционированием терминологической лексики. Публикуемые исследования содержат большое количество типологических данных, не обобщенных и не проанализированных в полной мере;

2) разработка универсальных принципов работы с отраслевой терминологией, в основе которых лежит комплексный подход, заключающийся в параллельном многоаспектном анализе научной и технической терминологии. При этом объектом исследования становятся терминосистемы, обслуживающие ту или иную отрасль науки и техники, предметом – процессы становления и развития отраслевых терминосистем, особенности этих систем в самых

различных аспектах: историко-лингвистическом, структурном, семантическом, лингвокогнитивном, лексикографическом и т.д.;

3) обоснование принципиальной возможности гармонизации, унификации и последующей стандартизации отраслевого терминологического массива. Подобный подход обусловлен потребностями информационного поиска, необходимостью создания отраслевых терминологических банков данных, выполняющих словарно-справочные функции и свободных от терминологического «балласта», затрудняющего коммуникацию в профессиональной сфере;

4) создание научно обоснованной методики, на базе которой должна производиться качественная подготовка специалистов в различных областях науки;

5) разработка теоретических проблем общей и специальной лексикографии, поиск оптимальных способов репрезентации терминологии в словарях соответствующих типов;

6) подготовка практических рекомендаций по составлению терминологических словарей, адекватно отражающих современный уровень развития соответствующих отраслей науки и техники.

Решение перечисленных выше задач серьезно осложняется, однако, тем обстоятельством, что до сих пор еще не выяснена до конца природа термина, не выявлены в полной мере признаки термина как лексической единицы особого назначения, в первую очередь, в онтологическом и функциональном аспектах. До настоящего момента остается нерешенным вопрос об особенностях взаимоотношений лексических единиц, имеющих статус «термина» и «нетермина» [2]. Многие из опубликованных ранее работ по терминологии, в которых термин провозглашается языковой единицей, лишенной синонимов, допускающей только однозначное толкование, не имеющей стилистических коннотаций и т.п., признаются, по сути, идеалистическими. Такова, к примеру, оценка работ Е.Н. Толикиной (прим. 1), даваемая в статье Ю.В. Сложеникиной [3]. Основанием для подобных утверждений является то, что на практике исследователи сталкиваются с реальной терминологией, в которой, как и в любом другом лексическом слое, действуют языковые закономерности, носящие *универсальный* характер. Именно они обуславливают вариативность семантики терминов, вызывают появление синонимов, которые позднее могут

включать в состав своей понятийной структуры новые семы, преобразуясь, таким образом, в терминологические единицы с расширенным, суженным или полностью измененным значением. У термина могут возникать такие оттенки значения, которые позволяют исследователям утверждать, к примеру, что стилистическая нейтральность термина – это свойство, на постоянной основе термином не реализуемое. Говоря словами Б.Н. Головина, «сконструированы целые системы требований, которым должны удовлетворять термины, ... несмотря на то, что одни из этих требований в жизни науки не соблюдаются, а другие лишены смысла» [4].

Приведенная цитата, на базе которой строятся умозаключения некоторых терминологов и лингвистов, порождает ряд вопросов.

1. Насколько целесообразным для науки и ее языка является соблюдение требований, которые предъявляются к научному терминологическому инструментарию, и нужны ли эти требования вообще?

2. Действительно ли не имеют смысла требования к термину, которые подробно разработаны в целом ряде трудов по терминологии?

3. Отменяет ли фактически установленная и подтвержденная целым рядом исследований вариативность семантики терминологических единиц необходимость соблюдать сформулированные ранее и также подтвержденные теоретическими выкладками требования к термину?

Попробуем ответить на поставленные вопросы с позиций, которые строятся с учетом характера взаимоотношений инвариантности и вариативности как признаковых категорий языка и его единиц.

Требования, предъявляемые к термину, на наш взгляд, несомненно важны, поскольку именно они лимитируют сферу употребления специальной лексики, отграничивая ее от лексики неспециальной. При игнорировании основных требований к термину понятийная основа научной терминологии окажется размытой, а критерии, положенные в основу различения специальных и неспециальных лексических единиц, окажутся недействующими, поскольку будут отсутствовать основания для их сравнения и сопоставления.

Несомненным и неоспоримым является факт, что общий язык с его лексическим составом являет собой основу, на которой формируется терминология как составная (специализированная) часть лексики общего языка. Однако с момента своего возникновения терминология любой научной отрасли стремилась к обособлению от основной массы лексических единиц, воздвигая между ними и собой барьер в виде появляющихся новых оттенков значения уже имеющихся слов, которые позднее в результате тех или иных семантических модификаций вырастали в совершенно особые значения, требуя для себя особых средств выражения. С расширением инвентаря этих средств возникла возможность не просто брать из лексической системы общего языка готовые слова и использовать их в качестве терминов, а создавать совершенно новые языковые единицы, характеризующиеся структурным и семантическим своеобразием.

Центробежный характер развития как лексической системы языка в целом, так и отдельных ее частей в частности обусловил миграцию обособляющихся в плане семантики и структуры элементов лексики от центра лексической системы языка к ее периферии и положил начало формированию терминосистем, нуждавшихся в собственных правилах употребления и функционирования. Именно эти правила и лежат в основе критериев и требований, предъявляемых к терминологии научных отраслей. Их отмена или несоблюдение теоретически могут привести к тому, что язык науки как язык для специальных целей вместе со своим, зачастую громоздким и избыточным, терминологическим аппаратом уподобится общему языку, поскольку утратит свою специализированность. На практике, однако, этот процесс совершенно непредставим, ибо наука никогда не являлась уделом многих, и проблемы, которыми она занимается, хотя и могут иметь общечеловеческую значимость, редко становятся предметом массового обсуждения (прим. 2).

Терминологию научных отраслей отличает от лексики общего языка то, что любая терминологическая система, по сути, является знаковой системой. отождествление этой знаковой системы с лексикой общего языка, выражающееся в игнорировании требований к знаку-термину как к таковому, приведет к необходимости наделять знаковостью и общелексические единицы, что входит в противоречие

с постулатом В.А. Звегинцева о «неправомерности определения «конкретных» языков в целом как знаковых систем» [5]. Кроме того, выход терминов за пределы системы, в которой они употребляются, может иметь следствием, во-первых, утрату ими точности вследствие употребления в более широком смысле, а во-вторых, потерю терминами своих семантических и формальных свойств, на основании которых они противопоставляются нетерминам [6]. Возвращение термина в сферу общеупотребительной лексики предполагает, таким образом, расширение его содержательного объема и, как следствие, (полное или частичное) уничтожение специализации. Уничтожение специализации термина в свою очередь ставит под сомнение возможность какого бы то ни было упорядочения терминологии и ее систематизации в рамках конкретной научной отрасли, так как невозможно систематизировать то, что не имеет четко выраженного специализированного семантического статуса.

Очевидная необходимость сохранения и соблюдения элементарных требований к термину (системность, точность, однозначность, общеупотребительность, конвенциональность, стилистическая нейтральность, безобразность и т.д.), казалось бы, противоречит сложившейся практике терминообразования и терминопотребления, подкрепленной несовершенством и незаконченностью существующих терминосистем.

Это противоречие, на наш взгляд, только кажущееся и обусловлено оно присущей языку способностью к постоянному совершенствованию и изменению. Однако изменчивость языка представляется его преходящим свойством, реализуемым на конкретных этапах его развития. Можно утверждать, что предела совершенству нет, и не учитывать при этом, что развитие как раз и есть признак несовершенства системы.

Любая структура (и язык не является исключением) проходит стадии становления, развития, расцвета и умирания. Расцвет в данном случае подразумевает пребывание какой-либо структуры в состоянии относительного равновесия. Применительно к терминологии можно говорить, что равновесие возникает при достижении ею или ее элементами максимальной структурной и семантической целостности, иначе говоря, той стадии развития, для которой характерна наиболее полная и последовательная реализация основных

требований к термину и терминологии (в первую очередь, соблюдение принципа «одно понятие – один знак»), какими бы невыполнимыми они не казались с точки зрения сегодняшнего дня. Следовательно, начинать решать проблему изоморфизма в терминологии целесообразно не с игнорирования очевидных требований к термину, а с признания факта, что терминосистемы языка науки еще не достигли той степени зрелости, когда к ним становится возможным в полной мере применить принцип изоморфизма. Отрицание рядом лингвистов и терминологов изоморфного устройства терминосистем, основывающееся на том, что в настоящее время отсутствуют условия полной реализации требований к термину, не кажется убедительным, поскольку «как бы ни были достоверны факты... и представления, они не воплотятся в точные научные положения, если не будет точных выражений для их передачи» [7].

В подтверждение сказанного будет уместно, по нашему мнению, привести здесь мнение специалиста из области знания, которая, казалось бы, далека от лингвистики, а именно – эзотерической философии: «В настоящем временном цикле, когда все пути ведут к интеграции с последующим синтезом и вычленением опыта, язык как общечеловеческое явление будет продолжать модифицироваться, однако уже в направлении смещения форм, пока в результате не образуется вновь, но уже на новом уровне, общая для всего человечества знаковая система, полностью адекватная семантической системе информационных полей. Поэтому, составляя мыслеформу, не бойтесь вводить в нее иностранные слова и термины ...» [8].

Всеобщая знаковая (в нашем случае – терминологическая) система, в которой максимально реализуются предъявляемые к термину требования, может возникнуть только на основе стандартизации и унификации научной терминологии, которая, как видим, не мыслится в отрыве от интернационализации терминологических систем. Интернациональная терминология характеризуется наличием полного семантического соответствия в рамках различных семиотических кодов. Ее применение обеспечивает прямую передачу информации при переводе с одного языка на другой, позволяя достичь максимального формального соответствия между аналогичными терминологическими единицами исходного языка и языка-реципиента [9]. Кроме того, при использовании

иностранной терминологии «не возникает в таком обилии вводящих в заблуждение ассоциаций, как это происходит в случае применения в качестве термина исконного слова» [10].

С позиций современной науки такая терминология может казаться идеальной [11], однако за этой внешней идеальностью скрыта ее *универсальность*, благодаря которой реализуется отмечаемая рядом терминологов и лингвистов тенденция к сближению различных языков и культур в отражении реальности и закреплении результатов познания.

Примечания

1. Имеется в виду статья Е.Н. Толикиной «Некоторые лингвистические проблемы изучения термина», опубликованная в 1970 г. в сборнике «Лингвистические проблемы научно-технической терминологии».

2. Ср.: «...лингвист занимается <...> вещами, знание которых в деталях не обязательно для всех в начале 21 в.» (Демьянков В.З. Соотношение быденного языка и лингвистического метаязыка в начале XXI века // Языкознание: Взгляд в будущее / Отв. ред. Г.И. Берестнев. Калининград, 2002. С. 154).

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004. С. 3-19.
2. Мякшин К.А. Основные подходы к исследованию лингвистической терминологии (на материале английских фонетических терминов) // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки», № 2, 2008. С. 52.
3. Сложеникина Ю.В. О соотношении понятий «значение» и «смысл»: к проблеме терминологической вариантности // Вестник СамГУ, № 1 (41), 2006. С. 124.
4. Головин Б.Н. О некоторых проблемах изучения терминов // Вестник МГУ. Сер. «Филология», № 5, 1972. С. 64.
5. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962. С. 52.
6. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск, 1991. С. 17.
7. Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии. М., 1979. С. 5.

8. Анопова Е.И. Закон или Открытая Книга Кармы. М., 1996. С. 132.
9. Гвишиани Н.Б. Современный английский язык: Лексикология. М., 2000. С. 191–192.
10. Иванов А.В. Особенности реализации принципа мотивированности в лингволитературоведческой терминологии // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки», № 1(7), 2005. С. 70.
11. Акуленко В.В. НТР и проблема интернациональной терминологии // НТР и функционирование языков мира. М., 1977. С. 81.

Сведения об авторе

Иванов Андрей Владимирович
доктор филологических наук,
профессор кафедры теории и практики
английского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: holzmann@mts-nn.ru

УДК 811.133.1'38

АВТОРСКИЕ ОТСТУПЛЕНИЯ И КАТЕГОРИЯ АДРЕСОВАННОСТИ

Т. П. Понятина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются функционально-коммуникативные типы авторских отступлений во французских романах. Авторские отступления признаются сильными сигналами адресованности художественных текстов, программирующие их интерпретацию читателем, что позволяет обосновать диалогичность художественной коммуникации.

Ключевые слова: художественный текст, авторские отступления, адресованность, повествователь.

The Author's Digressions and Intended Audience **Tatyana Ponyatina**

The article looks at functional and communicative types of authorial digressions in French novels, viewing them as strong markers of the author's intended audience, which precondition readers' interpretation of literary texts. This view further supports the idea of literary communication as dialog.

Key words: literary text, authorial digressions, intended audience, narrator.

Авторские отступления относятся к повествовательным приемам, традиционно входящим в сферу интересов литературоведения и литературной стилистики.

В данной статье ставится цель рассмотреть их в коммуникативно-прагматическом аспекте. Такой подход находится в русле современных путей изучения художественного текста, который можно назвать антропоцентрическим, так как личностное начало в языке становится приоритетным объектом интереса лингвистов. Он предполагает исследование текста в аспекте его порождения и восприятия и выявление тех способов, которые автор использует для осознанного воздействия на читателя, на его познавательную деятельность. Антропоцентрический подход разрабатывается, например, в трудах А. А. Ворожбитовой [1].

Авторское отступление определяют обычно как вид композиционно-речевой формы «от автора», представляющий собой

отход от основной сюжетной линии. Более детализированное и лингвистически ориентированное определение находим в монографии О. Дерюэль: «Отступление определяется как текстовый фрагмент, программирующий замедляющий эффект чтения, который маркирован присутствием метатекста (различной протяженности), играющего демаркативную роль, и подчеркивающего отход от повествовательной ткани текста (перевод наш – Т.П.)» [2. С. 12].

Авторские отступления рассматриваются в данной статье как маркеры категории адресованности художественного текста. Разумеется, художественный текст обладает адресованностью во всей своей целостности, на что указывали, например, М.М. Бахтин и Г.О.Винокур. Адресованность можно рассматривать и в более узком смысле, как особую коммуникативную активность автора; именно в таком аспекте трактует эту категорию О.П. Воробьева: «Под адресованностью нами понимается свойство текста как вербального объекта, посредством которого опредмечивается представление о предполагаемом адресате и особенностях его интерпретативной деятельности» [3. С. 2]. С этих позиций направленность на адресата должна рассматриваться как имманентная характеристика художественного текста.

Исследуя способы выражения категории адресованности в авторских отступлениях, мы должны, естественно, опираться на типологию повествовательных типов текста, учитывающих экспликацию присутствия автора/нарратора. Австрийский лингвист Ф. Штанцель, много занимавшийся теорией нарративности, выделяет следующие нарративные типы повествования в зависимости от сочетания трех нарративных категорий – лица, перспективы и модуса презентации:

- аукториальный повествовательный тип, в котором автор-нарратор остается вне повествования, соблюдая временную, пространственную и психологическую дистанции, это повествование от третьего лица;

- я-повествователь, в котором мир нарратора совпадает с миром изображаемого, а сам он выступает как действующее лицо повествования;

- акториальный повествовательный тип, в котором нарратор устраняется, передавая повествование персонажам; этот тип характеризуется наличием большого количества прямой речи,

наличием «потока сознания» [4]. Принятие автором того или иного типа повествования имеет не только собственно композиционные и эстетические задачи, оно интересно и с точки зрения коммуникативного подхода к исследованию художественного текста. При различных типах повествования различаются и важные параметры диалога нарратор-читатель, а именно: дистанция, которая маркируется повествователем по отношению к описываемым событиям (нарративная дистанция) и степень вовлеченности читателя в осмысление текста. При аукториальном повествовании оценки выражены более явно, авторское присутствие ощущается сильнее. Дистанцируясь от изображаемого, повествователь создает иллюзию своей объективности по отношению к нему и объективности своих оценок и суждений, их имперсональности. Читатель вынужден принимать их такими, какими они программируются автором. При я-повествовании оценки передаются нарратору-персонажу, который априори субъективен, поэтому читательское отношение к высказываемым им суждениям и мыслям может содержать некоторую долю недоверия, неприятия, тем самым вовлекая его в более активный процесс восприятия художественного произведения. В третьем же случае, при акториальном типе повествования, читатель вынужден сам осмысливать описываемый мир, потому что оценки и суждения принадлежат различным персонажам и часто противоречат друг другу.

Разумеется, эти предположения носят самый общий характер, степень авторского участия в программировании читательского восприятия определяется не только избранным способом повествования. Отметим также, что выделенные три типа повествования в современной литературе подвергаются разнообразным вариациям. Так, в романе А. Камю «Чума» повествование ведется от третьего лица, т.е. относится к аукториальному типу. Но постепенно читатель замечает, что описываются только события, непосредственным участником которых является доктор Риё, что внутренние монологи и внутренняя речь относятся только к нему, а размышления других персонажей приводятся повествователем в виде отрывков из дневников, якобы попавших в его руки. Время от времени появляются намеки на то, что «повествователь», как он недвусмысленно обозначен в романе, сам находится в центре событий. И в заключительных главах романа

объявляется, что автором рассказа является именно доктор Риё. Камю предпочел отказаться от формы я-повествования, чтобы придать рассказу больше объективности, вывести его на более высокую ступень обобщения, сохранив при этом живость рассказа непосредственного наблюдателя событий.

Материалом исследования в данной статье послужили французские романы, относящиеся к различным типам повествования. Аукториальный тип: роман Альбера Камю «Чума»; я-повествовательный тип: роман Сан-Антонио «Берю-Берю», и, наконец, к акториальному типу повествования относится роман Кристиана Гайи «Один вечер в клубе». Анализируя прозу Гайи в журнале «Lire», литературный критик Жан-Пьер Тизон так охарактеризовал ее: «Движение повествования, его ритм, разрывы, насыщенность, гипечувственность заставляют нас встать на место нарратора...» [5]. Критик, не будучи лингвистом, точно подметил коммуникативную суть подобного типа повествования: высокую степень вовлеченности читателя в активное осмысление сюжета.

Анализ позволил выделить несколько функциональных типов авторских отступлений.

1. Авторские отступления-обобщения. Они представляют собой отвлеченное умозаключение сентенциозного характера, которое автор делает по поводу описываемого им события. Так, в романе Камю «Чума», отступление выступает в роли аргумента, объясняющего читателю, почему пресса замалчивала случаи смерти людей от чумы: «La presse, si bavarde dans l'affaire des rats, ne parlait plus de rien. C'est que les rats meurent dans la rue et les hommes dans leurs chambres. Et les journaux ne s'occupent que de la rue» [6. С.45] (здесь и далее подчеркивание наше - Т.П.) И автор, и читатель остаются наблюдателями по отношению к событиям текста. Настоящее время выступает не только в функции «Présent absolu», т.е. в функции обозначения действия, верного для любого времени, но и как маркер нарративной дистанции: в первой части примера, представляющей собой собственно повествование, используется прошедшее время.

Даже если повествование ведется в настоящем времени, обобщающий характер отступления сохраняется, он выражается, например, сменой объекта описания (персонажа) на отвлеченный, абстрактный, или генерализирующий. Ср.: «Parti dans les évocations

militaires, il passe son régiment en revue ... Il y déniche des apothéoses, Béru. Le passé devient juteux au fur et à mesure qu'il passe. Chez l'homme, tout s'épaissit avec l'âge, sauf la mémoire» [7. С. 37].

Последний пример относится к тексту с я-повествователем. Можно заметить, что категория «автор» в этом отступлении дифференцирована: нарратор предстает не как персонаж (полицейский комиссар), рассказывающий историю в реальном времени, совпадающим с временем действия, а как повествователь, описывающий ее позже и позволяющий себе размышлять, отходить от сюжетной линии.

При акториальном типе повествования, в котором нарратор может передать персонажам задачу формулировать суждения и оценки, авторские отступления нередко вплетаются во внутренний монолог, или в несобственно-прямую речь. В подобных случаях отступления-обобщения трудно отделить от ощущений героя: «On distingue, en gros, deux catégories d'amateurs de jazz, les calmes et les agités. L'ingénieur claquait des doigts. Il tapait aussi du pied. Et il secouait la tête du haut en bas. Simon détestait ça» [6. С. 37]. Размышление с равным успехом можно отнести как к повествователю, так и к герою, что подчеркнуто глаголом «détestait»: Симон – это музыкант, который сам вполне мог делать вывод о том, что зрители по-разному реагируют на исполнение джаза, а чувство, выраженное глаголом «détestait», может с равным успехом относиться как к конкретной ситуации, так и к любому проявлению описанной зрительской реакции.

Авторские отступления-обобщения можно представить в виде архетипической модели «Это есть X, потому что такие ситуации всегда есть X». Они апеллируют к сознанию читателя, выполняя двойную функцию. С одной стороны, они выступают как аргументы к авторским оценкам, создавая у читателя впечатление объективности суждения, так как воссозданный художественный мир уподобляется миру реальному. С другой стороны, приобщая читателя к сопоставлению двух миров, они вовлекают читателя в формирование собственных умозаключений, усиливая его познавательную активность. Авторская стратегия заключается в передаче читателю собственной концептуальной картины мира таким образом, чтобы он воспринял ее как собственную.

Вариантом авторских обобщений выступают отступления, модель которых можно представить следующим образом: «Обычно думают, что нечто есть X, но это неверно»: «Car on laisse supposer alors que ces belles actions n'ont tant de prix que parce qu'elles sont rares et que la méchanceté et l'indifférence sont des moteurs bien plus fréquents dans les actions des hommes. C'est là une idée que le narrateur ne partage pas. ... Les hommes sont plutôt bons que mauvais» [8. С. 147]. Можно заметить, что в этом отступлении позиция повествователя эксплицирована, хотя в аукториальном повествовании такое наблюдается редко. Гораздо охотнее свою позицию эксплицирует я-повествователь: «Moi, je ne sais pas ce que vous en pensez, je trouve qu'on ne va pas assez en Venise et qu'on y va mal. C'est toujours la grosse gonflée touristique... J'en raffole, par contre, lorsqu'elle est peinarde, assoupie dans des dimanches de la saison morte» [7. С. 38].

2. Авторские побудительные отступления, направленные непосредственно на активизацию мыслительной деятельности читателя. Побудительные отступления нередко содержат прямые и косвенные обращения к читателю, которые могут быть выражены либо местоимениями второго лица, неопределенно-личными местоимениями, либо прямыми наименованиями, сводимыми к понятию «мой читатель»: «Mais à Oran, les excès du climat, [...], tout demande la bonne santé. Un malade s'y trouve bien seul. Qu'on pense alors à celui qui va mourir, pris au piège derrière des centaines de murs [...]. On comprendra alors ce qu'il peut y avoir d'inconfortable dans la mort, même moderne, lorsqu'elle survient dans un lieu sec» [8. С.13].

Другая лингвистическая особенность: по форме эти отступления представляют собой побудительные предложения, в том числе и несобственно-побудительные, наиболее часто включая глаголы восприятия и интеллективной деятельности: «On imaginera facilement ici ce que put devenir le sentiment de la séparation qui avait habité tant de nos concitoyens» [8. С.318]; «Rendez-vous compte comme la situation est affolante» [7. С. 98]; «Il faut imaginer ces mains, au-dessus du clavier, qui tremblent...» [6. С. 46].

Нами выделены два варианта таких отступлений: побудительно-регулятивные и побудительно-когнитивные. При первом варианте повествователь сосредоточивает внимание читателя на важных деталях сюжета, его поворотах: «Avouez que comme cas de conscience ça se pose là» [7. С. 38]; побудительно-когнитивные отступления

призваны активизировать мыслительную активность читателя, и носят эвристический характер: «Le docteur Rieux était dépourvu, comme l'étaient nos concitoyens, et c'est ainsi qu'il faut comprendre ses hésitations» [8. С. 47]. Последние часто имеют форму вопросительных предложений: «Y'a des pommes qui sont devenues gâteuses pour moins que ça. Vous ne pensez pas?» [7. С. 185].

Семантическую модель побудительных авторских отступлений можно представить следующим образом: «Задумайтесь над ситуацией X».

3. Авторские оценочные отступления. Они относятся к какой-либо детали сюжета, поступку персонажа, ему самому. Разумеется, авторские оценки пронизывают многие другие композиционно-речевые формы. В данной статье в качестве оценочных авторских отступлений рассматриваются обособленные от основной ткани повествования, в которых явно прослеживается «голос» повествователя, и тем самым обозначена нарративная дистанция. Обратимся к примерам. В романе «Чума» есть несколько таких довольно пространных отступлений, рамки статьи не позволяют привести их полностью, поэтому мы ограничимся фрагментом. Речь идет о записках Тарру. Автор предвосхищает возможную негативную реакцию читателей на них и сразу дает свою положительную оценку: «On peut déplorer sans doute ce parti pris et y supposer la sécheresse du cœur. Mais il n'en reste pas moins que ces carnets peuvent fournir [...] une foule de détails [...] dont la bizarrerie même empêchera qu'on juge trop vite cet intéressant personnage» [8. С. 33].

В романе Сан-Антонио, общая тональность которого приближена к разговорной, повествователь охотно дает оценки происходящему, часто в форме восклицательных предложений, сопровождая их прямыми обращениями к читателям: «Ah! mes enfants, quel spectacle!» [7. С.126]. Стратегия автора не ограничивается передачей читателю собственной оценки, но направлена также на создание определенного эмоционального отношения к изображаемому.

В акториальном романе оценочные авторские отступления опять-таки тесно вплетены в ткань повествования, и граница между авторской оценкой и оценкой, идущей от персонажа, не так легко выражена. Так, вторая глава романа Гайи начинается отступлением, характеризующим морской воздух. Предложение отделено от

последующего текста красной строкой. Его можно отнести как к оценке, идущей от автора, так и от героя: «C'est quand même autre chose, l'air qu'on respire au bord de la mer» [7. С. 20]. В текстах с акториальным типом повествования выдвигается эмоциональный компонент воздействия на читателя, так как оценки в нем более субъективны.

Семантическая модель оценочных отступлений совпадает с моделью классической оценочной конструкции: «Это хорошо/плохо».

4. Метатекстовые авторские отступления. Они направлены непосредственно на форму изложения, поэтому обычно маркированы лексикой, относящейся к теме писательства: *digression, style, narration, chapitre, personnage, écrire, appeler*. По своей структуре они чрезвычайно разнообразны. Так, Сан-Антонио регулярно комментирует собственный стиль в иронически-лаудативной манере: «Comment que c'est virgulé, hein ? J'sais bien que mon style fait des envieux, et même des envielles, mais j'y peux rien : c'est congénital» [7. С. 80]. Камю чаще сосредоточивается на пояснениях, как построено повествование, какими источниками он пользовался и т.д. Ср.: «Cependant, avant d'entrer dans le détail de ces nouveaux événements, le narrateur croit utile de donner sur la période qui vient d'être décrite l'opinion d'un autre témoin» [8. С. 32].

У Гайи такие отступления чрезвычайно редки, ведь акториальный тип изложения призван создать у читателя впечатление погружения в сознание персонажа и восприятия содержания не от рассказчика, а от самого действующего лица. Тем не менее, и в его романе встречаем: «Jolie phrase!», высказывание, относящееся к предшествующему описанию красивого натюрморта [7. С. 103]. Несмотря на все разнообразие метатекстовых отступлений, их общую семантическую структуру можно представить в виде модели «То, что вы читаете, написал я». Они нередко содержат и оценочный компонент.

Итак, в результате наших наблюдений можно сделать следующие выводы.

Авторские отступления являются сильными маркерами диалогичности художественного текста, в них заключены коммуникативные стратегии автора, направленные на программирование интерпретации художественного текста читателем. Авторские отступления уточняют, эксплицируют

мировоззрение автора и побуждают читателя к активному восприятию текста. Воздействие на читателя осуществляется в различных плоскостях, оно может быть как рациональным, реализуясь через аргументирование, так и эмоциональным, реализуясь в эксплицитном апеллировании к читателю. Автор может также привлекать внимание читателя к форме изложения, что позволяет последнему глубже осмыслить текст.

Библиографический список

1. Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление. М.: Высшая школа, 2005. 367 с.
2. Déruelle A. Balzac et la digression. Une nouvelle prose romanesque. Saint-Cyr sur Loire: Christian Pirot éditeur, 2004. 242 p.
3. Воробьева О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межъязыковая коммуникация). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1993.
4. Stanzel K.F. Theorie des Erzählens. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. 339 S.
5. Tison J.-P. Quand le jazz est là. Lire – 2007. // Электронный ресурс Интернет: www.leseditionsdeminuit.com/f/index.php
6. Gailly Ch. Un soir au club. Paris: Les Editions du Minuit, 2001. 173 p.
7. San-Antonio. Béru-Béru. Paris: Fleuve Noire, 1970. 478 p.
8. Camus A. La peste. Paris: Gallimard, Folio Plus, 1996. 398 p.

Сведения об авторе

Понятина Татьяна Петровна
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры французской филологии
НГЛУ им Н.А. Добролюбова
E-mail: manon16kovrov@rambler.ru

УДК 811.133.1'354

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ (на материале французского языка)

И.А. Пугина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В данной статье рассматриваются основные факторы, влияющие на становление языковой нормы, в частности, внутренний и внешний факторы, а также анализируются последствия их влияния на орфографические нормы современного французского языка.

Ключевые слова: языковая норма, варианты нормы, орфографические нормы, кодификация.

Some Peculiarities of Evolution of Linguistic Norm in the French Language **Irina Pugina**

The article focuses on the main factors which influence the formation of linguistic norm, particularly the external and the internal factors. The author analyses the consequences of their influence on the orthographic norms of the modern French language.

Key words: linguistic norm, variants of norm, orthographic norms, codification.

Языковой норме, как и языку в целом, свойственны, с одной стороны, тенденция к стабильности, с другой стороны – динамизм, изменчивость. Норма не тождественна системе языка, но неразрывно связана с ней. Сдвиги в системе неизбежно влекут за собой изменения в норме, и наоборот, норма способна вносить изменения в систему языка: «норма... постоянно осложняет и даже расшатывает» систему [1. С. 232], играет важную роль в «перестройке, усложнении, видоизменении и т.п. системы» [2. С. 37]. Что же вызывает эти изменения, какие факторы способствуют изменению языковой нормы?

Главным фактором развития всякого языка Р.А. Будагов называл неудовлетворённые «потребности (в широком смысле) говорящих на данном языке людей» [1. С. 233], имея в виду противоречия, возникающие между этими потребностями и ресурсами языка в каждую историческую эпоху. Этот фактор выступает как основной, центральный, обуславливающий все остальные факторы: они вступают в действие на отдельных уровнях и

звеньях языка, где изменения не всегда непосредственно зависят от основного фактора. Здесь могут действовать так называемое давление системы, влияние словообразовательных рядов, различных видов аналогии, столь же разнообразных видов ассимиляции и диссимиляции и т.д. Таким образом, устанавливается тройной ряд взаимоотношений: от собственно внутренней причинности (противоречия в системе языка на всех её уровнях) к причинности не только внутренней (противоречия между потребностями говорящих к адекватному выражению и состоянием языка), а от этой последней – к внешним факторам (общая зависимость состояния языка от уровня развития общества и мышления человека).

Всё сказанное относится также и к норме. Однако эволюция нормы имеет свою специфику. История великих литературных языков показывает, что «чем более «жёсткой» становилась лингвистическая норма, тем сильнее обнаруживалось действие «контрнормы»: различных исключений из правил, всевозможных синонимических параллельных ресурсов языка и т.д.» [1. С. 176]. Обнаруживается борьба двух тенденций – тенденции к унификации (действие принципа системности) и тенденции к разнообразию, к экспрессивности, к богатству и многообразию средств выражения (действие принципа антисистемности). Данное противоречие – между непрерывным изменением языка и тенденцией к стабильности (особенно его литературной письменно-книжной формы) – обуславливает появление вариантов, благодаря которым и совершается развитие нормы.

Таким образом, эволюция нормы непосредственно связана с вариативностью, с наличием в синхронии синонимичных (хотя и не всегда равноправных) вариантов. Как отмечал В. Матезиус, «развитие языков вообще складывается прежде всего из изменений, которые вначале с точки зрения действующей нормы воспринимались как ошибки» [3. С. 380]. В идее вариантности пражцы видели разрешение конфликта между традицией и развитием языка.

Отношения между вариантами нормы сложны и многообразны.

1. В крайних случаях:

- варианты могут быть абсолютно равноправны с точки зрения нормы (ср. во французском языке: *Je crains qu'il pleuve.* – *Je crains qu'il ne pleuve. C'est là de bons résultats.* – *Ce sont là de bons résultats. clé – clef*; в русском языке: *твор`ог* – *тв`орог, издалек`а* –

издалёка);

- нормативному употреблению противостоят реализации, находящиеся за пределами нормы (ср. во французском языке реализации типа: *Qu'est-ce qu'on peut faire pour aux engueulades répondre? Quel est le numéro pour le médecin appeler?* [4. С. 228] с нормативными вариантами: *Quel est le numéro pour appeler le médecin? Qu'est-ce qu'on peut faire pour répondre aux engueulades?*; в русском языке: *инстр`умент – инструм`ент*).

2. Возможна также ситуация, когда наряду с нормативным употребляется:

- вариант уходящий, но ещё не ушедший окончательно за пределы нормы (ср. во французском языке употребление устаревающих временных форм *subjonctif imparfait, plus-que-parfait*; в русском языке употребление устаревающих вариантов *по сред`ам, `иначе*);

- вариант, входящий, но ещё не вошедший окончательно в норму языка (так, во французском языке, наряду с нормативной орфографией слова «événement», употреблялся ненормативный вариант *évènement*, который в настоящее время включен в словари; в русском языке долгое время встречалось ненормативное употребление существительного *кофе* в среднем роде, и впоследствии этот вариант был кодифицирован).

Наличие вариантов свидетельствует о нестабильности, и именно в этом случае – в случае колебаний нормы – для носителей языка возникает проблема выбора, от разрешения которой зависит будущее состояние языка и его нормы. Причём отрезок времени, в течение которого совершается этот выбор, может быть как продолжительным, так и достаточно коротким; так, у аббревиатуры *НЭП* форма рода сменилась с женской на мужскую в течение одного только года (1921–1922), а бытовые единицы измерения *грамм, килограмм* имеют две вариантные формы в род.п. мн.ч. (нулевая и на *-ов*) в течение столетия [5. С. 143].

Устранение колебаний в выборе того или иного варианта свидетельствует о перестройке прежней системы, а их отсутствие отражает относительную устойчивость достигнутого языкового состояния. В качестве примера можно привести особенности развития французского синтаксиса, в частности употребление личных субъектных местоимений при глаголе-сказуемом. В

раннефранцузский период (XVI век) допускалось построение фразы как с использованием личного субъектного местоимения, так и без него, что приводило к колебаниям в выборе конструкции. Даже в произведении, принадлежащем перу одного автора, встречаются примеры различного построения предложения – с местоимением и без него. Ср. у Рабле:

Пр. 1: ... car il craignoit ly boucon de Lombard. [6. С. 49]

Пр. 2: _Disoit toutesfoys à sa femme ... [6. С. 57]

В результате исторического развития колебания были устранены, и употребление местоимения стало непреложным образцом, что является нормой и по сей день (*Пр. : il craignait, il disait*).

Важную роль в процессе эволюции нормы играет кодификация – фиксирование и регуляризация нормы в учебниках, грамматиках, словарях общественным институтом, пользующимся непререкаемым авторитетом. Кодификация призвана унифицировать и стабилизировать норму, которая подвержена колебаниям, и она в значительной мере определяет дальнейшую судьбу вариантов нормы. Прежде всего, вариант, рассматривающийся ранее как ошибка, получает статус нормативного, что существенно расширяет границы его функционирования. В течение определенного времени он употребляется наравне с прежней нормой. С другой стороны, вариант, считавшийся ранее нормативным, может впоследствии потерять этот статус. Есть большая вероятность, что новый вариант вытеснит старый и останется в системе языка как единственно правильный – сам факт его возникновения свидетельствует о стремлении системы к выравниванию и унифицированию форм в одном из её звеньев. Придание же данному варианту статуса нормативного является подтверждением того, что его появление, обусловленное внутриязыковыми процессами нормирования, было не случайным, и необходимо на данном этапе развития социолингвистического континуума для удовлетворения изменившихся лингвистических потребностей говорящих.

Подтверждением тому могут служить новые правила орфографии, принятые Французской Академией (*Académie française*) в 1990 г. Изменения коснулись ряда слов, большинство из которых являлись исключением из правил. Орфография данных слов была этимологически оправдана, отражая специфику их исторического

развития, однако для современных носителей языка особенности их написания представляли определённую трудность. В результате появились варианты, не удовлетворяющие действующую на тот момент орфографическую норму, но в полной мере отражающие произносительные и грамматические нормы современного французского языка. Официальное вмешательство Французской Академии позволило данным вариантам перейти из разряда нарушающих норму образований в разряд нормативных вариантов. Вот некоторые из основных изменений написания слов во французском языке:

1) все без исключения сложные числительные отныне пишутся через дефис (*vingt-et-un-mille-six-cent-deux, quatre-centième, un-million-cent*);

2) сложные слова теперь образуют множественное число так же, как и простые, путём добавления *-s* (*un essuie-main – des essuie-mains, un cure-ongle – des cure-ongles*);

3) некоторые сложные слова, писавшиеся ранее через дефис, теперь пишутся без него (*portemonnaie, extrafort, millepatte*), следуя модели слов со сходным образованием (ср. *portefeuille, extraordinaire, millefeuille*); таким образом, они переходят в разряд простых слов и образуют множественное число по общему правилу (*un millepatte – des millepattes*);

4) заимствованные слова отныне пишутся с надстрочными знаками, как и слова французского языка, и образуют множественное число так же, как и французские слова (*révolver, imprésario; un match – des matchs*);

5) вместо надстрочного знака *accent aigu* используется надстрочный знак *accent grave* при написании ряда существительных, следуя модели слов со сходным написанием (*évènement, règlementaire*; ср. *avènement, règlement*), а также в формах глаголов, спрягающихся по типу глагола *céder* (*ils règleraient*; ср. *ils cèderaient*);

6) глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на *-eler* или *-eter* (за исключением *appeler, jeter* и их производных) допускается спрягать по типу *peler* и *acheter*: *il chancèle* (ср. *il pèle*), *il décolète* (ср. *il achète*);

7) надстрочный знак *accent circonflexe* над буквами *i, u* сохраняется только в глагольных окончаниях *passé simple* и *subjonctif* (*nous vîmes, vous lûtes; qu'il partît, qu'il eût voulu*), а также в тех

словах, где он играет смысловозначительную функцию (*dû – du, mûr – mur, sûr – sur*); в остальных случаях *accent circonflexe* не ставится, поскольку он утратил свою прежнюю способность влиять на произношение, и, следовательно, его употребление ничем не оправдано (*cout, entrainer, il parait*);

8) надстрочный знак *tréma* в словах на *-güe* et *-güi* отныне ставится не над произносимыми *-ë* et *-i*, а над произносимой *u* (*aigüe, ambigüe ; ambigüité*); он также добавлен над произносимой *u* в некоторых словах (*argüer, gageüre, rongeüre*) и др.

Данные изменения признаны нормативными и рекомендуемыми к употреблению; при этом прежняя орфография также не считается ошибочной. Однако следует отметить, что в современные учебники включены только новые нормативные варианты орфографии, и это вполне логично – реформа орфографии имела своей целью регулировать правила, пересмотреть исключения из них, ориентируясь на современное состояние языка и здравый смысл, и, таким образом, помочь избежать ошибок в написании слов. Очевидно, новое поколение носителей языка освоит эту норму как единственно верную, соответственно, прежняя орфография будет встречаться всё реже и реже и постепенно исчезнет. Этому способствует также использование новых правил написания в программах компьютерного обеспечения (например, в режиме коррекции заложены новые нормы орфографии, так что написанный текст будет автоматически исправляться, чтобы соответствовать им). Современные издания словарей также ориентируются на новую орфографию (*Dictionnaire Hachette 2009, Dictionnaire Hachette de poche, Dictionnaire Hachette Collège, Larousse des noms communs, Petit Robert, Petit Larousse* и др. [7. С. 2-3]).

Таким образом, эволюция языковой нормы – сложный процесс, который находится в зависимости от двух основных факторов: внутреннего и внешнего. Внутренний фактор, т.е. внутриязыковые процессы, обуславливающие появление различных вариантов нормы, выступает как основополагающий. Внешний фактор – вмешательство человека в этот процесс – проявляется в виде кодифицирования тех или иных вариантов, придания им статуса нормативных употреблений. Внешний фактор вторичен по отношению к внутреннему, но при этом не менее важен. Кодификация позволяет осмыслить изменения, которые уже произошли в норме данного

языка, иными словами, эксплицирует результаты деятельности внутреннего фактора, делает их очевидными и наглядными. Кроме того, официальное закрепление данных изменений в нормативных изданиях неизбежно повлияет на дальнейшее развитие нормы и её вариантов. Поэтому влияние человека на процесс становления нормы должно осуществляться крайне осторожно, принимая во внимание всю важность последствий этого вмешательства. Тщательное исследование внутренних изменений, происходящих в языке, достаточное количество статистических данных, а также языковое чутьё нормализаторов являются залогом того, что кодификация не нарушит естественного развития нормы языка, а станет логическим завершением одного из этапов этого непрерывного процесса.

Библиографический список

1. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка. М., 1977. С. 232-235.
2. Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980.
3. Матезиус В. О необходимости стабильности литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 378-399.
4. Cadiot P. Ordre des mots et interlocution // Théories et pratiques de la sociolinguistique. Paris, 1998. P. 225-247.
5. Граудина Л.К. Статистический критерий грамматической нормы // Языковая норма и статистика. М., 1977.
6. Rabelais. Gargantua. Paris, 1965. 450 p.
7. Romain Muller et Nicole L. Dubeau. La nouvelle orthographe du français dans l'enseignement // Электронный ресурс Интернет: www.orthographe-recommandee.info
8. Langues et cité. Paris. Septembre 2006. №7.

Сведения об авторе

Пугина Ирина Анатольевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры французского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: selirru@yandex.ru

УДК 811.111'373

ЛЕКСЕМА *GLOBAL*: ИСТОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ¹

М.В. Сергеева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье приводится диахроническое описание значения, сочетаемости и частотности лексемы *global* на материале толковых словарей и корпусов текстов. Лексикографический анализ отражает динамику глобализации в последние десятилетия.

Ключевые слова: глобализация, словарная статья, дефиниция, коллокация, иллюстративный контекст, корпуса текстов, частотность.

The Word *GLOBAL*: the History of Lexicographic Description

Marina Sergeeva

The paper focuses on the dynamics in the definitions, collocations and frequency of the word *global* in explanatory dictionaries and text corpora. The history of lexicographic description reveals the dynamics of globalization in the last fifty years.

Key words: globalization, dictionary entry, definition, collocation, illustrative example, text corpora, frequency.

К концу 1980-х годов исследования с опорой на понятия мировой системы, интернационализации и глобальности оформились в новое научное направление, разрабатывающее теории глобализации. В связи с тем, что глобализация, понимаемая как становление единого взаимосвязанного человеческого сообщества, стала в последние десятилетия основным фактором в жизни человечества, исследование процесса глобализации и её последствий для социума становится весьма актуальным. Перспективным направлением в изучении глобализации как комплексного процесса является анализ её лингвистической составляющей.

Одним из способов установления значения того или иного понятия и выявления его динамики является анализ его встречаемости и толкования в лексикографических трудах. Исходя из этого в рамках

¹ Статья подготовлена в ходе выполнения НИР в рамках НОЦ междисциплинарных исследований языка и культуры ГОУ ВПО НГЛУ при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 - 2011 гг.

настоящей работы был проведен диахронический анализ лексемы *global* и ее дериватов с точки зрения их появления и толкования в англоязычных словарях и по данным корпусов. В качестве материала использовался словарь “Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English” разных лет издания (1963, 1974, 1995, 2000, 2005, 2010) [1; 2; 3; 4; 5; 6] и корпуса текстов “The Corpus of Historical American English” (COHA) [7] и “The Corpus of Contemporary American English” (COCA) [8].

Впервые в истории существования словаря “Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English” прилагательное *global* фиксируется лишь во втором его издании, которое вышло в свет в 1963 году. Лексикографы включили эту лексему в состав словарной статьи по существительному *globe*, сопроводив её дефиницией “*world-wide; embracing the whole of a group of items, etc.*”

В третьем издании словаря (1974) лексема *global* с аналогичной дефиницией по-прежнему не иллюстрируется контекстами её употребления, но фиксируется в виде отдельной статьи, т.е. становится элементом макроструктуры словаря.

Уточнение дефиниции (*covering or affecting the whole world*) и появление иллюстративных контекстов в составе статьи относится к пятой редакции OALD (1995). Наиболее типичными коллокациями, согласно иллюстративным контекстам данного издания словаря, являются *global tour, global issues/problems, global environment*.

Следующее, шестое издание OALD (2000), отмечено появлением второго ЛСВ в статье по прилагательному *global*: “*considering or including all parts of sth*”. Данное значение иллюстрируется контекстами, в которых фигурируют сочетания *global approach [to the problem], global searches [on the database], a global email [to all staff]*. Обновлённые контексты к первому ЛСВ, который регистрировался в виде единственного значения в более ранних изданиях, включают сочетания *global issues, a global ban [on whaling], domestic and global markets*. Данная форма предъявления и описания лексемы *global* сохранена и в последующих редакциях OALD, изданных в 2005 и 2010 годах.

Отличительной чертой новейшего, восьмого издания словаря (2010), является помета AW, сигнализирующая принадлежность прилагательного *global* к так называемому “Academic Word List”, включающему 570 словообразовательных гнезд, которые фактически

составляют 10% от любого письменного научного текста [подробнее см. 6. С. R44, а также 9]. Кроме того, последнее издание даёт пользователям расширенное представление о сочетаемости данной единицы благодаря появлению в макроструктуре словаря статей под общим названием “Collocations”. Так, дефиниция первого ЛСВ лексемы *global* теперь сопровождается ссылкой →COLLOCATIONS at INTERNATIONAL. В соответствующем блоке “Collocations: International relations” приводится ряд иллюстративных контекстов, содержащих данную единицу, а именно *global economy* (в подразделе “Trade”), *global trade negotiations* (“Meetings and agreements”), *global security* (“Conflict”) и *global poverty* (“Aid”).

Развитие словообразовательного гнезда отмечается появлением в составе статьи по прилагательному *global* наречия ***globally***, которое включается лексикографами в пятое издание OALD (1995) и сопровождается иллюстративным контекстом *Eight million people globally are infected with the virus*. Начиная со следующего издания (2000) данное наречие иллюстрирует контекст *We need to start thinking globally*, что говорит о расширении значения данной лексемы («по всему миру»→«всесторонне»).

В девяностые годы лексикографическую фиксацию получает также коллокация ***global warming***, которая включается авторами пятого издания словаря в статью *global* с дефиницией “*the increase in temperature of the earth’s atmosphere, caused when certain gases, esp carbon dioxide trap the sun’s heat*” и ссылкой на статью GREENHOUSE EFFECT. В 2000 году эта единица фиксируется как элемент словника, т.е. в виде самостоятельной лексикографической статьи, с уточнённой формулировкой дефиниции (*the increase in temperature of the earth’s atmosphere, that is caused by the increase of particular gases, especially carbon dioxide*). Авторы последнего издания добавляют в статью ссылки →COLLOCATIONS at ENVIRONMENT и →compare CLIMATE CHANGE.

В 2000 году словарь также впервые фиксирует в виде отдельной статьи устойчивое сочетание ***global village***, сопровождающееся дефиницией “*the whole world, looked at as a single community that is connected by electronic communication systems*”, а также глагол ***globalize*** (if sth, for example, a business company, *globalizes* or *is globalized*, it operates all around the world). В этом же издании в состав статьи *globalize* без дефиниции включается существительное

globalization, сопровождающееся контекстом *the globalization of world trade*. В издании 2005 года эта лексема становится заглавным словом отдельной статьи с дефиницией “*the fact that different cultures and economic systems around the world are becoming connected and similar to each other because of the influence of large multinational companies and of improved communication*”. В новейшем издании (2010) статья *globalization* сопровождается ссылкой →COLLOCATIONS at INTERNATIONAL, где предъявляются сочетания с этой лексемой как *embrace/resist/drive globalization*. Кроме того, статьи *globalize* и *globalization* теперь включают помету AW, уточняющую стилистическую принадлежность данных единиц.

Таким образом, анализ лексикографических статей по лексеме *global* и её дериватам в различных изданиях словаря “*Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English*” позволяет сделать вывод о поступательном расширении значения и сочетаемости прилагательного *global*, отражающем динамику глобализации в её экономическом, политическом и социальном измерениях на протяжении последних пятидесяти лет.

Аналогичную картину демонстрирует и обращение к корпусам. По данным СОНА (The Corpus of Historical American English) [7] прилагательное **global** впервые регистрируется в 1927 году в качестве мореходного термина (в сочетании *global tonnage*). Частотность данной лексемы возрастает в 1940-е годы, когда слово *global* начинает употребляться в значении «мировой, всемирный»: именно в эту эпоху возникают сочетания *global war*, *global propaganda* и т.п. В последующие десятилетия отмечается стабильный рост частотности данной лексемы (см. таблицу 1); при этом наиболее резкое увеличение в частотности зафиксировано в 1990-е годы. По данным СОСА (The Corpus of Contemporary American English) [8] за период с 1990 по 2010 год прилагательное *global* зарегистрировано в 38827 контекстах, главным образом, в текстах научного характера (см. таблицу 2). Сочетаемость данной лексемы за 2010 год весьма разнообразна и включает, в частности, такие коллокации как *global marketing*, *global economy*, *global politics*, *the global Apocalypse*, *the global detonator*, *a “global workspace”*, *a global chain*, *the global hierarchy of value*, а также субстантивированную форму “*the global*”, выступающую в рамках оппозиции “*the global vs the national*”.

Таблица 1. Нарастание частотности употребления лексемы *global* по данным СОНА

1920	1930	1940	1950	1950	1960	1970	1980	1990
7	4	124	130	166	274	534	1589	2351

Таблица 2. Частотность лексемы *global* в различных типах текстов за период с 1990 по 2010 год по данным СОСА

spoken	fiction	magazine	newspaper	academic
4189	671	9728	7311	16926

В 1980-е годы впервые регистрируются единичные случаи употребления существительного *globalization*, а также глагола *globalize*. В то время как глагол, по данным СОНА, остаётся малоупотребительным (всего три контекста в 2000-х годах), однокоренное существительное постепенно становится более частотным: так, если в 1980-е годы фиксируется всего 7 контекстов со словом *globalization*, то в 1990-е годы – уже 88, а после 2000 года – 268 случаев его употребления.

Словосочетание *global warming* впервые регистрируется в СОНА лишь в 1980-х годах, при этом отмечается рост частотности в употреблении данной коллокации к первому десятилетию XXI века. В частности, в 2010 году данное сочетание регистрируется в 206 контекстах.

Устойчивое сочетание *global village* фиксируется в СОНА на десятилетие раньше, чем *global warming*, а именно в 1970-е годы. По данным СОСА эта коллокация встречается в 268 контекстах за период с 1990 по 2010 год. Однако сочетание *global village* не является столь частотным, как *global warming*; именно этим, очевидно, объясняется тот факт, что коллокация *global village* фиксируется в OALD позже, чем *global warming* несмотря на более раннее появление в корпусах текстов.

Полученные данные представляют собой одно из доказательств плодотворности лингвистического ракурса изучения жизни общества через обращение к данным языка, хотя, разумеется, не исчерпывают возможности такого обращения. Диахронический анализ лексемы *global* и её дериватов с точки зрения их появления и толкования в лексикографических источниках и по данным корпусов важен для

дальнейшего обоснования перспективности лингвистического ракурса анализа жизни общества.

Библиографический список

1. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English / 2nd edition. Oxford University Press, 1963. 1200 p.
2. Hornby A.S., Cowie A.P., Gimson A.C. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / 3rd edition. Oxford University Press, 1974. 1037 p.
3. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Edited by Jonathan Crowther. 5th edition. Oxford University Press, 1995. 1428 p.
4. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Edited by Sally Wehmeier. 6th edition. Oxford University Press, 2000. 1540 p.
5. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Edited by Sally Wehmeier. 7th edition. Oxford University Press, 2005. 1907 p.
6. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Edited by Joanna Turnbull. 8th edition. Oxford University Press, 2010. 1940 p.
7. The Corpus of Historical American English // Электронный ресурс Интернет: <http://corpus.byu.edu/coha/>
8. The Corpus of Contemporary American English // Электронный ресурс Интернет: <http://corpus.byu.edu/coca>
9. Электронный ресурс Интернет: <http://www.victoria.ac.nz/lals/staff/averil-coxhead.aspx>

Сведения об авторе

Сергеева Марина Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
переводческого факультета
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: msergeyeva@mail.ru

УДК 811.111'367:159.942

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ, РЕАЛИЗУЕМЫХ В СОСТОЯНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ

Т.Н. Синеокова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье обсуждаются некоторые аспекты изучения синтаксиса эмоциональной речи с помощью интерактивной классификации, в основу разработки которой положено представление об эмоциональных конструкциях как о деформациях «ядерного предложения», которые коррелируют с базовыми типами психологических состояний, оказывающих непосредственное воздействие на речемыслительные процессы.

Ключевые слова: эмоциональная речь, интерактивная классификация, синтаксические универсалии, перевод.

Universal Character of Syntactic Constructions Realized in the State of Emotional Stress

Tatyana Sineokova

The paper discusses some aspects of research in the area of emotional speech syntax with the help of an interactive classification representing emotional structures as deviations from a «kernel sentence» and correlating with basic types of emotional states immediately affecting speech-thought processes.

Key words: emotional speech, interactive classification, syntactic universals, translation.

До недавнего времени считалось, что в состоянии эмоционального напряжения речемыслительная деятельность практически не регулируется сознанием, а реализуемые формы хаотичны и не могут быть классифицированы. При описании «эмоционального» синтаксиса достаточно часто использовались термины «хаотичность», «асистемность», «спонтанность», «нерегламентированность», и изучение конструктивных особенностей эмоциональной речи сводилось к созданию инвентаризационных описаний лишь некоторых наиболее характерных «эмоциональных» структур.

В то же время регулярность воспроизводства подобных структур говорящими и адекватность их восприятия слушающими

позволили сделать предположение о том, что эмоциональная речь является особой формой речи, подчиняющейся общим, универсальным законам речемыслительной деятельности в эмоциогенной ситуации.

Таким образом, актуальной задачей, стоящей перед лингвистикой, является задача изучения и описания эмоционального субъязыка, обладающего собственными базовыми элементами и четко формулируемыми закономерностями их функционирования. Несомненно важным представляется также решение вопроса о том, обладают ли эти элементы специфической прогностически полезной информацией относительно типа эмоционального состояния говорящего. Решение этого вопроса связано с разработкой такой классификации, которая бы позволила установить корреляцию между различными эмоциональными процессами и формами их отражения в речи, т.е. обладала информативностью, или прогностическим потенциалом.

В связи с этим наиболее перспективным направлением для исследования является создание корреляционной парадигмы, отображающей связь эмоциональных процессов с отражающими их воздействие речевыми формами. Основной целью создания такой парадигмы является обоснование выделения особого эмоционального языка, способного передавать дифференцированную информацию о типе эмоционального состояния говорящего и характеризующегося специфическими элементами и особенностями их функционирования. Названная цель предполагает решение следующих основных задач: 1) выбор психологического ряда эмоциональных состояний, влияющих на механизмы речепорождения; 2) разработку парадигмы структурных форм эмоциональной речи; 3) определение корреляционных связей между типом психологического состояния и конструктивными особенностями речи; 4) проверку наличия прогностического потенциала (информативности) разработанной синтаксической парадигмы относительно психологических состояний.

Психологическую составляющую корреляционной парадигмы следует искать в уже разработанных в современной психологии классификациях. Результаты проводимых исследований позволяют прийти к выводу о том, что основным фактором, релевантным при исследовании влияния эмоциональной сферы на речь, является

воздействие – деструктивное (деформирующее) или конструктивное (благоприятное), – оказываемое психологическим состоянием на речемыслительные процессы. Несомненный интерес в этом плане представляют собой три типа эмоциональных состояний, непосредственно связанных с особенностями протекания речемыслительных процессов: состояние диссоциации, оказывающее деформирующее влияние на механизмы речепорождения, состояние эвстресса, стимулирующее речемыслительную деятельность говорящего, и поисковое состояние, являющееся пограничной фазой перехода от состояния диссоциации к состоянию эвстресса. Немаловажно отметить, что выделенные среди других психологические состояния играют существенную роль не только для процесса речеобразования, но и для жизнедеятельности человека в целом. Именно поэтому была выдвинута гипотеза о том, что прогностически значимые структурные признаки речи, реализуемой в эмоциогенной ситуации, могут быть синтаксическими универсалиями. Подтверждением данной гипотезы служат описанные ниже результаты исследований, проводимых в рамках Лаборатории социопсихолингвистических исследований НГЛУ в последние годы на материале английского и русского языков.

В основу собственно лингвистической составляющей интерактивной парадигмы было положено представление о том, что влияние психологического состояния говорящего на процесс речеобразования заключается в отклонениях структуры эмоционального высказывания от структуры нейтрального «ядерного предложения». Разработанная лингвистическая парадигма представляет собой трехуровневую иерархическую классификацию.

На первом этапе – этапе построения верхнего иерархического уровня парадигмы эмоциональной речи – были выделены и классифицированы те наиболее общие признаки, которые, во-первых, отличают нейтральную языковую область от субнейтральной и, во-вторых, позволяют выявить наиболее характерные связи между ядерным инвариантом и его эмоциональными вариантами. Для решения этих вопросов использовалось предложенное Ю.М.Скребневым дихотомическое подразделение всей коллоквиальной специфики на экспликационную и импликационную [1].

На следующем этапе разработки классификации – этапе построения второго иерархического уровня парадигмы эмоциональной речи – количественное измерение и последующая градация экспликативных и имплицативных форм осуществляется путем их сопоставления с признаками некоторой нейтральной единицы как точки отсчета. В качестве такой единицы может служить выделенное М.Я. Блохом “ядерное предложение”, характеризующееся: 1) ограничением состава позиционным минимумом, отражающим лишь обязательные синтаксические позиции; 2) ориентированностью на валентностные подклассы глагола, поскольку личный глагол является организующим центром предложения; 3) строго фиксированным порядком знаменательных позиций от подлежащего через личный глагол к предикативу, дополнению и обстоятельству; 4) максимальной коммуникативной независимостью структуры; 5) стилистически нейтральным характером структуры, соответствующим чистому типу «интеллективной», «рассудочной речи» [2. С. 100]. Последний признак подчеркивает принадлежность перечисленных выше четырех дифференциальных признаков ядерного предложения к нейтральной области языка.

Изучение вариантов деформаций этих признаков позволяет выявить субпарадигматический ряд основных структурных форм эмоциональной речи, включающий такие модификации, как “повтор”, “материально избыточные элементы”, “инверсия”, “транспозиция”, “разрывы потенциального синтаксического целого”, “расшифровка”, “эллипсис” и “изолированные элементы” (см. об этом более подробно в [3]). Таким образом, второй иерархический уровень субпарадигмы эмоциональной речи представляет собой классификационный ряд, состоящий из восьми модификаций, возникающих при деформациях признаков ядерного предложения. Выделенные модификации различаются формами проявления в них экспликационных и импликационных свойств. Важной чертой ряда модификаций является то, что он содержит в себе возможность количественной градации признаков рассматриваемых структур и позволяет дать не только собственно лингвистическое, но и психологическое обоснование возникающих построений, что представляется особенно важным при изучении столь

специфического объекта исследования, как синтаксис речи, порождаемой в состоянии эмоционального напряжения.

В пределах модификационных групп был выделен третий иерархический уровень общей парадигмы – субсубпарадигма первичных классификационных признаков, которые, в отличие от субпарадигмы модификационных групп, связаны не с общим эмоциональным состоянием говорящего, а с его конкретными проявлениями (там же).

Разработанные и описанные в [4] алгоритмы прогнозирования психологического состояния говорящего на основе реализуемых в речи синтаксических конструкций позволили сделать вывод об информативности созданной интерактивной классификации. Действительно, результат, когда редкие состояния – диссоциации и поисковое – идентифицируются в 82 % и 70% случаев соответственно практически без ошибок, можно считать достаточно хорошим. Подчеркнем, что прогнозирование проводилось исключительно на основе структурных характеристик высказывания, без учета специфических особенностей эмоциональной речи на фонетическом и лексическом уровнях.

Кроме того, поскольку разработка оптимального алгоритма прогнозирования не входила в задачи работы, усложнение алгоритмов может значительно улучшить результат прогнозирования. Все полученные оценки являются «оценками снизу» и призваны, в первую очередь, продемонстрировать сам факт возможности прогнозирования эмоционального состояния на основе анализа структурных признаков высказывания.

Полученные высокие оценки качества классификации и успешное прогнозирование позволили применить разработанную классификацию для выявления и описания ряда статистических закономерностей реализации структур в эмоциональной речи. Данные закономерности затрагивают частотность, разнообразие, сложность, доминантность и сочетаемость реализуемых в ней построений и также обладают прогностическим потенциалом относительно типов психологического состояния.

Описанные выше процедуры первоначально проводились на материале английского языка. Задачей, стоящей на следующем этапе исследования, являлась проверка универсальности выделенной конструктивной специфики эмоциональной речи. С этой целью

созданная классификация использовалась в качестве инструмента исследования деформированных форм эмоциональной речи на материале русского языка [5].

Безусловно, типологические различия языков затронули третий иерархический уровень классификации – уровень первичных структурных признаков. Так, например, в силу относительной позиционной свободы элементов в русском языке признаки *корректирующая* и *квалифицирующая инверсия* являются специфическими для английского языка. Наоборот, на материале русского языка был выявлен новый признак – *эмфатизирующие материально избыточные элементы*. Тем не менее, подавляющее большинство признаков совпадают, а выявленная специфика плана выражения отдельных структур в сопоставляемых языках не повлияла на прогностический потенциал разработанной классификации. В результате статистической обработки эталонных выборок на материале английского и русского языков, проведенной средствами приложения Microsoft Access, были получены идентичные списки уникальных синтаксических структур с рекомендуемым прогнозом психологического состояния.

Полученные результаты таким образом свидетельствуют о тождественном характере специфических синтаксических конструкций, реализуемых в базовых типах психологических состояний, а выделенные структурно-семантические признаки можно считать синтаксическими универсалиями. Универсальность психофизиологических механизмов, определяющих речемыслительную деятельность человека в состоянии эмоционального напряжения, по-видимому, и определяет универсальность структурирования речи людей, говорящих на разных языках.

Универсальный характер синтаксической специфики речи в эмоциогенной ситуации позволяет говорить о достаточно интересной области практического применения разработанной классификации – области художественного перевода – и решать новые задачи. Соответственно, непосредственной целью следующего этапа исследования являлось рассмотрение конструктивных особенностей повторов в речи персонажей в текстах оригинала (романа М.Горького «Фома Гордеев») и трех его англоязычных переводов с точки зрения адекватности передачи типа психологического состояния персонажа

[6]. Формальная регистрация случаев совпадения/несовпадения конструктивных особенностей текста оригинала и текстов переводов осуществлялась с помощью компьютерной программы IdentTest. Анализ расхождений на содержательном уровне позволил выявить случаи переводческих ошибок и предложить оптимальные варианты для их устранения. Для переводчиков данная классификация может стать эффективным инструментом, позволяющим максимально приблизить перевод художественного текста к тексту оригинала.

Таким образом, наличие у разработанной классификации прогностического потенциала относительно психологического состояния говорящего свидетельствует о том, что она, по-видимому, действительно отображает глубинные свойства эмоциональной речи. Со значительной долей уверенности можно предположить, что результаты и выводы проведенного исследования приложимы к самым различным языкам, поскольку надъязыковые универсалии проявляются в эмоциональной речи в большей степени, чем в нейтральной.

Библиографический список

1. Скребнев Ю.М. К вопросу об “ортологии” // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 140-142.
2. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. М.: Высшая школа, 2000. 160 с.
3. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. 244 с.
4. Синеокова Т.Н. Методы количественной оценки информативности парадигматического ряда структурных форм эмоциональной речи // Известия Самарского научного центра РАН / Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук». Самара, 2003. С. 164-174.
5. Дмитренко Д.Д. Идентификация состояния аффекта по структурным особенностям речи: Выпускная квалификационная работа. Нижний Новгород, 2008. 75 с.
6. Добровольская Л.В., Синеокова Т.Н. Особенности перевода конструкций с повторами, реализуемыми в состоянии эмоционального напряжения (на материале русского и английского языков) // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности:

Сборник научных статей. Вып. 5. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. С. 52-65.

Сведения об авторе

Синеокова Татьяна Николаевна
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой английского языка
переводческого факультета
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: tns@lunn.ru

УДК 811.112.2'42:82-6

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЩЕНИЯ В ТЕКСТЕ ЛЮБОВНОГО ПИСЬМА (на материале немецкого языка)

Л.В. Хенниг

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье обращение рассматривается как одно из важных средств, служащих для реализации диалогичности письма, определяется его роль в достижении планируемой реакции читателя. Также выявляются основные функции обращения и особенности их реализации в тексте любовного послания.

Ключевые слова: обращение, диалогичность, функция, любовное письмо.

Functional Potential of the Form of Address in a German Love Letter

Larisa Hennig

The article regards the form of address as an important means of expressing dialogicality and examines its role in achieving the intended response. It also looks at the main functions of form of address and the peculiarities of their realization in the text of a German love letter.

Key words: form of address, dialogicality, function, love letter.

Переписка является одной из классических форм коммуникации. В зависимости от сферы функционирования можно выделить различные виды писем: официально-деловое письмо; профессионально ориентированное письмо; публицистическое письмо; художественное письмо; частное письмо. Сфера функционирования переписки во многом определяет ее коммуникативную задачу. Установление, поддержание межличностных отношений, имеющих исключительно интимный характер, является одной из общих ситуативных целевых задач любовного письма. Следует отметить, что главной особенностью любовной переписки, отличающей ее от других видов эпистолярной коммуникации, является исключительная интимность послания. Специфика отношений адресанта и адресата определяет коммуникативную сферу использования любовного письма: оно адресовано только одному человеку и не предназначено для прочтения третьим лицом. Особенность отношений адресанта и

адресата, индивидуальность и частный характер данных отношений выражаются в высокой субъективности и экспрессивности текста письма. Ожидание обратной реакции со стороны адресата, ориентация на ответ проявляются в данном случае в наивысшей степени.

Целью настоящего исследования является анализ языковых средств, служащих для реализации основных функций обращения – одного из способов реализации диалогичности послания, предполагающего учет автором письма фактора адресата, его смысловой позиции.

Любовное письмо является единицей эпистолярного жанра, письменной формой коммуникации, созданной с целью осуществления дистантного общения в сфере межличностных отношений, имеющих интимно-личностный характер. И потому любовное письмо неизбежно лексически, грамматически и прагматически ориентировано на другое лицо – конкретного адресата. Оно обладает всеми общими характеристиками эпистолярного жанра: устойчивой композицией текста; точным обозначением отправителя и получателя, обращением к последнему и подписью отправителя; использованием языковых средств, соответствующих сфере переписки; соблюдением речевого этикета с учетом фактора адресата, характера сообщения и национальных эпистолярных традиций и т. д. [6. С. 627-628].

Общение не является односторонним воздействием пишущего на читающего, а становится коммуникативным взаимодействием двух равноправных субъектов. Благодаря такому взаимодействию обогащается концепция адресата, что позволяет автору письма добиться большей убедительности своей речи, создать иллюзию живого, личного общения с конкретным адресатом, реакция которого во многом определяет характер развертывания сообщения. Автор письма во время его написания старается изложить свои мысли и передать чувства максимально точно и понятно для его получателя, учитывая при этом степень осведомленности читателя, направленность его интересов, его предполагаемые реакции, а для этого корректирует процесс сообщения. С помощью такой корректировки, детализации, субъективности изложения автор письма помогает читателю адекватно понять послание, активизирует внимание и воображение читателя. Восприятие речи адресатом

является процессом переработки, смысловой интерпретацией текста письма, существенным элементом всякого творческого процесса. По мнению И.Т. Вепревой, «способность читателя к сотворчеству восполняет текст, множественность интерпретаций текста свидетельствует о творческом преобразовании текста читателем. Таким образом, понимание – это то, что объединяет автора высказывания и его адресата: с одной стороны, речь строится как речь для другого, говорящий прогнозирует портрет адресата, ориентируясь на него; с другой стороны, слушающий интерпретирует адресанта, опираясь на его текст и собственный опыт» [2. С. 121]. Исходя из своих целей и мотивов, автор письма создает адресатную ситуацию или ситуацию взаимодействия с адресатом для установления речевого контакта и адресатных отношений, которые складываются в процессе продуцирования текста письма его автором и интерпретации данного текста адресатом.

Учет фактора адресата является одной из основных характеристик диалогичности речи. Термин «диалогичность» вошел в научный обиход во второй половине XX века благодаря работам М.М. Бахтина (1972); М.Н. Кожина (1986); Л.В. Славгородской (1986); А. Стельмашук (1993); Л.Р. Дускаевой (1995) и др.

Данное понятие М.Н. Кожина, например, рассматривает в связи с характеристикой категорий научного стиля: «Диалогичность письменной научной речи – это выражение в тексте (его организации) средствами языка взаимодействия общающихся в коммуникативно-познавательном процессе, понимаемое как соотношение двух или более смысловых позиций: это и учет позиции адресата (читателя), и второго «Я», и возможных оппонентов, а также отражение в речи собеседника диалога» [3. С. 138].

Под диалогичностью письменной речи мы, вслед за Л.Р. Дускаевой, понимаем «выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, как учет реакции адресата (в том числе второго Я), а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога» [6. С. 45]. Иными словами, диалогичность предполагает учет адресантом (автором) речи фактора адресата (реального или гипотетического, воображаемого), его смысловой позиции. В речи, имеющей внешнее выражение, данная коммуникативная ориентация обозначается при помощи определенных языковых средств.

При этом «понятие «диалогичность» является более широким по сравнению с понятием «диалог». В силу этого термин «диалогичность» оказывается применимым к большому количеству объектов: не только к внешней речи в разных ее проявлениях, но и к речи внутренней, а также по отношению к самому мыслительному процессу» [4. С. 21].

Любовная переписка представляет собой лично ориентированное общение, поэтому учет фактора адресата имеет особое значение и влияет на способ изложения мыслей автором письма.

Одно из ведущих мест в эпистолярном сотрудничестве партнеров занимает обращение, которое, как правило, занимает начальную позицию в письме и является ритуальным, этикетным элементом.

Обращение является полифункциональной единицей, однако вопрос о функциях обращения до сих пор является дискуссионным и не до конца исследованным, поскольку отсутствуют четкие критерии выделения соответствующих функций. Немецкий исследователь Э. Бернер в своей работе, посвященной проблеме обращения, считает, что обращение может выполнять сразу несколько функций, но его главными функциями являются установление контакта с получателем и идентификация последнего в качестве адресата: «Anrede ist sozial determinierte kommunikative Einheit (Substantive, Pronomen und äquivalente Formen), mit denen sich ein Sprecher/ Schreiber (direkt oder indirekt) an den Empfänger wendet und die primär die Funktionen haben Kontakt zu diesem herzustellen und ihn zu identifizieren. Neben diesen kann sie auch weitere Funktionen realisieren» [9. С. 809].

В отечественной лингвистике первичными функциями обращения принято считать «призывную и оценочно-экспрессивную. Призывная функция, как правило, обозначает не просто призыв к адресату, но и отношение к нему со стороны говорящего» [5. С. 276].

Таким образом, обращение является полифункциональной единицей, сфера общения, целевые установки, характер отношений между коммуникантами влияют на формирование функций обращения в эпистолярном тексте.

Нами были проанализированы любовные письма Э.М. Ремарка и М. Дитрих, Р.М. Рильке и М.И. Цветаевой, Б. Брехта и П. Банхольцер, Г. Гессе и его супруги Рут, К. Цукмайера и А. Зайдель.

Рассматриваемые письма представляют собой личностно ориентированное общение, характерными чертами которого являются непринужденность, доверительность, интимность. Данные черты служат средством вовлечения адресата в процесс восприятия текста, тем самым они активизируют адресата к написанию ответного послания. Проанализированный материал свидетельствует о том, что основными функциями обращения в тексте любовного письма являются: коммуникативно-прагматическая, эмоционально-оценочная и экспрессивная.

Обращение, занимающее начальную позицию в письме, не только указывает на принадлежность к конкретному адресату, но и указывает на степень близости отношений коммуникантов: «Личные отношения адресанта и адресата служат прагматической базой для выбора обращения, в чём и проявляется его коммуникативно-прагматическая функция» [7. С. 18].

В качестве обращения в любовном письме часто употребляются прозвища, которые являются константными в течение всего периода переписки: Mirl (Annemarie Seidel); Bi (Paula Banholzer), Puma, Tante Lena (Marlene Dietrich), Ravic, kleiner Alfred (Erich Maria Remarque). Прозвища указывают на близкий характер отношений коммуникантов, выражают особенное отношение автора письма к адресату, тем самым реализуется потребность автора послания назвать партнера по-своему, так, как никто другой.

Выбор формы приветствия является следствием предшествующего общения коммуникантов, предпосылкой для продолжения или прекращения общения и входит в коммуникативную пресуппозицию, служащую для реализации характеристики диалогической открытости текста письма: «Liebste, ärmste Bi! Du tust mir furchtbar leid, daß Du wegen mir wieder so viel leiden muß und so Krach kriegst» [10. С. 32]; «Liebste kleine zornige Bi! Nun hast Du also meinen Geburtstag doch nicht vergessen, wie ich gehofft hatte, sondern ich den Deinen, wie ich immer gefürchtet habe» [10. С. 23].

Обращение, занимающее начальную позицию в письме, входит в состав контактной рамки письма и является эпистолярным, ритуальным элементом. Согласно эпистолярной традиции немецкого языка начальное обращение, выделенное пунктуационно запятой, обособляется от основного текста письма графически: текст сообщения пишется с новой строки. Следует отметить, что авторы

проанализированных писем зачастую выходят за рамки эпистолярного стандарта: обращение и основной текст письма не отделяются графически, а следуют друг за другом; обращение интегрировано в текст первого предложения или обращение может отсутствовать: «Der letzte Tag eines Jahres, Liebling, das zögernder gehen will, als alle andere vorher, – unseres ersten wirklichen Jahres – » [11. С. 91]; «Deines Geburtstages, liebste Miri, habe ich im letzten Brief nicht gedacht, (es war zu viel auf einmal zu bedenken) und es fiel mir erst später ein...» [13. С. 149]. Это обусловлено желанием автора письма отойти от устойчивости, клишированности, придать тексту послания более личностный характер, что позволяет читателю сразу погрузиться в повествование, в переживаемое автором эмоциональное состояние, делает текст послания более динамичным.

Обращение в тексте любовного письма выполняет эмоционально-оценочную функцию. В отличие от других типов писем, в которых обращение содержит статусную характеристику адресата, его социальное положение, профессию, в любовном письме обращения не только называют, квалифицируют получателя, но прежде всего выражают личное отношение адресанта к адресату. Подтверждением этому является тот факт, что все без исключения обращения в рассмотренных нами письмах в своем составе имеют хотя бы одну стилистически окрашенную лексическую единицу. Наиболее типичными формами обращения в любовном послании являются:

1. Эмоционально-оценочные прилагательные (в том числе в превосходной степени) + имя собственное: «Du wunderbare Marina, wie in Deinem ersten Brief, so bewundere ich in jedem seither Dein so genaues Suchen und Finden; Deinen unerschöpflichen Weg zu dem, was Du meinst, und, immer, Dein Rechthaben» [8. С. 79]; «Liebe Ruth Jetzt stehen auf allen meinen Tischen Gläser mit deinen gelben Narzissen, Delsberger Sonne scheint bei mir» [12. С. 154]; «Liebster Hermann, für drei Briefe muss ich dir danken, und für drei Bildchen dabei und viele liebe Sachen darin» [12. С. 205]; «Liebste kleine Bi, ich weiß nicht, warum Du glaubst, ich habe Dich nicht mehr gern» [10. С. 34].

2. Эмоционально-оценочные прилагательные (в том числе в превосходной степени) + имя существительное в метафорическом значении: «Kleiner Nestvogel, ich bin doch hier mit einer Ischias, die wie eine Kobra ist: nahezu wunderbar» [11. С. 31]; «Kleiner, süßer Affe, was

ist das nur für ein erbärmliches Leben!» [11. С. 29]; «Liebes Herz! Ich habe blödsinnig viel zu tun, bin noch immer nicht durch alle die Post durch, die ich damals hier angehäuft fand» [12. С. 257]; «Mein lieber Schatz, Könnte ich dir doch Schlaf senden!» [12. С. 141].

3. Эмоционально-оценочные субстантивированные прилагательные: «Einmalige, seit zwei Stunden ist Mexico ohne Licht, schwarz liegt es zwischen Bergen unter den fremden, bleichen Sternen, und nur eine Kerze brennt auf meinem Schreibtisch» [11. С. 140]; «Himmlische, Dank für dein Geburtstagstelegramm» [11. С. 204]; «Zauberische, über dem See steht der Orion, der Mond ist voll und Gott atmet dich über den Bergen» [11. С. 205]; «Liebe Seele hinter den braunen Augen, lieber Stern Heut nacht hatte ich den lieblichen Traum, daß ich oben auf dem flachen Dache eines Hauses war...» [12. С. 370].

4. Имя существительное в метафорическом значении: «Engel, Als ich in Berlin war, meldete sich als ertste alte Bekannte Igel die mir eine lange Geschichte erzaelhte, sich ueber Dich beklagte...» [11. С.206]; «Zauber, Dein Brief hat mich soviel mehr berührt...» [11 С. 209].

Для выражения обращений в любовном письме характерно использование слов с аффиксами субъективной оценки – деминутивов. Термин «уменьшительность» традиционно определяется как «обобщенное значение малого объема, размера и т.п., обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов и сопровождающееся различными эмоциональными окрасками - ласкательности, уничижительности и т.п.» [1. С. 485]. Деминутивы, используемые в обращениях в любовном письме, представлены суффиксами субъективной оценки – *-lein*; *-chen*; *-i* и являются средством выражения нежного чувства, испытываемого к адресату: *Liebes Herzlein*; *Liebes Hermännlein*; *Liebes Carlchen*; *Liebes Ruthi*; *Schatzi*.

В обращении в любовном послании эмоционально-оценочная функция находится в тесном взаимодействии с экспрессивной. Это обусловлено тем, что обращения в любовном письме являются не только средством выражения личного отношения к партнеру, но и служат средством экспрессии – стимуляции субъективного отношения к сказанному. Со стороны пишущего это – усиление, выделение, акцентирование высказывания, отступление от речевого стандарта, нормы, выражение чувств, эмоций и настроений, наделение высказывания эмоциональной силой, оценивание,

достижение образности и создание эстетического эффекта. Со стороны читателя это – удержание и усиление внимания, повышение рефлексии, возникновение эмоций и чувств.

Экспрессивность в обращениях в любовной переписке создается с помощью:

1) повторов: «Liebe Ruth, Liebes Herz» [12. С. 346]; «Liebe Ruth, liebe Geliebte» [12. С. 343]; «O liebe Sonne; lieber Stern; lieber Mond» [12. С. 60]; «Septemborgeliebte, Oktoborgeliebte, Novemborgeliebte!» [11. С. 41]; «kleine; liebe Frau, kleine brave gute Bi!» [10. С. 43];

2) парцелляций: «Liebste Bi! Kleine Frau!» [10. С. 30]; «Zärtliche! Geliebte Sanfte!» [11. С. 23]; «Gesicht im Spiegel! Helles, geliebtes Gesicht» [11. С. 23]; «Süßes! Engel vom westlichen Fenster. Sonogno. Heller Traum!» [11. С. 25];

3) инверсий: «Liebling, süßer und sehr geliebter, daß du kommen willst!» [11. С. 57]; «Liebstes, flüchtig und ewig wie ein Herz» [11. С. 74];

4) использования тропов, например, метафор: «Windgetriebene, Herzverwehte – Nike von den hellenischen Küsten – » [11. С. 52]; «Oh, Du süße Gazelle meiner dunklen Träume!» [10. С. 12]; а также эпитетов: «Liebe, kleine, gute Bi» [10. С. 61]; «Liebe liebe kleine Bi» [10. С. 63].

Любовная переписка является письменной формой коммуникации, в которой отсутствие визуального и непосредственного контакта представляет собой одновременное расширение и ограничение репрезентативных возможностей автора письма. Автору письма приходится прибегать к более тщательному отбору языковых средств для оформления своей мысли. Обращение, занимающее начальную, сильную позицию в тексте письма, призвано способствовать эффективности общения между коммуникантами. С одной стороны, оно служит установлению связи между предшествующим и последующим сообщением, обеспечивая связность в любовном повествовании, с другой стороны, оно является также средством концентрации внимания читателя, активизации его воображения, когда адресат вовлекается в процесс сомышления и сопереживания, посредством обращения формируется личностно ориентированное общение. Специфика отношений коммуникантов, характер и условия общения формируют функции обращения в любовном письме: коммуникативно-прагматическую, эмоционально-оценочную и экспрессивную. Автор письма посредством языковых

средств влияет на восприятие письма получателем. Делая его эмоционально-чувственным переживанием, они усиливают желание читателя к написанию ответа. И тогда эпистолярный текст перестает быть просто средством передачи информации, но служит средством взаимодействия.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
2. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
3. Кожина М.Н. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // Очерки научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. Пермь, 1998.
4. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: Издательство Волгоградского университета, 2001.
5. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М. Флинта: Наука, 2006.
7. Черняева А. Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX-первой четверти XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
8. Asadowski K.M. Rainer Maria Rilke und Marina Zwetajewa. Ein Gespräch in Briefen. Frankfurt am Main, Leipzig: Insel Verlag, 1992.
9. Berner E. Zum Wesen und Begriff der Anrede // Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Potsdam, 1982.
10. Gier H., Hillesheim J. Bertold Brecht. Liebste Bi. Briefe an Paula Banholzer. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verl., 1993.
11. Fuld W., Schneider T.F. «Sag mir, dass du mich liebst...» Erich Maria Remarque – Marlene Dietrich. Zeugnisse einer Leidenschaft. Köln: KiWi, 2003.
12. Michels U., Michels V. Hermann Hesse «Liebes Herz». Briefwechsel mit seiner zweiten Frau Ruth. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verl., 2005.
13. Nickel G. Carl Zuckmayer - Annemarie Seidel. Briefwechsel. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2008.

Сведения об авторе

Хенниг Лариса Викторовна
аспирант кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: prilarissa@rambler.ru

УДК (811.112.2'42)-055:82-34

GENDERBILDER IN DEUTSCHEN VOLKSMÄRCHEN

E. Matskevich

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Народные сказки имеют многолетнюю традицию. Первоначально они являлись историями для взрослых, со временем стали сказками для детей, однако не утратили своей важности для развития общественных отношений. Статья посвящена анализу представления гендерных образов в немецких народных сказках, их влиянию на понимание гендерных ролей, отношений между полами и их особенностей. В ней также рассматриваются функции и различные аспекты восприятия сказок.

Ключевые слова: народные сказки, литературные сказки, представление гендера, гендерные образы, гендерные роли, функция сказки, восприятие сказки.

Gender Images in German Fairy Tales

Elena Matskevich

The article examines gender images in German fairy tales. Originally intended for grown-ups, fairy tales have long made their way into children's literature and retain an important role in a child's socialization. Listening to fairy tales, people are involuntarily influenced by models of behavior presented therein, including understanding of gender images and gender relations. The article also deals with the impact of literary fairy tales on the realization of gender roles as well as functions and perception of fairy tales in general.

Key words: fairy tales, literature tales, gender images, gender roles, functions of a fairy tale, perception of a fairy tale.

Seit vielen Jahren spielen Märchen schon in der kindlichen Erziehung eine wichtige Rolle. Sie haben eine lange Tradition und spielen eine bedeutende Rolle in der gesellschaftlichen Entwicklung. Und auch wenn sie ursprünglich als Geschichten für Erwachsene gedacht waren, haben sie an Bedeutung nicht verloren. Menschen werden von den Erzählungen und Geschichten, die sie hören und mit denen sie sich beschäftigen, unwillkürlich geprägt. Sie vermitteln bestimmte Anschauungen und Bilder, die sich von früh auf vermittelt werden. Auffassung von Gendern, ihren Beziehungen zueinander und ihren Besonderheiten spielen dabei eine wesentliche Rolle. Die vorliegende Arbeit geht darauf ein, wie Geschlechter in deutschen Volksmärchen dargestellt werden, und wie diese das Verständnis von geschlechterspezifischen Rollen beeinflussen.

Der Begriff Märchen hat seinen Ursprung im Mittelhochdeutschen. Das Wort *maere* kann man ins heutige Deutsch mit „Kunde“ oder „Nachricht“ übersetzen. Einzuordnen sind die Märchen in die Literaturform der Epik und gehören somit zu einer der ältesten Erzählformen. Man differenziert zwischen zwei verschiedenen Arten von Märchen: den Kunst- und den Volksmärchen. Letztere entstanden durch Erzählungen, die über lange Zeit mündlich weitergegeben wurden, daher sind die Zeit der Entstehung und der Verfasser sehr oft nicht bekannt. Erste Sammlungen von Volksmärchen wurden in Italien und später in Frankreich verschriftlicht. Das in Deutschland bekannteste Werk ist die 1812 zum ersten Mal erschienene Sammlung der Kinder- und Hausmärchen der Brüder Jacob und Wilhelm Grimm. Weitere bekannte deutsche Bände sind „Das Deutsche Märchen Buch“ von Ludwig Bechstein und „Die Volksmärchen der Deutschen“ von Johann Karl August Musäus. Kunstmärchen sind im Gegensatz zu Volksmärchen aus jüngerer Zeit und von einem bekannten Verfasser schriftlich fixiert. Berühmte Autoren sind Ludwig Tieck, Clemens von Brentano und Christian Andersen [2. S. 3]. Unter einem Märchen versteht man eine phantasievolle Erzählung ohne räumliche und zeitliche Bindung, in der die Naturgesetze aufgehoben sind und das Wunder vorherrscht [10]. Sie grenzen sich dennoch deutlich von Legenden und Sagen ab, da sie sich in keiner Weise auf geschichtliche Begebenheiten, Orte oder Persönlichkeiten beziehen. Märchen sind dadurch geprägt, dass es nur gute und böse Charaktere gibt, keine der Figuren weist gemischte Züge auf. Am Ende steht immer eine verbindliche Moral, die oft ähnlich ausfällt: Wenn man fleißig, lieb und gut ist, wird eines Tages der Prinz kommen und man verdient ein wundervolles, glückliches Leben. Begeht man andererseits böse Taten, ist unfreundlich oder hat einen schlechten Charakter, wird man schlussendlich bestraft und muss leiden [9. S.14].

Früher waren Märchen Geschichten für Erwachsene, sie dienten nicht nur zur Unterhaltung, sondern sollten Menschen in verschiedenen Lebenslagen eine Anleitung zum Handeln geben. Deswegen sind Mord, Verbannung und Intrigen darin keine Seltenheit. Außerdem spendeten sie Trost und gaben den Zuhörern wegen des guten Endes die Hoffnung, dass auch ihr Leben eines Tages ein gutes Ende nehmen würde. Erst im 19. Jahrhundert wurden die Märchen so bearbeitet und verharmlost, dass sie Kindern weitergegeben und vorgelesen werden konnten [8. S.5].

Beziehungen zwischen den unterschiedlichen Gendern spielen eine

sehr wichtige Rolle in Märchen. Es wird das klassische Liebespaar, aber auch das Verhältnis zwischen Vätern und Töchtern, (Stief-) Müttern und Söhnen beziehungsweise Brüdern und Schwestern dargestellt. Die Mehrzahl der von den Brüdern Grimm gesammelten Märchen behandeln Beziehungen zwischen Liebenden, bspw. „Die Schöne und das Biest“, „Aschenputtel“, „Dornröschen“ etc. Besonders dominierend und häufig auftretend sind folgende Darstellungen von Gender: das Liebespaar, die gehorsame Frau, die Stiefmutter bzw. Hexe und der Mann als Held.

Eine Vielzahl von Märchen endet mit einer Traumhochzeit, die meist als ein großes, schönes und rauschendes Fest beschrieben wird, wie beispielsweise in „Die Schöne und das Biest“ oder „Schneewittchen“. Hierbei werden Hochzeit und Ehe immer als sehr harmonisch, glücklich und problemlos dargestellt. Unzählige Märchen enden mit ähnlichen Worten wie diesen aus „Dornröschen“: „Und da wurde die Hochzeit des Königsohns mit dem Dornröschen in aller Pracht gefeiert, und sie lebten vergnügt bis an ihr Ende“ [3. S.30]. Die Schwierigkeiten, die in einer Partnerschaft auftreten können, werden völlig außer Acht gelassen, schließlich sind die Braut und der Bräutigam für einander bestimmt. Die Ehe wird demnach als dauerhaft, traumhaft und unzerstörbar idealisiert. Paare trennen sich nur dann, wenn einer der Eheleute stirbt, Eheprobleme oder gar Scheidung werden in Märchen thematisch in keiner Weise aufgearbeitet. Vielmehr verlieben sich der Mann und die Frau bereits auf den ersten Blick. Eine Phase des Kennenlernens, des Zeitverbringens oder des Redens findet man in Märchen in der Regel nicht, vielmehr wird den Liebenden schon im ersten Moment klar, dass sie für einander geschaffen sind. Mit diesem Wissen bewältigen sie schon im Vorfeld alle Hindernisse, die ihnen von bösen Hexen, Stiefmüttern, oder -geschwistern in den Weg gelegt werden, wie z.B. in der Geschichte von „Rapunzel“. Soziale Unterschiede können in Märchen größtenteils problemlos durch eine Hochzeit überwunden werden. Dennoch fällt auf, dass es in der Regel die Frauen sind, die aus einem niedrigeren Stand sind und die durch den reichen, schönen Prinzen gerettet werden. In jenen Geschichten, in denen eine Prinzessin die Hauptrolle spielt, sind die männlichen Wesen meist verwunschene Prinzen, beispielsweise in der Erzählung des Froschkönigs.

Die guten Hauptpersonen in Märchen sind in der Regel wunderschön. Als Beispiel hierfür dient die Erzählung von „Schneewittchen“, dieses „war so weiß wie Schnee, so rot wie Blut, und so schwarzhaarig wie Ebenholz, und ward darum das Schneewittchen

genannt" [3. S. 40]. Oder auch im Märchen von „Rapunzel“, hier wird der Prinz als „jung und schön“ [3. S.70] beschrieben. Im Gegensatz zu den Männern werden die Frauen meist passiv, hilflos und von bösen Verwandten oder Hexen unterdrückt beschrieben. Jedoch ertragen sie ihr Leid mit großer Hingabe und Geduld. Sie beschwerten sich selten und nehmen alle Demütigungen ohne Wehklagen hin. Vielmehr warten sie widerstandslos darauf, bis sie von einem zauberhaften, reichen und schönen Prinzen von ihrem Leiden erlöst werden, wie beispielsweise Dornröschen, das 100 Jahre schlief. Außerdem sind die Frauen oft abhängig von übernatürlichen Wesen, Vögeln, die sprechen können, oder anderen Tieren, die ihnen, wie bei „Aschenputtel“, zur Hilfe kommen und ohne die sie sich nicht aus ihrer Lage befreien könnten. Dies verdeutlicht erneut die Hilflosigkeit der jungen Frauen, denen es nicht möglich ist, durch Eigeninitiative ihre Situation zu verbessern. Hinzukommend wird klargestellt, dass die Arbeit der Frau in erster Linie die Hausarbeit ist, „Schneewittchen“ zum Beispiel musste den „Haushalt versehen, kochen, betten, waschen, nagen und stricken, [...] und alles ordentlich und reinlich halten“ [3. S.46]. Dadurch wird die Rolle der Frau als Hausfrau idealisiert, denn für den Leser wird klar, dass die gute, schöne, warmherzige Frau zuständig dafür ist, das Haus in Ordnung zu halten und für den Mann zu sorgen. Hinzukommend sucht ein Prinz in vielen Märchen, z.B. in „Aschenputtel“, in erster Linie deshalb eine Frau, weil der König der Meinung ist, dass sein Sohn heiraten sollte, damit die zukünftige Ehefrau bald einen Erben zur Welt bringt, um das Bestehen der Familie zu sichern. Hier wird deutlich, dass nicht nur der Haushalt, sondern auch das Gebären von Kindern die idealisierte Aufgabe der Frau ist.

Neben der wunderschönen, aber nur passiv agierenden Frau, die geduldig auf ihren Prinzen wartet, beschreiben Märchen auch noch einen anderen Typ Frau. Immer wieder begegnet man weiblichen Figuren, die durchaus über eine gewisse Macht verfügen und nicht auf ihr Glück warten. Diese zeigen sich jedoch fast ausschließlich in Gestalt der Stiefmutter, der bösen Hexen und der Alten. Sie sind von Grund auf Böse, verbreiten Angst und Schrecken und wecken im Leser Hassgefühle. Durch sie wird das eigentliche Weiblichkeitsideal der Märchen geschichtekontrastiert und durch die gegenteilige Darstellung noch verstärkt. Nicht selten kann man ihnen auch Klugheit, vielleicht sogar Weisheit nachsagen - diese wird jedoch grundsätzlich in einem negativen Zusammenhang dargestellt. So lässt sich die böse Stiefmutter von

Schneewittchen einiges einfallen, um die Prinzessin zu vergiften, sie umzubringen um an ihr eigentliches Ziel zu gelangen, und Schneewittchen lässt sich in ihrer Naivität auch immer wieder davon überzeugen, die ihr angebotenen Waren zu probieren [3. S.87]. Allerdings wird dies von dem Leser keineswegs als besonderer Einfallsreichtum und Intellekt, sondern vielmehr als Ausdruck von Bösigkeit empfunden.

Im Gegensatz zu den Frauen in Märchen erhalten männliche Akteure einen weitaus größeren Handlungsrahmen. Sie übernehmen den aktiven Part im Verlauf der Geschichte, sie dominieren die Geschehnisse und gestalten die Handlung, indem sie ihre Prinzessin aus deren schwierigen Lage erretten und sie z.B. wie bei „Rapunzel“ aus dem Turm befreien oder wie im Märchen „Dornröschen“ zahlreiche Hindernisse überwinden, um sie schließlich wachküssen zu können. Erst wenn der Mann - meist in Form des Märchenprinzen — in die Handlung und damit in das Leben der Frauen eintritt, erfolgt eine Wendung von der aussichtslosen Lage hin zu einem guten Ausgang [5. S.55]. Der Mann zeigt sich in Märchen mutig, stark, athletisch, klug und furchtlos, er ist mutig und optimistisch und stellt sich seinen Aufgaben. Interessant ist, dass er meist erst zum Ende eines Märchens beginnt, eine wirkliche wichtige Rolle zu spielen. Zu Beginn des Märchens taucht er überwiegend nur als idealisierte Traumgestalt in den Phantasien der Prinzessinnen auf - die er jedoch auch erfüllt. Oft wird Männlichkeit in Märchen auch in der Notwendigkeit, die Frau sowie die Beziehung zu dominieren, dargestellt. Ein berühmtes Beispiel hierfür kann man im Klamauk-Märchen „Die klugen Leute“ der Gebrüder Grimm finden:

„Ja, du.“ sprach der Mann, "du bist als ein kleines Kind einmal auf den Kopf gefallen, das hängt dir bis auf diese Stunde nach. Aber das sage ich dir, machst du dummes Zeug, so streiche ich dir den Rücken blau an, und das ohne Farbe, bloß mit dem Stock, den ich da in der Hand habe, und der Anstrich soll ein ganzes Jahr halten, darauf kannst du dich verlassen." Damit ging der Mann seine Wege“ [3. S. 89].

Diese Darstellung kann wieder auf die Zeit der Entstehung von Märchen zurückgeführt werden, das patriarchalische Bürgertum. Insgesamt sind in Märchen Männer die zentralen Figuren, die „Macher“, er ist der positive Pol, auf den sich die Frau in ihren Hoffnungen und Träumen bezieht.

Wie eingangs kurz erwähnt, dienten Märchen zur Zeit ihrer Verschriftlichung vielmehr Erwachsenen dazu, der Tristesse des Alltags zu

entfliehen und in den Fantasiewelten ihre eigenen schlechten Lebensverhältnisse zu vergessen. Märchen sollten Hoffnung bringen in dunklen Zeiten und dienten parallel dazu, den Menschen bei der Entwicklung von Wertvorstellungen zu unterstützen. Sie halfen, akzeptierte Verhaltensmuster aufrecht zu erhalten und unterstützen somit die Sozialisierung von Kindesbeinen an. Als die Gebrüder Grimm feststellten, wie beliebt ihre Märchen auch bei Kindern waren, schriftierten sie einige ihrer Geschichten kindgerecht um. Die Geschichten stellen Modelle und Beispiele für das Zusammenleben von Menschen und definieren dabei natürlich auch einzelne Geschlechterrollen. Kinder gewinnen durch Märchen eine Vorstellung von der Unterschiedlichkeit von Frau und Mann, sie interpretieren durch sie die Rolle des Vaters und der Mutter, ahmen sie nach und übernehmen eventuell nach und nach die Weltanschauungen und Rollenvorbilder aus den Märchen [7. S. 11].

Heutzutage wird Märchen vielfach auch Kritik entgegengebracht, weil die Rollenbilder in Märchen den Mädchen keine besonders moderne Möglichkeit zur Identifikationskonzeption bieten. Stattdessen können sie durch die in den Märchen vermittelten Rollenbilder in einen Identifikationskonflikt geraten. Den Mädchen wird suggeriert, dass sie nur eine einzige Wahlmöglichkeit haben, und das ist die Wahl zwischen der bösen Hexe und der guten Prinzessin [4. S. 387]. Märchen bieten Mädchen nicht die Möglichkeit, aktiv ihr Leben mitzugestalten, und entsprechen somit nicht der gelebten Realität. Das Frauenbild in Märchen zeigt ein extrem dualistisches Schema, welches das Weibliche in „Engel“ und „Dämonen“ spaltet und ihnen nur den Spielraum zugesteht, entweder ausschließlich gut oder eine Hexe zu sein. Es ist ein Zerrbild der Wirklichkeit. Gleichzeitig werden Jungen davon überzeugt, dass Anzeichen von Schwäche oder „Weichheit“ keineswegs erstrebenswert sind und sie nur dann erfolgreich sein können, wenn sie stark und mutig sind und sich vor nichts fürchten [5. S. 58].

Die moderne Frau ist, wie es die Frauenzeitschrift Marie Claire ausdrückt, „Überverdiener, Überschreiter und Überstrahler von Männern wie nie zuvor“ [6. S.51], eine Darstellung, die stark mit dem passiv auf sein Glück wartenden Aschenputtel kontrastiert.

Schlussfolgernd kann die Feststellung gemacht werden, dass innerhalb der gängigen Märchen der Gebrüder Grimm eine eindeutige Geschlechterdefinition und damit auch eine Gender-Zuordnung stattfindet. Es wird besonders der begehrten Typ der Frau von einem Ideal

verkörpert, das mit der heutigen Vorstellung von Frauen nur sehr wenig gemein hat. Außerdem erhalten sowohl Frauen als auch Männer in Märchen eine genaue Rollenanweisung: der Mann verkörpert den starken aktiven Pol, während die Frau nur wartend darauf hoffen kann, dass ihre Wünsche erhört werden. Aus diesem Grund kann man sagen, dass man die alten Märchen überarbeiten müsste, um in ihnen ein der heutigen Realität näheres Bild der Rolle von Mann und Frau darzustellen. Solche Tendenzen sind in Neuverfilmungen einzelner Märchen (z.B. „Rapunzel – neu verföhnt“ von Walt Disney) zu erkennen. Diese könnten auch zum Schwerpunkt einer nächsten Untersuchung werden. Es darf aber auf keinen Fall vergessen werden, aus welcher Zeit die Märchen stammen und dass sie eine Jahrhunderte alte Tradition haben. Sie sind Teil der Gesellschaft und ihrer Entwicklung und sollten, weil sich die Bilder von Mann und Frau heute geändert haben, nicht aus den Bücherregalen verschwinden.

Literatur

1. Bottigheimer R. Grimms ' Bad Girls and Bold Boys. New Haven: Yale UP, 1987. 270 p.
2. Fuderus C. Was sind eigentlich Märchen?// Электронный ресурс Интернет: <http://www.stern.de/kultur/buecher/hintergrund-was-sind-eigentlich-maerchen.html>
3. Grimm Jacob und Wilhelm. Grimms Märchen. Köln: Anaconda Verlag, 2009. 210 S.
4. Liebermann M.R. Someday my Prince will come. Female Acculturation through Fairy Tale. College English, 1972. 450 p.
5. Lüthi M. The fairytale as Art Form and Portrait of Man. Blomington: India UP, 1974. 215 S.
6. Marie Claire. What`s It All About Alpha? Januarausgabe, 2006. 65S.
7. Röhrich L. Märchen und Wirklichkeit. Wiesbaden, 1993. 93 S.
8. Sedlmeyr Th. Ursprung und Geschichte der Märchen // Электронный ресурс Интернет: <http://www.suite101.de/content/ursprung-und-geschichte-der-maerchen>
9. Untermoser H. Märchen: Geschichte und Bedeutung überlieferter Erzählungen // Электронный ресурс Интернет: <http://www.philognosie.net/index.php/article/articleview/903/>
10. Wahrig Deutsches Wörterbuch / hrsg. von Gerhard Wahrig. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH., 1997. 1420 S.

Сведения об авторе

Мацкевич Елена Эдуардовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: mazkevich@lunn.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

УДК 811.161.1'25:821.111(73)

SOVIET LEGACY IN THE “ENLIVENING” RUSSIAN TRANSLATIONS OF AMERICAN FICTION: ORIGINS OF “OZHIVLIAZH”¹

A.L. Burak

University of Florida, Gainesville, Florida, USA

The article examines the widespread tendency of Russian translators to enhance the linguo-stylistic impact of their Russian translations of American fiction prose as compared with the original texts written in a more neutral language. It argues that this tendency originated in the works of the Kashkin school (method) of translation in the early 1930s, became increasingly evident in the 1960-70s, and has assumed extreme forms in the last 20-25 years, most likely, due to the more relaxed attitudes toward standards of decency in various media. New technology increases the writers' and translators' possibilities and opportunities for self-promotion. “Ozhivliazh” has become the distinguishing feature of the Russian translations of American fiction.

Key words: literary translation, linguo-stylistic enhancements, Kashkin, Kashkintsy, “spirit” and “letter” of the text, “ozhivliazh”.

Советское наследие усиления экспрессивности текста в русскоязычных переводах американской художественной литературы: происхождение «оживляжа»

А.Л. Бурак

В статье рассматривается широко распространенная тенденция российских переводчиков усиливать уровень экспрессивности переводов произведений американской художественной прозы по сравнению с текстами оригиналов, написанными на более нейтральном языке. Основной тезис статьи состоит в том, что данная тенденция первоначально возникла в работах переводчиков кашкинской школы перевода (переводчиков, использовавших метод перевода Кашкина) в начале 1930-х гг., получила свое дальнейшее развитие в 1970-80 гг. и приобрела экстремальные формы в последние 20-25 лет, по всей видимости, в результате ослабления норм приличия в различных средствах массовой информации. Новые технологии расширяют возможности писателей и переводчиков рекламировать и публиковать свои

¹ A draft of this article was presented at the AATSEEL Annual Conference in Pasadena, California, on January 7, 2011. (AATSEEL is the American Association of Teachers of Slavic and East European Languages.) I am grateful to Dr. James Goodwin, a colleague of mine, for discussing with me one of the versions of this article.

произведения. «Оживляж» стал отличительной чертой русских переводов американской литературы.

Ключевые слова: художественный перевод, лингвостилистическое «усиление» текста, экспрессивность текста, Кашкин, кашкинцы, «дух» и «буква» текста, «оживляж».

The novelty of this article is fourfold: it (1) identifies the previously unnoticed longtime trend of lexico-grammatical and stylistic enhancements (enlivening) of Russian translations of American fiction prose; (2) traces the origins of this phenomenon back to the “Soviet” school of translation, established most notably by Ivan Aleksandrovich Kashkín (1899-1963) and his followers in the 1930s and continuing well into the 1980s; (3) describes the linguo-stylistic means of the textual enhancements that have not been previously described; and (4) concludes that the entrenched tendency to enliven the American cultural “other” has created – most likely, semi-consciously, although, arguably, under the influence of the notorious “inner censor” – a special, American genre, style, and canon of translated prose within the corpus of Russian literary texts.

Terms

The enlivening of original American fiction in Russian translations proceeds along the following lines. At the level of words and non-predicative phrases, “enlivening” involves (1) intensifying the level and sometimes the nature of the emotion expressed by a word sense; (2) enhancing the evaluative force of a word sense; (3) changing the functional register of a word sense – usually by substituting slang or more elevated vocabulary for neutral language; (4) changing the dialectal – that is, regional, temporal or social – reference of a word sense; (5) misrepresenting the relative frequency of occurrence of a word sense in the original, source style; and (6) pandering to the perceived expectations of the audience by radicalizing the imagery and metaphors evoked by a word sense or phrase [1]. At the level of the sentence and paragraph, enlivening is carried out by using more emphatic sentence structures, including the breaking up of sentences, thereby creating a punchier translation text [2]. All of these elements coalesce into a pragmatics of translating that can be best illustrated with specific examples. Here is a fragment from two most recent translations of *The Catcher in the Rye* (note 1):

Salinger, J.D. <i>The Catcher in the Rye</i>	Сэлинджер, Дж. Д. <i>Ловец на хлебном поле.</i> Перевод с английского	Сэлинджер, Джером Дэвид. <i>Над пропастью во ржи.</i>
--	---	--

	Максима Немцова	Перевод с английского Якова Лотовского
<p>You wouldn't even have known it had snowed at all. There was hardly any snow on the sidewalks. <u>But it was freezing cold</u>, and I took my <u>red hunting hat</u> out of my pocket and put it on – <u>I didn't give a damn</u> how I looked. I even put the earflaps down. I wished I knew who'd swiped my gloves at Pencey, because my hands were freezing. Not that I'd have done much about it even if I had known. <u>I'm one of these very yellow guys</u>. I try not to show it by I am. For instance, if I'd found out at Pencey who'd <u>stolen</u> my gloves, I probably would've gone down to the <u>crook's</u> room and said, "Okay. How 'bout <u>handing over</u> those gloves?" Then the <u>crook</u> that had stolen them probably would've said, his voice very innocent <u>and all</u>, "What gloves?" Then what I probably would've done, I'd have gone in his closet and found the gloves somewhere. Hidden in his goddam</p>	<p>А на улице не поймешь вообще, был снег или нет. На тротуарах его почти не осталось. Но <u>дубарина</u> такой, что я вытащил этот <u>красный кепарь</u> из кармана и надел – <u>надристать</u>, как я там выгляжу. Я ему даже уши опустил. Узнать бы, кто в Пенси мои перчатки свистнул, потому что руки у меня задубели. Хотя что бы я сделал, если б даже узнал? Я же <u>ссыкун</u> такой. Стараюсь не показывать, но я <u>ссыкливый</u>. Например, если б я в Пенси выяснил, кто <u>свистнул</u> перчатки, я бы пришел к жулику в комнату и сказал: «Ладно. Как насчет <u>вывалить</u> мои перчатки?» А жулик, который их спер, наверно, сказал бы – невинненьким таким голоском и <u>всяко-разно</u>: «Какие перчатки?» И тогда я, наверно, вот чего бы – я бы зашел к нему в чулан и нашел бы где-нибудь эти перчатки. Он бы их в галоши засунул или как-то, например. Я бы их вытащил и <u>предъявил</u></p>	<p>Снега не было и в помине. Ни снежинки на тротуарах. Но было очень холодно, я достал из кармана свою красную охотничью шапку и надел ее – мне было наплевать, как я выгляжу. Я даже наушники опустил. Хотел бы знать, кто спер мои перчатки в Пэнси. Теперь руки мерзнут. А и знал бы кто, все равно ничего бы не сделал. Я по натуре трусоватый, хоть стараюсь это не показывать, но это – факт. Допустим, узнал бы я, кто <u>спер</u> перчатки. Я бы пошел в комнату к этому <u>воришке</u> и сказал бы: «Короче. Как бы это получить мои перчатки?» А этот <u>жук</u> скажет самым невинным голосом: «Какие перчатки?» Тогда я открою его шкаф и найду где-то там свои перчатки. Где-нибудь в его галошах или еще где. <u>Я возьму их и ткну ему под нос</u>: «А это что? Эти, <u>блин</u>,</p>

<p>galoshes or something, for instance. <u>I'd have taken them out and showed them to the guy</u> and said, "I suppose these are your <u>goddam gloves?</u>" Then <u>the crook</u> probably would've given me this very <u>phony, innocent look,</u> and said, "I never saw those gloves before in my life. If they're yours, take 'em. I don't want <u>the goddam things</u>" [3. P. 88]</p>	<p>ему, и сказал: «Полагаю, это <i>твои</i>, нафиг, перчатки?» Тогда жулик, наверно, посмотрел бы на меня так очень <u>фуфлово</u>, невинненько и сказал: «Я этих перчаток в жизни не видел. Если твои, забирай. Не нужна мне, <u>нафиг, эта параша</u>» [4. С. 89]</p>	<p>перчатки твои?» А этот <u>жучила</u> сделает наивные глаза и скажет: «Впервые в жизни вижу эти перчатки. Если твои, забирай. На фиг мне чужие вещи» [5. http://7iskusstv.com/2010/Nomer3/Lotovsky1.php]</p>
---	---	--

What we have in the Nemtsov translation is a wholesale “jazzing up,” or “sexing up,” or – what I prefer to call – across-the board “ozhivliazh” of the original text predominantly at the lexical level. (The most obvious linguo-stylistic enhancements in his translation are underlined.) The word “ozhivliazh” (from the Russian “ozhivliat” – to bring back to life; to liven up) is a professional slang term often used in theatre, filmmaking, and fashion modeling. It means “livening up the acting, stage scenery, the actors’ lines, the model’s body language, the clothes design, etc.” I apply it in the sense defined by the Russian poet and translator Olga Sedakova as the practice of “introducing [into the translation] words that are coarser and metaphors that are more jarring, [...] [thereby] adding to the author’s orchestra more percussion and exotic instruments” [6. P. 437]. Speaking less metaphorically, “ozhivliazh” is a conscious, semi-conscious or unconscious enhancement of any aspects of a translated text. One hopes that this happens in the course of the perennial search for authenticity but it may equally well happen for reasons of self-promotion, an inflated sense of exceptional professionalism, or misguided idealism. The same passage in the Lotovskii translation is very moderately enlivened, mostly through a more terse and forthright syntax as compared with the original. These two differing emphases in the modes of translating are also reflected in the relative lengths of the translations: The Salinger original is 224 words long (1,178 characters with spaces), the Nemtsov

translation is 184 words (1,038 characters with spaces), and the Lotovskii translation is the shortest – 159 words long (871 characters with spaces). This is highly unusual as it is a well-known empirical fact that translations from English into Russian tend to be longer than their originals in terms of both words and computer symbols by about 10-15% [7. С. 42-47]. In the majority of cases, the translator seems to be unconsciously anxious not to leave anything out in the translation – not to “undertranslate.” I call this phenomenon the “anxiety of undertranslation,” to borrow Harold Bloom’s phrasal formula. But Nemtsov and Lotovskii are immune to this syndrome in this particular case.

Central Thesis

My central thesis concerns the socio-cultural antecedents and consequences of the “enlivening” tendency in English-to-Russian translations. I argue that the prominent and persistent trend of livening up Russian translations of American prose texts that were originally written in a more neutral language is not a relatively recent phenomenon that originated during the Perestroika period of the late 1980-1990s and that continued later in the first decade of the new millennium. I argue that the trend of “ozhivliazh” has its origins in the literary translations produced by the “Kashkintsy” school of translation that established itself in the early 1930s. The Kashkintsy tradition was reinforced by the translations of other famous Soviet translators, most notably, by Rita Rait-Kovaleva (1898-1989) in the 1960s and 70s. Rait-Kovaleva worked independently of the “Kashkintsy” circle but based her translations – intentionally or unintentionally – on the same principles. The “ozhivliazh” trend has only been enhanced in the last quarter-century due to the more relaxed attitudes toward standards of decency in various media and the widened technological possibilities and opportunities for writers’ and translators’ self-promotion. “Ozhivliazh” has become a distinguishing feature of the majority of Russian translations of American fiction prose.

Soviet School of Translation: Kashkintsy et al.

One of the most celebratory accounts of the work of the legendary translator and translation theorist Ivan Aleksandrovich Kashkin (note 2) and his circle is given by the famous translator, editor, and writer Nora Gal’ (1912-1991) in her book *Слово живое и мертвое (The Word – Living and Dead)* [8. С. 250-362]. It was Kashkin and his immediate disciples and followers that have come to be generally credited with establishing a Soviet school of translation – the “Kashkin School of

Translation,” known, simply, as the “Kashkíntsy.” The most prominent members of the legendary “Kashkíntsy” were Vera Maksimovna Toper (1890-1964), Olga Petrovna Kholmkaia (1896-), Evgeniia Davydovna Kalashnikova (1906-1976), Natal’ia Al’bertovna Volzhina (1903-1981), Nina Leonidovna Daruzes (?-1982), Elena Mikhailovna Golysheva (1906-1984), Boris Romanovich Izakov (1903-1988), Mariia Fedorovna Lorie (1904-1992), Maria Pavlovna Bogoslovkaia, and Nora Gal’ herself. Gal’ considered the “Kashkíntsy” to be “the true pioneers of a new type of literary prose translating” [8. С. 253]. According to her, “They were the founders of a translation school that adhered to the spirit and not to the letter of the original” [8. С. 253]. (My translation.)

Beginning in the late 1950s, with the arrival of the Khrushchev Thaw, the “Kashkíntsy” and other translation authors, most notably Rita Rait-Kovaleva, began to challenge the humdrumness, ordinariness, and the equality-in-adversity spirit of the officially sanctioned Soviet literature by creating in their translations an American cultural identity representing what they saw as democracy, freedom of choice, and material abundance. This fictional identity was in stark contrast with everyday Soviet reality. In large measure, the Kashkíntsy and Rait-Kovaleva continued the traditional use of the so-called Aesopian language (note 3) of subversive subtexts and allusions that Russian literature and social commentaries had always been rife with. The translators were creating the American English-speaking “other” rather cautiously as they realized that any obviously sympathetic recreations of an ideologically alien world would not be allowed in the state-controlled Soviet literature. Consequently, they developed – most likely, through a combination of design and accident – a translation style to portray some features of the ostensibly unacceptable, alien-to-socialism, capitalist way of life. Under this stylistic guise, the American characters and their settings were, in fact, made accessible to Soviet readers thirsty for some lively and more humanly relevant narratives as compared to the bland, repetitiously ideologized, stodgy Soviet language enforced by different media. In other words, the Soviet translators created and sneaked into Soviet life exciting fictional worlds which the readers were eager to visit, populated by characters whose lives the readers wanted to identify with. The verbal identity of the American in this “airbrushed,” unreachable world was fixed in the minds of at least three generations of readers up to the late Soviet and early post-Soviet period.

Being true to the spirit rather than the letter of an original text was one of the two principal tenets of the Kashkín method of translating. The other was that a translated work should read as if the author of the original had written the translation in Russian himself. Looked at dispassionately, the former thesis is conspicuous by its vagueness and openness to different interpretations as it can hardly be denied that the spirit of a text and of its translation is to be found in the mind or the emotions of the texts' different beholders. Be that as it may, retranslations of the same material – allegedly meant to capture something that was not captured by previous translators – are an eloquent manifestation of this tenet (note 4). Paradoxically, retranslations work and are embraced by different contingents of readers at different times or even concurrently (note 5). The other tenet, according to which a translation should read as if the author of the original, source text had written it, dates back to at least John Dryden (note 6) and is no less elusive, not to say, fantastic. Paradoxically, it also works. Hemingway, Salinger, and Vonnegut, for example, became extremely popular in the Soviet Union in the 1950-70s thanks to the creative – not to say, artistically enhanced – translations produced by their Soviet translators. The translators followed the overarching principle of the Soviet school of translation that the process and the result of translation amount to high art [13]. In fact, what the translators collectively did was invent Hemingway's, Salinger's, and Vonnegut's styles in Russian, subsuming them into what I call the "Soviet/Russian American" canon within Soviet/Russian literature. Their main method in achieving this was moderate enlivening and embellishing of the original texts through lexical, grammatical, and stylistic modifications. As a result, the Russian translations sounded more "cool," or "firmenno" ("unsoviet" and consequently better) than their counterparts in English.

In short, it was the Kashkíntsy and Rita Rait-Kovaleva, with their truly artistic recreations of the original works, that laid the groundwork for what has become established as a kind of "swashbuckling," "swaggering" style – or a kind of Russian "Americaneese" – in the Russian prose fiction canon. Thanks to such "artistic translations," even the most innocuous original texts by Hemingway, Salinger, and Vonnegut emerged in Russian as distinctive, ostensibly "not our" but "their" (meaning Western, ideologically alien) narratives. Indeed, in contrast to the officially sanctioned, Soviet prose, they sparkled and provided the reader with a much needed breath of fresh air. I will illustrate this "otherness" of the

translations with some examples from the super popular translation of *Breakfast of Champions* (1973, trans. 1975) by Rita Rait-Kovaleva [14, 15], but to highlight the continuity of the trend I will begin by briefly discussing the strategy of moderate “ozhivliazh” used by Kashkín’s follower Vera Maksimovna Toper in her 1935 translation of Hemingway’s *The Sun Also Rises* (1926) known in Russian as *Фiesta*.

In her book *Слово живое и мертвое*, Nora Gal’ makes numerous admiring comments on Toper’s truly ingenious, signature Kashkíntsy-style translation solutions. From my perspective, most of those solutions fit the category of textual enhancements that lead to a more exciting – compared with the English original – cross-cultural “other.” Here are just a few examples from *Фiesta* quoted from Nora Gal’’s book [8. P. 254-263]:

It (the restaurant) was full of smoke and drinking and singing.	Было дымно, пьяно и шумно. [8. С. 254]
He had been doing splendidly. (Jake’s friend Bill had been trying to console Jake but fell silent suddenly.)	До сих пор он сыпал как из решета, но теперь вдруг замолчал. [8. С. 256]
Where have I been looking?	Где были мои глаза? [8. С. 256]
Don’t feel bad.	Не горюй. [8. С. 257]
He’s been in a jam.	С ним что-то стряслось. [8. С. 257]
I say. We have had a day.	Ну и денек выдался. [8. С. 260]
I couldn’t get it going. [...] I’m having a hard time handling it.	Сегодня не клеилось. [...] Никак не могу наладиться. [8. С. 262]
[...] he looked very military.	[...] у него был вид бравого служаки. [8. С. 262]
The concierge was just behind him.	За ним по пятам шел портье. [8. С. 262]
There was a safe suburban feeling.	Все здесь отдавало провинциальной тишиной и спокойствием. [8. С. 263]

Rait-Kovaleva began enlivening her translations of American texts, first cautiously in her 1955 translation of *The Catcher in the Rye*, and then rather more aggressively in her translation of *Breakfast of Champions* (1975) [15] twenty years later, where “ozhivliazh” comes through as her distinct modus operandi. Although not as fundamental as Nemtsov’s, Rait-Kovaleva’s textual enhancements are all-pervading. Her “enlivenings” are mostly of a lexical nature and consist in creating vaguely unusual word collocations – that is to say, in moderate foreignizing of the Russian

translation – and also, most prominently, in skewing the connotative elements of word senses. Only some of the enhancements can be explained as compensatory means for losses in translation; the majority of the enhancements amount to creating (whether consciously or otherwise) a special kind of language – the language of the American-English speaking cultural “other.” Here are some examples illustrating Rait-Kovaleva’s style of translating. They come from the first 12 pages of *Breakfast of Champions*, and only the last one (p. 12 and p. 17 respectively) can be construed as a way of toning down the English “f-word”:

Kurt Vonnegut. Breakfast of Champions or Goodbye Blue Monday! [14]	Курт Воннегут. Завтрак для чемпионов, или Прощай, черный понедельник. Перевод с английского М. Ковалевой и Р. Райт-Ковалевой [15]
I <u>was over at</u> their house all the time [14. P. 2]	Я вечно <u>торчал</u> у них дома [15. С. 8]
Here was his problem: his brains, where the instructions to his legs originated, <u>were being eaten alive</u> by corkscrews [14. P.3]	Вот в чем состояла трудность: участок мозга, откуда шли приказания к мышцам ног, <u>был сожран</u> спирохетами [15. С. 9]
Those unhappy Earthlings had such <u>swollen</u> thyroid glands that they seemed to have zucchini growing from their <u>throats</u> [14. P. 4]	У этих несчастных землян так <u>расперло</u> щитовидную железу, как будто у них из <u>глоток</u> росла тыква [15. С. 10]
When I get depressed, I take <u>a little pill</u> , and I cheer up again [14. P. 4]	Когда у меня скверное настроение, я глотаю <u>малюсенькую пилюльку</u> и сразу приободряюсь [15. С. 10]
My friend Knox Burger said one time that a certain cumbersome novel “... read as though it <u>had been written</u> by Philboyd Studge” [14. P. 4]	Мой друг, Нокс Бергер, однажды сказал про какую-то закрученную книгу: «... читается так, будто ее <u>сварганил</u> какой-нибудь Снобби Пшют» [15. С. 10-11]
Here was another piece of evil nonsense which children <u>were taught</u> : that the pirates eventually created a government which became a beacon of freedom to human being everywhere else [14. P. 10]	И вот еще какую вредную чушь учителя <u>вбивали в головы</u> ребятам: будто эти пираты основали правительство, которое стало факелом свободы для всех людей на свете [15. С. 16]
The gas blew projectiles out of metal	Газ выталкивал снаряды из

tubes <u>at terrific velocities</u> [14. P. 12]	металлических рубок <u>со страшной силой и чудовищной скоростью</u> [15. С. 17]
They had sold everything that was any good, and there wasn't anything <u>to eat</u> anymore, and still the people went on fucking all the time [14. P. 12]	Жители распродали все, что можно было продать, <u>жрать</u> им было нечего, и все равно люди там беспрестанно спаривались [15. С. 17]

Sergei Dovlatov (note 7) once said that the best contemporary Russian writer was Rita Rait-Kovaleva. And he had a point. In his novel-in-notes *Соло на ундервуде* (*A Solo on an Underwood*) [16], Dovlatov tells the following two anecdotes:

“At one time I was Vera Panova’s secretary. Vera Fedorovna once asked me (note 8):

- Whose Russian is the best, do you think?

I probably should have answered – ‘Yours.’ But I said:

- Rita Kovaleva’s.

- Who *is* this Rita Kovaleva?

- Rait.

- Would she be the one who translated Faulkner?

- Faulkner, Salinger, and Vonnegut.

- So Faulkner sounds in Russian better than [Konstantin] Fedin?

(Note 9.)

- Without a doubt.

Panova paused and said:

- How terrible! [...]

Talking of Vonnegut, there is this story about Gore Vidal. While visiting Moscow, he was reportedly asked by some fans of Vonnegut what he thought of Vonnegut’s work.

- Kurt’s novels are terribly inferior in the original to their translation... – was his response.” (Note 10.)

The language of Rait-Kovaleva’s translations stood out against the background of the wooden, uniform, officially approved literary texts, riddled with ideological jargon and officialese. Both the “Kashkíntsy” and Rait-Kovaleva sneaked into their translations the language of the “ideological other” – the American – whose way of life was secretly idealized as something unattainable for the Soviets but publicly denounced

as opposed to the superior socialist system and its values. Thanks to the translators' enhancements, the language of this American "other" came to have a distinctive, "swashbuckling" ring to it. This "swashbuckling," devil-may-care, "swaggering," slangy style of speech became identified with the Americans' free and democratic way of life as well as with their supposedly much wider life choices. Ironically, Holden Caulfield's style of speech – as beheld by Rait-Kovaleva – echoed in the speech of much older American characters in other translations – not just those by Rait-Kovaleva. For about three generations after the publication of *The Catcher in the Rye*, the way Holden Caulfield spoke served as the standard impression of the way all Americans spoke.

Concluding Remarks

The seemingly new developments on the translation scene in the last quarter-century or so have increasingly involved "sexing up" and vulgarizing translations of popular fiction, including the already translated and already hopped up – granted, in a restrained way – texts widely known since the Soviet period. In the new millennium, Rait-Kovaleva's style in *The Catcher in the Rye* and *Breakfast of Champions*, to say nothing of the symptomatically single existing translation of *The Old Man and the Sea* by E. Golysheva and B. Izakov [17], seems to have come to be regarded by the Generation Y as something tame, bland, ordinary, and generally "uncool," hence the two new, most recent translations by Maksim Nemtsov and Iakov Lotovskii that are transforming the language of the novel into a kind of Russian "millennial-speak." This "noivoiaz," embodied most graphically in the Nemtsov translation, has triggered a fierce intergenerational debate in the Russian blogosphere. In the meantime, undeterred translatorial "ozhivliazh" is marching triumphantly through the Russian media, fueled by the relentless quest to outperform the competition in imitation of the globe-conquering American celebrity culture. At the same time, the trend of conscious, semi-conscious or unconscious enhancements in the translated text embodies the perennial quest by the translators to capture and represent the cross-cultural "other," which is perceived as something distinctly different from their host culture. In many cases, the cross-cultural American identities created by the wholesale application of "ozhivliazh" in Russian translations of American prose fiction are reminiscent of the grotesquely exaggerated human features in the old-fashioned fun-house distorting mirrors. The translators seem to be straining to represent something that does not, in fact, exist to

the same emotive extent in the American mass prose fiction and culture in general. The original Hemingway, Salinger, and Vonnegut texts are often quite mundane and do not excite the sensibilities of the American readers to the same extent that some Russian translators would like us to believe.

In a curious way, what I call “swashbuckling,” or “the swagger syndrome,” that afflicts many Russian translators of American fiction, is aptly and poignantly echoed in the final scene of Valerii Todorovskii’s movie *Stiliagi* (*Totalitarian Rock* in English translation) (2009) when one of the main characters, Fred – fresh from a diplomatic tour of duty in the USA – says to his friend Mel, “I’ve got bad news for you, Mel. There are no “stiliagi” (hipsters) over there.” Mel refuses to believe this. After all, all of their preceding life has been devoted to imitating the imaginary American “chuvaki,” or “dudes.” The bond of friendship is broken there and then, and Mel walks away into the dreary Soviet cityscape. As for translation, the perennial quest for authenticity continues, and the results of my monitoring the Russian translation scene over the last 10 years or so need to be supplemented by further, more far-reaching research.

Notes

1. The novel *The Catcher in the Rye* [3] came out in the USA in 1951 and was first translated into Russian by Rita Rait-Kovaleva and published in the Soviet Union in 1955.

2. Ivan Aleksandrovich Kashkin (1899-1963) was a renowned Soviet translator, literary critic, poet, and theorist of literary translation who actively promoted literary translation as a high art.

3. Aesop (620?-560? B. C.) was a Greek writer of popular fables considered to be the creator of the genre. In Soviet times and today “Aesopian language,” or “the language of Aesop” (*эзопов язык* or *язык Эзона* in Russian) was and is any kind of narrative that has a concealed, hinted-at meaning or subtext critical of some aspect of life that it is dangerous or inadvisable to express openly for fear of persecution or victimization. “Aesopian language” relies on the long-standing ability and readiness of Russians to read any text between the lines.

4. See, for example, the retranslations of Russian classics into English by Pevear and Larissa Volokhonsky, and Pevear’s comments on the reasons for their work. Richard Pevear’s comments on the nature of their collaborative translations can be found in various introductions to their translations and

separate publications (for example, *War and Peace* [9], and *Chekhov the Immigrant* [10]).

5. For amusing, entertaining, and legitimate demands that readers may place on a translation, especially of a classical literary work, see Julian Barnes's article *Writer's Writer and Writer's Writer's Writer* [11]. This is a rare instance of such a discussion on the pages of a highly prestigious and authoritative English-language journal.

6. John Dryden (1631–1700) was an influential English poet, literary critic, translator, and playwright who famously said, referring to his translations of Virgil, "I have endeavoured to make Virgil speak such English as he would himself have spoken, if he had been born in England, and in this present age" [12. P. 270].

7. Sergei Dovlatov (1941-1990) was a Russian writer who lived and wrote in New York from 1979, when he emigrated there, to 1990, when he died.

8. Panova, Vera Fedorovna (1905-1973) was a Soviet Russian writer. For several years, Sergei Dovlatov was her private secretary.

9. Fedin, Konstantin Aleksandrovich (1892-1977) was a Soviet Russian novelist and literary functionary.

10. For the Russian text of the excerpt see <http://lib.ru/DOWLATOW/dowlatow.txt>

References

1. Бурак А.Л. Translating Culture – 1. Words. Перевод и межкультурная коммуникация – 1. Слова. Москва: Р.Валент, 2010. 216 с.

2. Бурак А.Л. Translating Culture: Перевод и межкультурная коммуникация. Этап 2: Семантика предложения и абзаца. Москва: Р.Валент, 2006. 196 с.

3. Salinger J.D. *The Catcher in the Rye*. New York, Boston, London: Little, Brown and Company, 1991 (© 1951). 214 p.

4. Сэлинджер Дж. Д. Собрание сочинений. Перевод с английского Максима Немцова. Москва: Эксмо, 2008. 704 с.

5. Сэлинджер Джером Дэвид. Над пропастью во ржи. Перевод с английского Якова Лотовского // Журнал «Семь искусств», № 2 (3), февраль 2010 года. Электронный ресурс Интернет: <http://7iskusstv.com/2010/Nomer3/Lotovsky1.php>

6. Калашникова Елена. По-русски с любовью. Беседы с переводчиками. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 608 с.

7. Убин И.И. Немелкие «мелочи» в жизни переводчика // Мосты. Журнал переводчиков. Москва: Р.Валент, № 3 (2004). С. 42-47.

8. Галь Нора. Слово живое и мертвое. Москва: София, 2003. 608 с.
9. Tolstoy Leo. War and Peace. A New Translation by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York: Alfred A. Knopf, 2007, pp. xiv-xvi. 1273 p.
10. Finke Michael C. and de Sherbinin Julie (editors). Chekhov the Immigrant: Translating a Cultural Icon. Bloomington, Indiana: Slavica, 2007, pp. 29-66. 352 p.
11. Barnes Julian. Writer's Writer and Writer's Writer's Writer // London Review of Books. Vol. 32, Number 22, 18 November 2010. P. 7-11.
12. Steiner George. After Babel. Aspects of language and translation. Third edition. Oxford and New York: Oxford University Press, 1998. 538 p.
13. Чуковский Корней. Высокое искусство. Собрание сочинений в шести томах. Том третий. Москва: Художественная литература, 1966. 839 с.
14. Vonnegut Kurt. Breakfast of Champions or Goodbye Blue Monday! New York: The Dial Press, 2006 (© 1973). 305 p.
15. Воннегут Курт. Завтрак для чемпионов, или Прощай, черный понедельник. Перевод с английского Р. Райт-Ковалевой. Москва: АСТ, 2010. 255 с.
16. Довлатов Сергей. Соло на ундервуде // Электронный ресурс Интернет: www.lib.ru/DOWLATOW/dowlatow.txt
17. Хемингуэй Эрнест. Старик и море. Повесть. Перевод с английского Е. Гольшевой и Б. Изакова // Иностранная литература. 1955. №3. С. 95-136.

Сведения об авторе

Alexander Burak
(Бурак Александр Львович)
Department of Languages, Literatures and Cultures
University of Florida
301 Pugh Hall, P.O. Box 115565
Gainesville, FL 32611, USA
E-mail: alburak@ufl.edu

УДК 81'25:378.147

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА УСТНОГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА В РЕАЛЬНОЙ И УЧЕБНОЙ СИТУАЦИИ

Е.В. Аликина

Пермский государственный технический университет, Пермь

Рассматривается проблема оценки качества устного перевода на основе анализа переводческих ошибок. Описываются основные типы и причины ошибок, а также предлагается примеры упражнений по их устранению.

Ключевые слова: устный последовательный перевод, качество перевода, оценка качества, переводческие ошибки, обучение переводу.

Quality Assessment in Consecutive Interpreting in Real Life and Training Situations

Elena Alikina

The quality of consecutive interpreting is analysed on the basis of errors in interpretation. The author describes main types and causes of such errors and proposes a number of remedial exercises.

Key words: consecutive interpreting, quality of interpretation, quality assessment, errors in interpretation, interpreter training.

Одним из требований к уровню профессиональной компетенции переводчика является умение объективного анализа переводческой деятельности с целью повышения ее качества. В связи с этим в ходе обучения будущий переводчик должен получить представления о критериях качества перевода, позволяющих ему оценивать собственную работу и работу своих коллег.

Категория качества относится к основным понятиям современного переводоведения [1]. При этом проблема оценки качества перевода имеет как прагматическое, так и дидактическое значение. С одной стороны, потребитель переводческих услуг ожидает удовлетворения своих требований по приемлемой цене, т.е. качества, оценка которого должна осуществляться по определенным стандартам [2]. С другой стороны, перевод, как в реальной, так и в учебной ситуации – это процесс, в ходе которого происходит постижение профессиональной компетентности переводчика. Качество данного процесса позволяет определить уровень сформированности компетентности и наметить пути ее совершенствования.

В рамках данной статьи мы рассмотрим проблему оценки качества по отношению к одному из видов перевода – устному последовательному переводу (УПП), под которым понимаем аудитивный, прямой, односторонний, контактный, не требующий оборудования перевод, используемый в ситуациях конференц- и медиаперевода, предполагающий ведение записи в процессе восприятия исходного сообщения и порождение перевода на основе данных записей после окончания большого фрагмента речи.

Первые попытки аналитического моделирования проблемы оценки качества устного перевода были предприняты Х. Бюлер в 1986 г. [3]. Исследователь предложила профессиональным переводчикам распределить по степени важности ряд лингвистических и экстралингвистических критериев. Х. Бюлер установила, что главным критерием качественного перевода переводчики считают смысловую точность.

Развивая идеи Х. Бюлер, И. Курц [4] привлекла к опросу не только переводчиков, но и потребителей переводческих услуг. Для ранжирования она предложила такие критерии качественного перевода, как отсутствие акцента, приятный голос, быстрый темп, логическая связность, смысловая точность, законченность фраз, грамматически правильное оформление речи, правильное использование терминологии. Анализ результатов опроса показал, что переводчики и реципиенты по-разному оценивают важность критериев качества: первые признают наиболее значимыми смысловую точность и адекватное использование терминологии, вторые наиболее важными считают законченность и логическую связность высказывания.

Исследования других авторов выявили различия предпочтений в оценке качества внутри ролевой группы «реципиенты». Определяющими факторами оценки стали национальные, возрастные, профессиональные и гендерные принадлежности слушателей. Так, например, американцы более терпимо относятся к ошибкам в переводе, чем французы [5]; женщины считают первостепенным соблюдение грамматических норм и стилистическое оформление речи, мужчины выше оценивают правильный выбор лексики и беглый темп речи [6]; паузы и сорные слова вызывают большее раздражение у женщин, нежели у мужчин [7].

Опытность реципиентов также по-разному сказывается на оценке качества перевода. Б. Мосер-Мерсер отмечает, что более опытные реципиенты считают приоритетным адекватную передачу содержания оригинала и оценивают как менее важную форму изложения [7]. Подтверждением тому являются и результаты, полученные Д. Жилем: слушая переводчика, научно-технические работники в меньшей степени обращают внимание на его голос и интонацию [5]. В исследованиях Л. Мик показано, что специалисты в той или иной области снисходительно относятся к неточностям в терминологии и более требовательны к общему представлению переводчика о проблеме [8].

Резюмируя вышесказанное, можно предложить следующую схему определения качества перевода:

Параметры оценки качества перевода

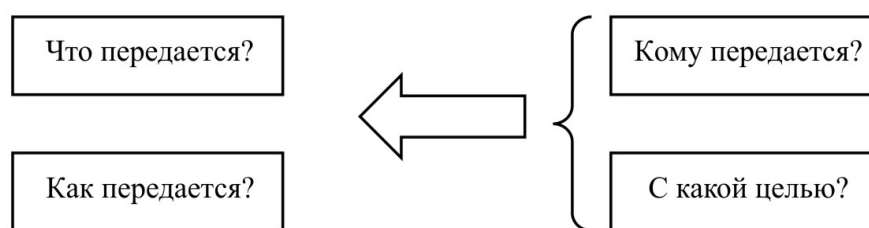


Схема показывает, что такие параметры, как «*что передается*» (насколько перевод соответствует исходному сообщению с точки зрения его полноты и точности) и «*как передается*» (насколько перевод соответствует нормам публичного представления речи) определяются тем, «*кому передается*» (насколько перевод соответствует ценностям той или иной группы реципиентов) и «*с какой целью*» (насколько перевод соответствует намерениям оратора и ожиданиям реципиентов).

В ситуации обучающего перевода оценка со стороны реципиента представляется чрезвычайно важной. Организация оценивания может быть осуществлена методом моделирования, когда преподаватель и/или студенты играют роль потребителя переводческих услуг или приглашают на занятия слушателей, не владеющих языком оригинала.

Однако оценка только со стороны реципиента в обучающем переводе не является достаточной. Это обусловлено тем, что в реальной ситуации реципиент не имеет возможности сравнивать оригинал и перевод. В связи с этим Д. Жиль [9] говорит о

необходимости разделения в обучении оценки, ориентированной на продукт, и оценки, ориентированной на процесс перевода. Если оценка продукта соотносится с оценкой со стороны потребителя, то оценка процесса должна осуществляться преподавателями и самими обучающимися. В этом случае речь идет о педагогической оценке перевода, обладающей диагностирующими, корректирующими и обучающими функциями.

Наиболее объективным методом оценивания является так называемый отрицательный метод или метод анализа «отрицательного материала», которым в переводческой деятельности являются ошибки. Под переводческой ошибкой мы понимаем непреднамеренный сбой в реализации переводческой стратегии, нарушающий норму, снижающий качество перевода и мешающий достижению его цели. В этом смысле ошибка, по мнению М. Дебрэнн [10], сопоставима с понятием девиации.

Работа с ошибками в учебном процессе требует построения системы «педагогического анализа ошибок» [11] или «педагогике ошибок» [10]. Данная система могла бы рассматриваться как ключевой момент дидактики перевода и включать следующие этапы:

- вычленение и идентификацию ошибки;
- установление ее причины;
- поиск путей предотвращения.

Первый этап педагогического анализа ошибок – идентификация – осуществляется за счет определения типа допущенной ошибки. В литературе описаны различные классификации типов переводческих ошибок. Вслед за многими авторами (Н.К. Гарбовский, М. Дебрэнн, Л. К. Латышев, П.Г. Чеботарев, Н.С. Varik, D. Gile и др.) разделим переводческие ошибки на ошибки понимания и ошибки выражения. Однако, учитывая специфику УПП как публичного вида деятельности, целесообразно выделить третий тип – ошибки поведения. Рассмотрим подробнее каждый из обозначенных типов.

Ошибки понимания

Одна из главных задач переводчика состоит в передаче существенных в функционально-коммуникативном плане инвариантных элементов исходного содержания [12]. Опушения или искажения данных элементов классифицируются как ошибка. При этом искажения могут касаться как отдельных фактов, так и логики исходного сообщения. Случается, что в ситуации непонимания

переводчик добавляет информацию, которая в исходном сообщении не присутствовала.

Интерактивный характер общения оратора и переводчика позволяет последнему прибегнуть к переспросу, что является наиболее явным проявлением непонимания. Преподаватель расценивает данный переспрос с трех позиций: с позиции слушателя он фиксирует факт переспроса, с позиции оратора – точность постановки вопроса при переспросе, с позиции «билингва» – адекватность информации текста перевода исходному сообщению.

Ошибки понимания могут быть вызваны недостаточными знаниями исходного языка, недостаточными экстралингвистическими знаниями, неэффективной или недостаточной подготовкой к переводу, неправильным выделением смысловой гипотезы, проблемами с оперативной памятью и ведением переводческой записи, неправильным распределением внимания на стадиях восприятия, анализа исходного сообщения и ведения переводческой записи.

Ошибки выражения

Вторая, не менее важная задача переводчика, - порождение вторичного текста с соблюдением языковых и речевых норм языка перевода. Правильность либо ошибочность данного выражения могут быть оценены непосредственными потребителями переводческих услуг – слушателями. Учитывая данную позицию, мы выделяем следующие ошибки:

1. Лексико-грамматические ошибки – достаточно грубые отклонения, замечаемые как таковые слушателями: чрезмерные лексические несоответствия, некорректное использование терминов, опущение слов или словосочетаний, ошибки согласования и спряжения.

2. Стилистические ошибки – употребление аргоизмов, смешение жанров и стилей, громоздкие фразы, пропуски слов и т.п.

3. Сорные слова и фонологические отклонения – фонетические изменения в принятом произношении слов: добавление или опущение звука, замена букв или звуков.

4. Самоисправления и повторы – последовательное произнесение вариантов перевода одного и того же отрезка оригинала с целью улучшения текста перевода.

5. Незаконченные фразы – синтаксически или интонационно незавершенные высказывания.

Причинами ошибок выражения могут стать недостаточные знания языка перевода, неэффективная или недостаточная подготовка к переводу, неправильное распределение внимания на стадиях прочтения переводческой записи и формулирования сообщения на языке перевода.

Ошибки поведения

Ошибки поведения могут быть установлены исходя из норм, определяющих профессиональное поведение устного переводчика. Данные нормы касаются, прежде всего, вокальных характеристик голоса и кинесического компонента невербального поведения. Таким образом, к ошибкам поведения мы относим слишком тихий / громкий голос, медленный темп, паузы, отсутствие обращенности, несоответствующую позу и чрезмерное использование жестов.

К ошибкам поведения могут привести неумение справляться со стрессовой ситуацией, неумение сконцентрироваться на процессе перевода, отсутствие опыта публичных выступлений.

Важным моментом в системе оценки качества перевода нам представляется способ фиксации ошибок. Специфика устного перевода не предоставляет возможности сделать паузу и вернуться к фрагменту, в котором была допущена ошибка. Наиболее удобным, на наш взгляд, решением данной проблемы является использование переводческой записи. Разрабатываемая нами концепция записи («переводческой семантографии») как аналитико-синтетической системы фиксации и передачи смысла расширяет ее функциональный потенциал по сравнению с традиционным рассмотрением в качестве технического средства последовательного перевода [13]. Одна из сопутствующих функций записи – контролирующая, – позволяет использовать ее текст (семантограмму) как уникальный материальный продукт устной переводческой деятельности для анализа и коррекции переводческих ошибок. С одной стороны, преподаватель получает возможность ретроспективно изучать осуществленную студентом в ходе перевода запись и сделать выводы о месте и причине ошибки, а с другой, – ведя собственную запись в момент ответа студента, отмечать в ней те фрагменты, в которых данные ошибки были допущены. Степень активности работы студентов на занятии значительно возрастет, если

они будут выполнять те же действия, выступая в роли слушателей и экспертов перевода.

Работа по исправлению и предотвращению ошибок в учебной ситуации, как известно, осуществляется с помощью специально подобранных упражнений. Солидаризируясь с мнением Д. Жиля [11], мы считаем, что упражнения должны быть направлены на устранение причин сбоя при изоляции соответствующего типа ошибки. Рассмотрим варианты коррекционных упражнений, подобранных на основе анализа методической литературы (И.С. Алексеева, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, D. Gile, S. Lambert и др.), а также выработанных собственной педагогической практикой.

Недостаточные лингвистические знания (исходного языка и языка перевода)

– Подбор множества перефразирующих вариантов каждой фразы исходного текста, предъявляемого зрительно или на слух.

– Детализированное описание изображения (картины, схемы, таблицы).

– Анализ образцов публичных выступлений, вычленение типовых речевых формул и последующее их включение в порождаемый текст на заданную тему.

Недостаточные экстралингвистические знания

– Заполнение пропусков в тексте (пропущена информация, требующая применения фоновых, кросс-культурных знаний о предмете, событии, деятеле и т.п.).

– УПП или комментарий текста, содержащего культурные реалии, поговорки, цитаты, клише.

Неэффективная подготовка к переводу

– Составление по заданному количеству или списку источников карты проблемы (Mind Map) текста выступления или перевода.

– УПП текста, насыщенного терминологией, но не представляющего трудности с точки зрения грамматики и синтаксиса. Тематика сообщается заранее.

Неправильное распределение внимания

– Монологическое не/подготовленное выступление на заданную тему, в ходе которого по знаку преподавателя происходит смена языка.

– Повторный перевод одного и того же текста, не представляющего сложность в терминологическом или синтаксическом планах.

– Переводческая запись текста при одновременном прочтении его вслух.

Неправильное выделение смысловых гипотез

– Пересказ текста, насыщенного фактами или идеями, но не содержащего терминологических трудностей (выполняется без записи).

– Выдвижение гипотез о содержании текста до его прослушивания по заголовку или ключевым терминам. Комментарии (не)совпавших гипотез.

– УПП текста, содержащего логические сдвиги, противоречия, пропуски информации, вымышленные факты и т.п. От переводчика ожидается вопрос-уточнение или произвольное исправление.

Сорная лексика, паузы, недостаточный темп

– Лимитированное по времени монологическое выступление на заданную тему, в ходе которого студент должен высказать заданное количество идей.

– УПП аудио- видеозаписи во время лимитированных пауз между фрагментами.

– Аудиозапись устного сообщения или перевода с последующей расшифровкой в письменном виде, обозначением всех пустот многоточием и прочтением текста вслух без пауз.

Недостаточный объем оперативной памяти

– Упражнения по мнемотехнике (ассоциативное запоминание и воспроизведение прецизионной информации: ряды чисел, топонимов, имен). Количество информационных единиц постепенно увеличивается.

– Пересказ или устный перевод (без записи) содержания сообщения информационного типа, во время представления которого студентам дается установка мысленно представлять то, о чем идет речь.

– Пересказ или устный перевод (без записи) содержания сообщения информационного типа, во время представления которого студенты должны подсчитывать количество ключевых идей.

Проблемы с ведением переводческой записи

– Прослушивание текста по блокам. Выявление информационных единиц, подлежащих записи, и связи между ними. Восстановление текста на исходном языке и языке перевода по записи.

– Воссоздание исходного сообщения без его прочтения или прослушивания по предложенному образцу записи.

Неумение справляться со стрессовой ситуацией

– Видеозапись устного выступления или последовательного перевода и ее просмотр без звука с последующим комментарием.

– Устное выступление или последовательный перевод в аудитории с приглашенными слушателями.

– УПП выступлений приглашенных ораторов.

– Моделирование «конфликтных» ситуаций в процессе УПП (перебивания, поправки со стороны выступающего, уточняющие вопросы или исправления со стороны слушателей и т.п.).

В заключение отметим, что оценка качества на основе эрратологического материала играет в обучении переводу концептуальную роль, поскольку именно в ходе коллективного и одновременно интроспективного анализа ошибок происходит постижение профессионального переводческого мастерства. При этом преподаватель перевода должен выступать гарантом конструктивности, доброжелательности, объективности данного процесса, что требует обращения не только к переводческим ошибкам, но и переводческим находкам и удачам.

Библиографический список

1. Шевнин А.Б. Категория качества перевода и эрратология // РЕМА: проблемы перевода и межкультурной коммуникации: научно-методический вестник. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2006. № 2. С. 60–63.

2. Pöschker F. Quality assessment in conference and community interpreting // Meta. 2001. № 46 (2). P. 410–425.

3. Bühler H. Linguistic (semantic) and extra-linguistic (pragmatic) criteria for the evaluation of conference interpretation and interpreters // Multilingua. 1986. № 5 (4). P. 231–235.

4. Kurtz I. Conference interpreting: quality in the ears of the user // Meta. 2001. № 46 (2). P. 394–409.

5. Gile D. L'évaluation de la qualité de l'interprétation par les délégués: une étude de cas // The Interpreters' Newsletter. 1990. № 3. P. 66–71.

6. Ng B.C. End users' subjective reaction to the performance of student interpreters // *The Interpreters' Newsletter*. 1992. Special issue 1. P. 35–41.
7. Moser-Mercer B. Quality in interpreting: some methodological issues // *The Interpreters' Newsletter*. 1996. № 7. P. 43–55.
8. Meak L. Interprétation simultanée et congrès médical: attentes et commentaires // *The Interpreters' Newsletter*. 1990. № 3. P. 8–13.
9. Gile D. Les exercices d'interprétation et la dégradation du français: une étude de cas // *Meta*. 1987. № 32 (4). P. 420–428.
10. Дебрэнн М. Межъязыковая девиатология: ошибки порождения и понимания // *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2007. Т. 5. Вып. 1. С. 12–19.
11. Gile D. Les fautes de traduction: une analyse pédagogique // *Meta*. 1992. № 37 (2). P. 251–262.
12. Латышев Л.К., Семенов А.Л. *Перевод: теория, практика и методика преподавания*. М.: Академия, 2003.
13. Аликина Е.В. *Переводческая семантография. Записи в устно переводе*. М.: АСТ Восток-Запад, 2006.

Сведения об авторе

Аликина Елена Вадимовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурной коммуникации
Пермского государственного технического университета
E-mail: elenaalikina@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.112.2:272

«CHRISTLICHER HUMANISMUS»: THEOLOGISCHE UND LITERARISCHE REAKTIONEN AUF DEN ZWEITEN WELTKRIEG

Natalia A. Bakshi, Dirk Kemper

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

В философской, теологической и литературной антропологии послевоенного периода наряду с констатацией совершенной бездомности человека ведется активный поиск выхода из безнадежности и беспочвенности экзистенциализма с помощью эклектического понятия христианского гуманизма.

Ключевые слова: христианский гуманизм, немецкие католические журналы, новая антропология, послевоенная немецкая литература, Гамлет, Дон Кихот.

«Christian Humanism»: Theological and Literary Reactions in the Post-World War II Period

Natalia A. Bakshi, Dirk Kemper

Philosophical, theological and literary anthropology of the post-WWII period highlights absolute “homelessness” of an individual person, while trying to find a refuge from existential hopelessness and groundlessness in the eclectic concept of Christian humanism.

Key words: Christian humanism, German Catholic journals, new anthropology, postwar German literature, Hamlet, Don Quixote.

In der philosophischen, theologischen und literarischen Anthropologie der unmittelbaren Nachkriegszeit dominiert auf den ersten Blick Feststellung von der gänzlichen ‚Unbehaustheit‘ des Menschen. Gemeint wird damit die sogenannte metaphysische Einsamkeit des Menschen in der Moderne, der Verlust des schützenden Daches seiner Religion und der durch sie gestifteten Weltordnung. Der moderne Mensch bleibt unbehaust, so der damalige Befund, weil er – illusionslos geworden durch das kritische Vernichtungswerk seiner Vernunft seit der Aufklärung und tief deprimiert durch die historische Erfahrung des 20. Jahrhunderts – meint, unter dem alten Dach nicht mehr zu Hause zu sein, nicht mehr leben

zu können. Hans Egon Holthusen [1. S. 14] prägt 1951 den Begriff „Der unbehauste Mensch“ als Titel seiner damals berühmten Essaysammlung, der seinerzeit populärer Dichter Werner Bergengruen spricht über den „Unbehausten“; der Dichter Horst Lange betitelt eine seiner Erzählungen mit *Wo ist unser Haus?* et cetera. Daneben findet sich als Gegenstimme die aktive Suche nach einem Ausweg aus dieser Verzweiflung und Bodenlosigkeit, die in der Existenzphilosophie ihren stärksten und auch modischen Ausdruck fand. Während Theologen wie Hans Urs von Balthasar und Bernt Heiseler ihren Ausweg in der Öffnung des Menschen auf Gott hin finden und das Weltbild des Menschen an der Achse der Hoffnung auf die Barmherzigkeit Gottes orientieren möchte, versuchen Schriftsteller wie Elisabeth Langgässer, Rudolf Alexander Schröder, Gertrud von le Fort und Philosophen wie Otto F. Bolnow, den Menschen ganz neu in Zeit, Raum, Körperlichkeit und Sprache zu entdecken.

1947 erscheint – noch anonym – die deutsche Übersetzung von Jean-Paul Sartres *L'existentialisme est un humanisme* [2], die Quintessenz seines programmatischen Werks *Das Sein und das Nichts (L'être et le néant)* von 1943. Die Hauptidee des Buches konzentriert sich in der Formel: die Existenz geht der Essenz voran, „d.h., dass der Mensch zuerst existiert, sich begegnet, in der Welt auftaucht und sich danach definiert.“ [2. S. 14] Zu Beginn seiner Existenz, beim Eintritt in die Welt sei der Mensch ein leeres Nichts, eine tabula rasa, ein unbeschriebenes Blatt, auf dem kein Gott und keine Schöpfermacht Spuren hinterlassen habe. Nach Sartre ist dem Menschen ursprünglich, d.h. essentiell nichts eigen, was ihn definiere, kein Woher, kein Wozu, kein Wohin, keine Bestimmung im Leben und kein Nahverhältnis zu seinem Schöpfer. Er *ist* nichts, aber er *wird*, er wird alles erst im Leben, in der Existenz. Und weil diese nicht ursprünglich und unveränderlich sei, könne sie auch jederzeit verändert werden. Daraus entspringt bei Sartre die spezifische Freiheit des Menschen, nämlich die Freiheit, sich ständig neu definieren, entwerfen zu können.

Diese für die Kriegs- und Nachkriegszeit typische Idee ist dem christlichen Verständnis, dass nämlich die von Gott bestimmte Essenz der weltlichen Existenz vorgehe, diametral entgegengesetzt. Für Sartre gilt: „Der Mensch ist nichts anderes, als wozu er sich macht.“ [2. S. 14] Für das so zustande kommende Ergebnis aber sei der Mensch absolut allein verantwortlich; verantwortlich zeichnet er aber auch dafür, dass er überhaupt etwas aus sich macht: „Er [der Mensch] existiert nur in dem

Maße, in dem er sich verwirklicht, er ist also nichts anderes als die Gesamtheit seiner Handlungen, nichts anderes als sein Leben.“ [2. S. 16]

Es ist kein Zufall, dass in der deutschen Übersetzung der Titel von Sartres Werk mit einem Fragezeichen versehen wurde und das Thema somit auf das Problem begrenzt wird, ob der klassisch-bürgerliche Humanismus-Begriff die Einbeziehung der existentialistischen Ethik erlaube. Sartre hingegen hatte viel radikaler und polemisch für einen neuen, offenen Humanismus jenseits der klassisch-bürgerlichen Tradition plädiert: „Der Mensch muss sich selbst wiederfinden und sich überzeugen, daß ihn nichts vor ihm selber retten kann, wäre es auch ein gültiger Beweis der Existenz Gottes.“ [2. S. 67]

Der Existentialismus französischer Prägung bildet eines der wichtigsten Kontextsysteme für Literatur, Philosophie und Theologie nach 1945. In den ersten Nachkriegsmonaten war das Hauptthema der intellektuellen deutschen Presse das durch Kriegs- und NS-Verbrechen zutiefst zerstörte Menschbild. Dieses Problem wurde mehrfach im Hauptorgan der deutschen katholischen Intellektuellen, in der Zeitschrift *Hochland*, aufgegriffen. Das *Hochland* wurde Anfang des 20. Jahrhunderts von Karl Muth als Organ der katholischen Intelligenz gegründet, 1941 von den Nazis verboten und 1946 unter der Leitung von Josef Schoning wieder aufgelegt. In den ersten Heften entwickeln die Philosophen Joseph Bernhart und Josef Pieper die Idee der allgemeinen „Entproletarisierung“ der Gesellschaft, die nicht auf die äußeren sozialen Umstände, sondern vor allem auf die Verarmung der Seele abziele. An die Stelle des arbeitenden Menschen soll der Mensch der Muße treten, einer Muße, die ihrerseits auf dem Kultus gründe. Das Schlagwort der „Entproletarisierung“ meint die Herauslösung des Menschen aus dem Joch sozial-funktionaler Definitionen, das ihm auch durch den Nationalsozialismus aufgebürdet worden war. Joseph Bernhart schreibt über „die Auflösung des alten humanen Menschenbildes überhaupt“ [3. S. 97] und die Rückkehr vom animal sociale zum ursprünglichen Menschenbild. Hanns Braun [4], Heinz Flügel [5], Herbert Fritsche [6] stellen übereinstimmend die „verschmähte Würde des Menschen“ und „die Tragödie des kalten Herzens“ fest. Ebenfalls im *Hochland* schreibt der Soziologe und Philosoph Alfred von Martin [7] über die *Krisis des Menschentums*. In dieser thematischen Linie publiziert auch Philipp Dessauer 1947 einen für die Epoche sehr charakteristischen *Dialog über die Verzweiflung* [8], ein Gespräch zwischen einem Theologen und einem ungläubigen Zeitgenossen. Der

Ungläubige behauptet, dass den Menschen, die gezwungen worden waren, alles zu verlassen, woran sie Halt im Leben finden konnten, nunmehr nur eines übrigbleibe, nämlich die „die Existenz erfahrung“. Gerade dank dem Entschluss, seine Existenz in die eigenen Hände zu nehmen, könne der Mensch alles ertragen, darunter auch die Verzweiflung. Die Antwort des Theologen lautet: die Existenz am Rande der Verzweiflung ist kein Leben in Fülle: „Die Schrift sagt, der Mensch ist wie ein Haus. Wohnt nicht Gott in ihm, dann zieht der Dämon ein [...]“ [8. S. 311]. Einzuräumen sei, dass Varianten der Existenzphilosophie, die Gott entweder leugneten oder zum vermeintlich mystischen Namen für das von der Philosophie als ‚Existenz‘ Bezeichnete herabwürdigten, durchaus das träfen, was viele Zeitgenossen empfänden und was ihre Selbstverständnis ausmache. „Man kann allerdings erst“, so der Theologe, „vom Glauben her ganz einsehen, was diese Art atheistischer Existenzphilosophie leistet – sie kann der besonderen Freundschaft der Dämonen sicher sein [...]“ [8. S. 311].

Denselben thematischen Komplex bearbeitet im *Hochland* schließlich auch der Theologe Romano Guardini 1948: „Da ist das liberal-bürgerliche Bild, das den Menschen in eine verwandte Natur stellt, ein harmonisches Verhältnis zu ihr für möglich erklärt und ihm den Auftrag gibt, sie zu immer vollkommenerer Kultur zu gestalten. Da ist das totalitäre Bild, welches die Person leugnet und im Menschen nur ein Element der historisch-politischen Ganzheiten sieht. Da ist das existentialistische Bild, das den Einzelnen mit absoluter Freiheit ins Leere wirft und ihm die Macht zuschreibt, Sinn und Sein zu bestimmen. Diese Bilder sind sehr verschieden, aber in einem gleich: sie lösen den Menschen von Gott los; stellen ihn in seine eigene Macht und geben ihm die Welt in die Hand. Dadurch verliert er die Höhe über sich und ist den innen und außen wirkenden Kausalitäten ausgeliefert.“ [9. S. 121]

Die solcherart vielfach festgestellte Zerstörung des Menschenbildes, des – im theologischen Sinne – ‚Humanen‘ im Menschen, veranlaßt nun katholische Philosophen und Theologen dazu, einen neuen Humanismus mit christlichen Wurzeln zu entwerfen. Dabei wird die 400jährige Geschichte des Begriffs völlig ignoriert, genauso wie die Tatsache, dass der Humanismus als antireligiöse Erscheinung entstand, als Propagierung der Souveränität des Menschen gegenüber dem kirchlichen Dogma. Alfred von Martin wirft 1947 im *Hochland* entsprechend die Frage auf, ob Christentum und Humanismus – ihrem ganzen Wesen nach – überhaupt zusammen kommen können, und antwortet gleich selbst darauf, dass die

beiden berufen seien, Hand in Hand zu gehen, denn der wahre Humanismus sei nur dort möglich, wo im Menschen ein metaphysischer Ursprung sichtbar werde, während das wahre Christentum erst dort möglich sei, wo Gott zum Menschen wurde [10].

In Rahmen dieses ahistorischen, katholischen Humanismus erscheint 1950 die Übersetzung des Buches von Jacques Maritain *Humanisme intégral* (1939) unter dem Titel *Christlicher Humanismus*. Diese Titelformulierung wurde bald zum Signum der gesamten Strömung.

Diesem Programm des Umdefinierens der Geschichte aus christlicher Perspektive und der eklektischen Idee eines christlichen Humanismus entsprechen auch etliche Rezensionen, die im *Hochland* erscheinen. Zwei große Artikel sind 1946 den Schlüsselfiguren des Humanismus, Don Quichotte und Hamlet, gewidmet. Der Aufsatz *Zwiegespräch über den Don Quijote* des Kulturhistorikers, Publizisten und Herausgeber Wilhelm Hausenstein eröffnet ein Heft des *Hochland* [11]. Don Quichotte sei, so Hausenstein, „der katholische Ritter, der Hidalgo der Gegenreformation“ [11. S. 205], leide an der Einseitigkeit, die allen modernen Wesen eigen sei und vollziehe die Restauration in Verbindung mit modernen Prinzipien, d.h. manisch. Seine besten Taten und Gedanken seien auf die Vergangenheit und nicht auf die Zukunft gerichtet: „Seine beste Idee [kann] nicht realisiert werden, weil ihre Zukunft in ihrer Vergangenheit liegt“ [11. S. 206]. Die Schuld von Don Quichotte bestehe darin, dass er trotz all seiner guten Vorsätze den richtigen Zeitpunkt nicht spüre und den richtigen Raum nicht sehe, um seine guten Taten zu erfüllen. Deswegen ver falle er dem Wahnsinn, denn er verstehe nicht, dass das Gute allein nicht reiche, man solle ihm auch in der konkreten Situation eine passende Form verleihen: „Er ist die Güte [...], die pure Humanität“ [11. S. 208]. Mit anderen Worten, wir hätten es bei Don Quichotte mit einem christlichen Humanisten zu tun. Die Schlussfolgerung Hausensteins lautet, es sei nötig, ein vernünftiger Don Quichotte zu sein! „Die geheime Formel des Romans: es muß einer wohl erst verrückt geworden sein, um in der Welt so rein zu bleiben, so um das Gute eifernd durch sie hindurchzugehen wie der Don [...]. Der ‚Unsinn‘ des Don Quichotte ist der Zeigerstand, an dem nicht bloß sein Fehler, der des Ritters, sondern auch [...] die Infamie der Zeit, der Welt gemessen wird [...]. Indessen – damit wir uns nicht vom Ziel entfernen: alle Schmäählichkeit der Welt würde nichts daran ändern, daß wir uns mit leidenschaftlichen Kräften bemühen müssen, vernünftige Don Quijotes zu werden.“ [11. S. 215] Unerwartet endet der Artikel mit

der Erwähnung von Thornton Wilders Stück *Dem Himmel bin ich auserkoren* (1934), dessen Hauptfigur, so Hausenstein, ein Nachfolger von Don Quichotte sei. Rhetorisch stößt Hausenstein den Seufzer aus: ist es nicht eine Schande für Europa, dass das Erbe von Don Quichotte in Amerika aufbewahrt wird? Diese unerwartete Erwähnung Thornton Wilders stellt offenbar eine Verbeugung in Richtung der Amerikaner dar, die das in ihrer Zone Erscheinende *Hochland* lizenziert hatten und mit denen der Autor gute Verhältnisse pflegte. Davon zeugt auch die Tatsache, dass Josef Schoning nach dem Tod von Karl Muth auf Empfehlung Hausensteins von den Amerikanern zum Hauptleiter der Zeitschrift bestimmt wurde.

Ein großer Artikel ist Hamlet als der zweiten Schlüsselfigur des Humanismus gewidmet [12]. Der Schriftsteller, Dramatiker, Übersetzer und Schuldirektor Otto Knapp baut seinen Artikel als eine Reaktion auf die Interpretation von *Hamlet* in Goethes *Wilhelm Meister* auf, das heißt, wir haben es hier mit einem Beispiel für eine doppelte oder indirekt vermittelte Interpretation zu tun. Goethes Wilhelm behauptete, so der Autor, dass Hamlet zu empfindlich sei, gleichwohl auch vornehm und ehrlich; er habe keine heroische Stärke in sich und sein Los sei zu schwer für ihn. Er bewältige es nicht und gehe unter dieser Last zugrunde. Goethe versuche, aus Hamlet einen Werther zu kreieren, was im Grunde falsch sei, genauso wie der Versuch, aus ihm einen Faust entstehen zu lassen. Die Argumentationsfigur des Artikels liegt darin, die Hamlet-Figur im Sinne des christlichen Humanismus umzudeuten: Hamlet gilt als Beispiel für den gewünschten Held der eigenen Zeit, und zwar herausgelöst aus seinen genauen historischen Bezügen. Shakespeare wie Servantes sind Schriftsteller des Renaissance, des Humanismus; von daher erscheint die Wahl vom Hamlet und Don Quichotte nicht zufällig. Zwar wird auch hier ein „ad fontes“, ein „Zurück zu den Quellen“, gefordert, aber eben in dem Sinne, dass der säkulare Humanismus nunmehr in christlichen Kategorien neu zu interpretieren sei, um die „Fehler“ des historischen Humanismus zu vermeiden, Fehlentwicklungen aufzeigen zu können und damit der Geschichte, darunter auch der Literaturgeschichte, in eine neue, „richtige“ Richtung und Logik zu verleihen.

Das Programm des christlichen Humanismus sucht den literarisch-ästhetischen wie den kulturhistorischen Kanon umzuformen. Daraus resultiert einerseits eine Überbewertung der Klassik, in der Hamlet und Don Quichotte zu idealen Mustern christlicher Humanisten werden,

andererseits aber auch eine Umwertung des historischen Prozesses, in dem vom 2. Jahrhundert bis zur Gegenwart die säkulare Kultur von Vormoderne und Moderne völlig nivelliert wird. Im Gegensatz zum österreichischen neuen ästhetischen Kanon erschließt der deutsche „christliche Humanismus“ eine historische Langzeitperspektive.

Gerade an diesem Punkt läßt sich zeigen, wie kurzlebig das Nachkriegskonzept des ‚christlichen Humanismus‘ war und dass es Ende der fünfziger Jahre bereits begriffsgeschichtlich entscheidend verändert wurde. Zeugnis davon gibt der gleichnamigen Artikel in der zweiten Auflage der katholischen Enzyklopädie *Lexikon für Theologie und Kirche* von 1960: „Von einem ch. H. kann insofern mit Recht gesprochen werden, als das Christentum [...] als Predigt und verhüllte Anwesenheit der Basilea eine echte Leibhaftigkeit u. Geschichtlichkeit hat. Das besagt in diesem Zusammenhang: a) Das Christentum tritt in einer bestimmten Weltphase u. Kulturstufe ins Leben; die von Gott gegebene Begegnung mit der Umwelt ist als Begegnung und als Vergangenheit für immer in das Christentum integriert [...]. b) Von der Basileapredigt ist gleichzeitig der Einzelne als Subjekt angesprochen; darin sind das Recht u. die Pflicht zu einer höchstmöglichen, auch bildungsmäßigen Subjektivität eingeschlossen. [...] Insofern eine solche Bildung als Zu-sich-selbst-Kommen des Subjekts Teilhabe an der Bildung der Gesamtmenschheit ist [...], wird sie immer auch das Gut der griech.-röm. Antike kritisch-selektiv und mehr oder weniger ausdrücklich in sich aufnehmen. [...] Ferner ist der ch. H. aktuell dadurch bedroht, daß das Erbe der Vergangenheit nicht wirklich ‚aufgehoben‘ (aufbewahrt u. zugleich verwandelt), sondern verhängnisvoll hypostasiert wird, so daß an die Stelle einer Vergangenheit u. Gegenwart verschmelzenden Kultur und Erziehung sterile Erstarrung tritt.“ [13]

So verwischten sich in der katholischen Theologie die Grenzen des Begriffs „christlicher Humanismus“, er verlor seinen für die Nachkriegsjahre aktuellen Sinn und erschöpfte sich damit selbst.

Aus größerer Distanz historisiert der entsprechende Beitrag der protestantischen Enzyklopädie *Religion in Geschichte und Gegenwart* in der Ausgabe von 2000 das Phänomen und sucht seine politische Funktionalität in der Nachkriegszeit aufzuzeigen: „An die Stelle des politischen H. trat in der zweiten Nachkriegszeit ein H., der nach der Barbarei des Nationalsozialismus auf die Humanität des griech. Gottes Apollo und der Weimarer Klassik setzte und mit ihr die Gegenwart humanisieren wollte (Wolfgang Schadewaldt). Dieser H. war dezidiert

unpolit[isch]. Da man glaubte, daß alle echte Erziehung da aufhörte, wo die Politisierung aller Lebenszüge anfangte, setzte man auf die Humanität als etwas ‚Allg.-Menschliches‘. Damit hoffte man, sich nicht nur von den Gespenstern der Vergangenheit zu befreien, sondern auch die Ansprüche der Amerikaner abzuwehren, die im Zuge ihrer Re-education-Politik mit dem Programm der Demokratisierung ein – humanismusfeindliches – Gesamtschulsystem etablieren wollten. In dieser Entpolitisierung der Bildung traf sich der H. mit den Wünschen des größten Teils der dt. Gesellschaft. [...] Indem in humanistischen Diskursen nicht mehr so sehr die Autonomie des Menschen als vielmehr seine Theonomie thematisiert wurde, gab es zaghafte Verbindungen zu den christl. Theologien. Man entdeckte auf einmal eine innere Verwandtschaft zw. Beiden, so daß für kurze Zeit so etwas wie ein christl. H. entstehen konnte.“ [14]

Der angesprochene Zusammenhang von christlichem Humanismus und Erziehungssystem der Nachkriegszeit war in der Tat gegeben; der christliche Humanismus konnte einen neuen Grundpfeiler des humanistischen Gymnasiums bilden, indem Grundkategorien des alten Humboldtschen Konzepts nunmehr christliche unterlegt wurden. Die Umstellung vom alten Humanismuskonzept des deutschen Bildungssystems auf den christlichen Humanismus schien eine geeignete Waffe zur Verteidigung des humanistischen Gymnasiums vor allem gegen die Reformbestrebungen der amerikanischen Besatzungsmacht zu sein. Auch der christliche Humanismus ließ sich so verstehen, dass er beim antiken Ideal des Menschen ansetzte und Vorbilder der klassischen Ausbildung dieses Ideals in der Moderne fand. Er verfolgte dieselbe Ziele wie die humanistischen Gymnasien mit ihrer berühmten Trias des Wahren, Guten und Schönen, und sein Hauptziel lag in der „Bildung des Menschen zu einer ihm von der Natur objektiv vorgezeichneten Wesensidee“ (Sellmayer) [15. S. 171]. Im Zentrum einer solchen Bildungsidee stand nicht der unmittelbare Nutzen aus theologisch-pragmatischer Perspektive, sondern die Freiheit und Würde des Menschen.

In dieser Perspektive wird nachvollziehbar, wie nach 1945 Humanismus und Renaissance, die doch beide als bildungstheoretische Leitbegriffe durch den Nationalsozialismus – zumindest als völlig unwirksam – desavouiert schienen, wieder aufgewertet wurden. Humanismus war seit den preußischen Bildungsreformen zu Beginn des 19. Jahrhunderts Ausweis der Differenzqualität des Gymnasiums gegenüber den neu gegründeten Realschulen. Seit der Schulreform

Wilhelm von Humboldts avancierte das humanistische Gymnasium zum Symbol des klassischen deutschen Ausbildungssystems. Bis in die zwanziger Jahre des 20. Jahrhunderts charakterisierte das Programmwort ‚Humanismus‘ bürgerliche Erziehungspositionen. Dann entwickelte sich die Idee des „dritten Humanismus“, die mit dem Dritten Reich und dem Nationalsozialismus verbunden war. Deswegen galt der scheinbar apolitische, kulturphilosophische „christliche Humanismus“ einerseits als tendenziell anti-nationalsozialistisch und als Antwort auf den atheistischen, antichristlichen dritten Humanismus des Faschismus, andererseits erschien er als geeignete Abwehrstrategie gegen die amerikanischen Reeducation-Politik, die die humanistische Ausbildung als Quelle des Bösen – oder zumindest als völlig ungeeigneten Schutz dagegen – in Deutschland bekämpfte.

In der Forschung erscheint das Bild des christlichen Humanismus der frühen Nachkriegsjahre zwiespältig. Man sieht, dass es eigentlich keinen neuen Inhalt für den Humanismus-Begriff gab, sondern eher ein neuer Geist herrschte, und man erkennt den Versuch von katholischer Seite, mit Hilfe dieses Begriffs aus dem theologischen Getto herauszukommen und eine Rolle bei der Entwicklung neuer Idealen und Orientieren zu spielen. Und dennoch wurde der christliche Humanismus, der in der Nachkriegszeit einen kurzen Aufschwung erlebte, vielen verdächtig; so bewertet Doris von der Brelie-Lewien diese Tendenz [15. S. 173]. Max Bense spricht von einer eigenartigen Erscheinung „theologischer Emigration“ [16. S. 3] in die Literatur, die sich sehr schnell erschöpfte.

Um das Phänomen des christlichen Humanismus genauer zu fassen, ist es fruchtbar, ihn in den Kontext der Philosophiegeschichte der Zeit zu stellen. 1949 konstatiert der Philosoph Otto F. Bollnow [17] ein neues Interesse an der Anthropologie und beschreibt Versuche, eine neue philosophische Grundlage im Kampf gegen den Existentialismus zu definieren. Dabei hebt Bollnow vier Problemkreise hervor:

1. Zeitlicher Aspekt: „Gegenüber der Angst, in der das Lebensgefühl des Existentialismus zum Ausdruck kam, allgemeiner: das des ganzen Zeitalters, das im Existentialismus kulminierte, ist es die Hoffnung, die ein neues, vertrauendes Verhältnis zur Zukunft begründet. Das ist der zeitliche Aspekt. Der Mensch ist das hoffende Wesen. Die Hoffnung grenzt sich ebensowohl von der naiven Sicherheit des gedankenlosen Dahinlebens wie von der Verzweiflung des die Welt einseitig verzerrenden Existentialismus ab.“ [17. S. 948]

2. „Gegenüber der Verlorenheit des in einer bedrohlichen Welt heimatlos gewordenen Menschen [bietet der ch. H.] die Möglichkeit eines friedlichen Wohnens in einem umhegten Bezirk. Das ist der räumliche Aspekt. [...] erst in unser Zeit, die durch das volle Schicksal des ‚unbehausten Menschen‘ hindurchgegangen ist, [ist] die große Bedeutung des Wohnens sichtbar geworden.“

3. Körperlicher Aspekt: „Gegenüber der weltlos gewordenen Existenz und allgemeiner dem abstrakten Subjekt ging es um ein neues Verhältnis zum Leib als dem natürlichen Vermittler mit der Welt.“ [17. S. 949]

4. Aspekt der Sprache: „Gegenüber dem abstrakten Herrschaftsdenken des Verstandes [betont der ch. H.] die Funktion der Sprache und konkreter die des gemeinsamen Gespräches zur Überwindung der immer bedrohlicher gewordenen Konflikte.“ [17. S. 949]

1949 auf dem Philosophenkongress in Bremen bringt Bollnow die These, dass die Sprachphilosophie bald zur zentralen philosophischen Disziplin aufsteige, wie es früher die Erkenntnistheorie gewesen sei. „Der Mensch wohnt im Haus der Sprache“ [17. S. 949] (analog zu Heideggers „Sprache ist das Haus des Seins“).

Aber wenn man ‚christlichen Humanismus‘ als Thematisierung von Raum, Zeit, Körperlichkeit und Sprache in anthropologischer Perspektive definiert, könnte man praktisch alle „christlichen Schriftsteller“ der Nachkriegszeit dazuzählen, denn auf diese oder jene Weise beschreiben sie alle den Menschen in diesen Kategorien: Einen neuen Raum sucht für ihre Figuren Elisabeth Langgässer in *Märkische Argonautenfahrt*, wo sich sieben Personen in der Suche nach einem Anastasiendorf auf den Weg machen, um einen Ort zu finden, wo alle ihre Leiden ein Ende finden sollten. Einen inneren Raum der Liebe und Versöhnung finden die Figuren von Gertrud von le Fort im *Kranz der Engel*. Eine neue Sprache und entsprechend eine neue Berufung des Dichters suchen Elisabeth Langgässer, Werner Bergengruen und der Österreicher Ignaz Zangerle. Als christlicher Humanist könnte auch Heinrich Böll mit seinen antikirchlich-humanistischen Ideen der neuen Menschlichkeit und neuer Körperlichkeit gelten.

Literaturwissenschaftler der Nachkriegszeit wie Hans Egon Holthusen oder Wilhelm Grenzmann verstehen unter dem ‚christlichen Humanismus‘ in der Literatur die einfache Verbindung christlicher Motive mit antiken und heidnischen. Holthusen schreibt über Elisabeth

Langgässers Gedichtband *Geist in den Sinnen behaust*: „Hier scheint das Lehmannsche Heidentum mit einer inbrünstigen Katholizität paradoxerweise zusammengefallen zu sein.“ [1. S. 257] Grenzmann nennt Rudolf Alexander Schröder einen christlichen Humanisten [18], der in seinem Werk christliche und humanistische, d.h. antike Ideen vereine: „Er ist eine von den wenigen ausgezeichneten Gestalten unserer Gegenwart, denen es gelungen ist, die Verwandlung des Erbes der Antike durch den Geist des Christentums einer meist widerwillig hinnehmenden Welt überzeugend zu machen und dabei folgerichtig zu betonen, daß das Jenseits zum Diesseits nicht so sehr im Zeichen des Widerspruchs steht, sondern als dessen Überhöhung begriffen sein will.“ [18. S. 302] Eines der wichtigsten Verdienste Schröders bestehe darin, dass er Vergil, Horaz, Cicero und Homer übersetzte. „Als christlicher Humanist ist Schröder heute eine der wesentlichen Gestalten des deutschen Volkes.“ [18. S. 303] „Das Bild der Antike gewinnt die Züge zurück, die Nietzsche glaubte zerstören zu können. [...] Die Entwicklung des Geistes zeigt sich auf das Christentum hin angelegt und [es sei] festgestellt, daß gerade die Verfeinerung, Durchsiebung, Entmaterialisierung des der Vernunft zugänglichen Weltstoffs, die griechischer Geist bewerkstelligt hat, die fast restlose, fast reibungslose Überführung eines gewaltigen Seelenerbes in den Bestand unserer christlichen Bildungswelt ermöglicht hat.“ [18. S. 304]

Die Begriffsverwendung bei Holthusen und Grenzmann belegt auf der Ebene der Literaturkritik beziehungsweise Literaturwissenschaft somit erneut, was hier mit dem Begriff der Diskursverschränkung gemeint ist. Ein Programmbegriff der katholischen Theologie, die ihrerseits in der frühen Nachkriegszeit die Diskursgrenzen zwischen Theologie und Literatur systematisch zu unterlaufen suchte, kann vor diesem Hintergrund problemlos in den Bereich der Literaturkritik übertragen und als spezifisch literarische Beschreibungskategorie verwendet werden.

Bibliographische Angaben

1. Holthusen H. E. Der unbehauste Mensch : Motive und Probleme der modernen Literatur. München: Piper, 1951. 221 S.
2. Sartre J.-P. Ist der Existentialismus ein Humanismus? Zürich: Europa-Verlag, 1947. 100 S.

3. Bernhart J. Problematik der Humanitas // Hochland. Monatsschrift für alle Gebiete des Wissens, der Literatur und Kunst. München und Kempten: Verlag Josef Kösel, 1946/1947. S. 97-115.
4. Braun H. Eine verschmähte Würde des Menschen // Hochland. Monatsschrift für alle Gebiete des Wissens, der Literatur und Kunst. München und Kempten: Verlag Josef Kösel, 1946/1947. S. 273.
5. Flügel H. Die Tragödie des kalten Herzens // Hochland. Monatsschrift für alle Gebiete des Wissens, der Literatur und Kunst. München und Kempten: Verlag Josef Kösel, 1946/1947. S. 66.
6. Fritsche H. Die Kluft zwischen Mensch und Tier // Hochland. Monatsschrift für alle Gebiete des Wissens, der Literatur und Kunst. München und Kempten: Verlag Josef Kösel, 1946/1947. S. 514-531.
7. Martin A. v. Zur Krisis des Menschentums // Hochland. Monatsschrift für alle Gebiete des Wissens, der Literatur und Kunst. München und Kempten: Verlag Josef Kösel, 1946/1947. S. 564-569.
8. Dessauer P. Dialog über die Verzweiflung // Hochland. Monatsschrift für alle Gebiete des Wissens, der Literatur und Kunst. München und Kempten: Verlag Josef Kösel, 1947/1948. S. 301-316.
9. Guardini R. Auf der Suche nach dem Frieden // Hochland. Monatsschrift für alle Gebiete des Wissens, der Literatur und Kunst. München und Kempten: Verlag Josef Kösel, 1948/1949. S.121.
10. Martin A. v. Von der Menschlichkeit des Christenmenschen // Hochland. Monatsschrift für alle Gebiete des Wissens, der Literatur und Kunst. München und Kempten: Verlag Josef Kösel, 1947/1948. S. 434-454.
11. Hausenstein W. Zwiegespräch über den Don Quijote // Hochland. Monatsschrift für alle Gebiete des Wissens, der Literatur und Kunst. München und Kempten: Verlag Josef Kösel, 1946/1947. S. 193-215.
12. Knapp O. Hamlet –unser Zeitgenosse // Hochland. Monatsschrift für alle Gebiete des Wissens, der Literatur und Kunst. München und Kempten: Verlag Josef Kösel, 1946/1947. S.532-545.
13. Rahner H. Humanismus, christlicher H // Lexikon für Theologie und Kirche. In 10 Bde. Freiburg: Herder, 1960. Bd. 5. Sp. 528-530, hier 529f.
14. Christlicher Humanismus // Religion in Geschichte und Gegenwart: Handwörterbuch für Theologie und Religionswissenschaft. / hrsg. von Hans Dieter Betz. In 8 Bde. Tübingen: Mohr Siebeck, Bd.3. 2000. S. 1945-1946.
15. Brellie-Lewien D. v. d. Katholische Zeitschriften in den Westzonen 1945-1949. Ein Beitrag zur politischen Kultur der Nachkriegszeit. Göttingen, Zürich: Muster-Schmidt, 1986. 270 S.
16. Bense M. Ptolemäer und Mauretanier oder die theologische Emigration der deutschen Literatur. Köln/Berlin: Kiepenheuer, 1950. 64 S.

17. Bollnow O.F. Das Verständnis des Menschen in der deutschen Philosophie seit 1945 // Universitas 27, 1972. S. 947-958.

18. Grenzmann W. Rudolf Alexander Schröder. Christlicher Humanismus // Grenzmann Wilhelm. Dichtung und Glaube. Bonn: Athenäum-Verlag, 1957. S. 301-309.

Сведения об авторах

Бакши Наталия

кандидат филологических наук,

доцент кафедры германской филологии РГГУ

E-mail: nataliabakshi@mail.ru

Кемпер Дирк

доктор, профессор,

зав. кафедрой германской филологии РГГУ

E-mail: nataliabakshi@mail.ru

УДК 821.133.1:840(091)

ОБРАЩЕНИЕ БЛЕЗА ПАСКАЛЯ К БИБЛИИ

К. Ю. Кашлявик

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье ставится вопрос о возможности влияния традиции толкования Священного Писания на прочтение и понимание библейского канона Блезом Паскалем, на становление концепции о языке и на создание собственной поэтики.

Ключевые слова: Библия, канон, Ветхий Завет, Новый Завет, христианство, риторика, поэтика, перевод, язык, Слово.

Blaise Pascal and the Bible

Kira Kashlyavik

The article looks at the tradition of Biblical hermeneutics and its potential influence on Blaise Pascal's understanding and interpretation of the Biblical canon, with the focus on the development of Pascal's conception of the language and his own poetics.

Key words: Bible, canon, Old Testament, New Testament, Christianity, rhetoric, poetics, translation, language, the Word.

Обращение Блеза Паскаля (1623-1662) к Библии естественно и закономерно. Еврейская Библия («*Biblia Hebraica*») приобрела латинский термин, ставший международным. Слово «Библия», которое в европейских языках является словом «стоящим в единственном числе... на самом деле таит в себе указание на множество: в Библию входит действительно множество книг» [1. С. 358].

Библейский канон, сложенный поколениями книжников и освещенный авторитетом религии, прожил два тысячелетия. Построенный «как маленькая литературная вселенная, включающая самые разные тексты», он стал священной книгой двух религий – «Писанием или Библией иудаизма, называемым Ветхим Заветом, и Новым Заветом, главной книгой христиан». Ветхозаветный канон делится на три больших цикла. Первый – Тора, приписываемый Моисею, пять хроникально законодательных книг. Вторая часть – Пророки – раздел, в который входят древние хроники, а также сочинения, приписываемые Исаии, Иеремии, Иезекиилю, и двенадцати малым пророкам, и третья часть – собрание текстов,

относящихся к различным жанрам – гимнам, сборникам афоризмов, назидательным повестям и любовной лирике [2. С. 271-272]. Новый Завет, восприняв ветхозаветное видение мира, стал комплексом религиозных сочинений, включающих четыре Евангелия, Деяния Апостолов, 21 Послание, и, наконец, Откровение Иоанна Богослова. В новозаветных текстах, написанных на греческом языке, «христианство во все времена видело квинтэссенцию своего учения» [2. С. 504].

Цитаты из Священного Писания рассыпаны по всем сочинениям Паскаля. При этом Паскаль, склоняясь перед авторитетом Библии, тем не менее очень корректно отбирает материал, разъясняя или подтверждая свою философскую концепцию. В «Мыслях» Паскаль часто обращается к посланиям апостола Павла, цитирует Послание к Римлянам, Первое Послание к Коринфянам, Послание к Галатам, нередко прибегая к формулам, заимствованным у апостола Павла святым Августином [3. С. 79].

Тема Блез Паскаль – Августин Аврелий требует дополнительного углубленного исследования. Паскаль читал Библию, опираясь не только на опыт великого Отца Церкви.

Начиная с эпохи эллинизма, Ветхий и Новый Заветы постоянно изучали, переводили и толковали. Принципы переводов выросли из традиции толкования Священного Писания, установившейся со времен Отцов Церкви и закрепленной в системе Фомы Аквинского (1225-1274). Прозванный «пятым учителем Церкви», он создал трактаты, в которых объяснено значение Священного Писания и даны ответы сомневающимся. Так, в «Трактате о Священном Учении» названы его значения:

«Разнообразии значений не [обязательно] приводит к двусмысленности или иному [такого рода] умножению [смыслов]; ибо это смысловое разнообразие зиждется не на том, что одним словом обозначаются несколько вещей, а на том, что обозначенные словами вещи сами по себе являются знаками других вещей. В Святом Писании потому-то и нет противоречий, что все значения опираются на одно, буквальное, из коего, как из единого основания, выстраиваются все доказательства, как это показал Августин в своем письме против Доната (24 Epis. XLVIII). [...] три [способа толкования] исторический, этиологический и анагогический – относятся к буквальному истолкованию. Ибо история, согласно

Августину (26 Epis. XLVIII), есть то, когда что-то попросту припоминается; этиология – то, когда приводятся причины, например, когда Господь приводит причину того, почему Моисей позволил разводиться с женами: по причине человеческого жестокосердия (Мк. 10, 4, 5); аналогия – то, когда показывается согласие в истине различных текстов Писания. И только четвертый способ, аллегорический, подразделяют на три духовных [смысла]» [4. С.17-19].

О том, что Фома Аквинский не был одинок, свидетельствует и труд Гийома Дюрана (1230-1296) «О духовном смысле Литургии» («*Le sens spirituel de la Liturgie. Rational des divins offices. Livres IV. De la Messe*»). Систематизируя размышления средневекового теолога, священник Клод Барт во французском издании трактата пишет о духовном смысле Литургии следующее: “Обыкновенно говорят об «аллегорическом» комментарии, рассуждая о литературном жанре, в который вписывается «Rational». Сродство с подобного рода комментариями Священного Писания очевидно. Оно столь же очевидно и для Гийома Дюрана, ибо сразу, чтобы ввести (читателя) в свое толкование Литургии, он перечисляет четыре классических смысла толкования Священного Писания: исторический смысл и три духовных смысла, а именно, аллегорический смысл, через который Ветхий Завет предвещает Новый (еврейский народ, освобожденный из Египта, обозначает Церковь), тропологический или моральный (Давид убивает Голиафа как смирение должно убить гордость), и аналогический смысл, соотносимый с проявлениями свыше (свет, сотворенный в первый день, обозначает изначальное сотворение ангельской природы). Буквальный или исторический смысл, который зиждется на истории, рассказанной в священном тексте, как бы фундаментален он ни был, все же считается патристической экзегетикой смыслом поверхностным (*de surface*), буквой (*la lettre*), в сравнении с духовным смыслом, который суть глубинный смысл, дух (*l'esprit*)» (прим.1), [5].

Именно духовный смысл искал в Библии Паскаль. Доказательство тому глубинный мотив Мемориала:

«Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова.
А не философов и ученых» [6. С. 327].

Традиция прочтения Священного Писания через александрийских филологов, Блаженного Августина, Фому Аквинского продолжает отзываться и в XVII веке.

XVII столетие – рубикон Нового времени, которое проходило христианское пространство, ныне называемое просто «Европа» [7. С. 276-314], возродило бесконечный интерес к Священному Писанию. Библию не только «эксплуатируют», Библию открывают [8. С. 15-27].

Для формирующейся «Европы», переживавшей «лютеровский шок» и постановления Тридентского Собора (1545-1563), единство трех веков – XVI, XVII, XVIII – великих веков, по мысли крупнейшего французского историка Ле Руа Ладюри, «определяется необычайной устойчивостью королевского строя». Рождается и утверждается модель «классической монархии». Кроме формирования территорий, речь идет, в том числе, о сакральном характере монархического института, о вертикальной заданности власти, о ее богоданности, закрепившихся в теории, обоснованной легистами и теологами [9. С. 5-14].

Писание продолжает объяснять этот мир наряду со становлением классической науки [10]. Литература черпает темы и жанры из Библии посредством ее переводов на формирующиеся национальные языки. Риторика Священного Писания определяет профанное слово. Становление современных европейских языков происходит и через титаническую работу переводчиков Писания. Удивителен в этом отношении один из самых совершенных переводов на французский язык 36 книг Священного писания, начатый в монастыре Пор-Руаяль под руководством Ле Мэтра де Саси, опубликованный с 1672 по 1693 гг. Но общим местом перевод был в XVIII-XIX вв. и в первой половине XX века [11. С. 182-184].

В XVII веке в риторике переводов Священного Писания Пор-Руаялем оживают, по мысли выдающегося знатока европейской риторики Марка Фюмароли, самые высокие уроки Святого Августина, автора «Исповеди» и трактата «О христианской учении». Паскаль оказывается наследником той «галликанской культурной традиции, для которой красноречие и размышление над риторикой отвечает профессиональным, гражданским и религиозным требованиям». В профессиональных требованиях красноречие слито с парламентской практикой, в гражданских – они слиты со «службой Королю», в религиозных – с августиновской традицией

галликанского христианства и с гражданственностью Града Божиего, спасающего внутреннюю независимость и свободу суждения профессионала мантии и слуги Короля (прим.2) [12. С. 360]. Французский ученый, по сути, систематизировал те риторические принципы, которые были характерны для французского XVII века, оживающие в риторике главного труда Паскаля «Мыслях» («Апологии христианской религии»).

Не только в Апологии, но и в «Письмах к провинциалу», в малых сочинениях Паскаля постоянно возникают библейские мотивы и образы. Среди библейских текстов, привлекающих внимание Паскаля, существенное место занимает обращение к книгам Пророков. Среди пятнадцати пророческих книг пророчество Исаии принадлежит к самым значительным.

Паскаля не могла не привлекать этическая концепция пророка, как и специфика жанра пророческой книги. Вероятно, здесь можно искать один из подходов для характеристики поэтики Блеза Паскаля. Ибо книга пророка Исаии традиционно считается одним из самых совершенных сочинений в Библии, впечатляющих точностью языка и духовной мощью. В книге пророка Исаии «доведен до совершенства жанр поэмы-проповеди, синтетически объединяющий в себе и страстную политическую речь, и лирическую кантату, и философскую медитацию» [1. С. 569].

Вопрос влияния традиции Библии на стиль Блеза Паскаля требует основательных исследований. Возникает вопрос: была ли у Паскаля последовательная концепция языка? Был ли он шепетилен в вопросе о его сакральности?

В «Мыслях» находим три упоминания и рассуждения о языке «*language*»: S 466/L 559: «Разн. Язык. Те, кто насилует слова ради антитез, подобны тем, кто делает ложные окна ради симметрии. Их цель – не точная речь, но точные фигуры речи» [13. С. 246].

S 576/L 697 «Люди, ведущие беспорядочную жизнь, говорят ведущему жизнь размеренную, что те удаляются от природы, а они сами ей следуют. Так плывущим на корабле кажется, что движутся те, кто остался на берегу. Язык со всех сторон одинаков. Из порта судят о тех, кто на корабле, но где нам найти такой порт в морали» [13. С. 271].

S 598/L 720 «Всеобъемлющее. Мораль и язык – науки частные, но всеобъемлющие» [13. С. 275].

Язык теологических сочинений французского гения, воспитанный знаниями греческого и латыни, вычищенный научными занятиями, рождается из библейской мозаики, сложенной из французского языка XVII века, латинских и греческих цитат из Священного Писания и трудов Отцов Церкви, из редких, поэтому воспринимаемых символически, древнееврейских слов и понятий. Как известно, в работе над «Апологией христианской религии» Паскаль опирался на три издания Библии: Вульгату, следуя предписаниям Тридентского Собора (1545-1563), полиглотту Ватабля с четырьмя параллельными колонками, позволявшую сравнивать оригиналы греческого и греческий перевод Семидесяти, Вульгату, новый латинский перевод с древнееврейского, еврейский текст. Наряду с двумя старыми текстами Паскаль работал и с самым распространенным французским переводом – Лувенской Библией. Кроме того, он использовал «Histoire et concordance évangéliques» (1653) Арно, возможно «Concordance Gréco-hébraïque de l’Ancien Testament» (1607) лютеранина Конрада Кирша (Conrad Kircher) и «Annales de l’Ancien et du Nouveau Testament» (1650) сторонника англиканской церкви Джеймса Ушера. Эти примеры свидетельствуют о широком библейском поле Паскаля и просвещенной открытости поручаевцев, столь внимательных ко многим публикациям своего времени, вне зависимости от того, католические они или протестантские [14. С. 92-93]. Подобная открытость говорит о поиске точности выражения смысла сакрального слова.

При описании стиля Паскаля невозможно обойтись без его обращения к Библии, что открывает путь для рассуждений о поэтике гениального философа и писателя, о характере его слова и об определении стиля.

Примечания

1. Barthe Cl. “Introduction. L’Esprit et la Lettre”// Guillaume Durand. “Le sens spirituel de la Liturgie. Rational. Des Divins Offices. Livre IV. De la Messe”. Présenté par Claude Barthe. Préface et traduit par Dominique Millet-Gérard. Ed. Ad Solem. 2003. p. 14: “On parle communément de commentaire “allégorique” pour qualifier le genre littéraire dans lequel rentre le “Rational”. La proximité avec les commentaires analogues de la Sainte Ecriture est évidente. Elle l’est tellement pour Guillaume Durand que d’emblée, pour introduire à son interprétation liturgique, il énumère les quatre sens classiques de

l'interprétation scripturaire: le sens historique, et les trois sens spirituels, à savoir, le sens allégorique par lequel l'Ancien Testament annonce le Nouveau (le peuple hébreu délivré d'Égypte signifie l'Église), le sens tropologique ou moral (David tue Goliath comme l'humilité doit tuer l'orgueil), et le sens anagogique ordonne aux choses d'en haut (la lumière créée au premier jour signifie la nature angélique créée au commencement). Le sens littéral ou historique, pour fondamental qu'il soit – c'est sur l'histoire racontée par le texte sacré que repose toute l'interprétation -, est considéré par toute l'exégèse patristique comme sens de surface, la lettre, en regard du sens spirituel qui est le sens en profondeur, l'esprit". Перевод автора статьи.

2. Marc Fumaroli. "Pascal et la tradition rhétorique gallicane" // "Méthodes chez Pascal" (Colloque de Clermont-Ferrand), 1976. p. 360; "Pascal est l'héritier d'une tradition de culture que j'appellerai "gallicane", et pour laquelle l'éloquence et la réflexion sur la rhétorique répondent à des exigences à la fois professionnelles, civiques et religieuses. Professionnelles: cette éloquence est liée à la pratique de l'institution parlementaire. Civiques: est liée au "service du Roi" et a un sens élevé des responsabilités "française" que celui-ci implique. Religieuses: elle est liée à la tradition augustinienne du christianisme gallican, et à un "civisme de la Cité de Dieu" qui sauve l'indépendance intérieure et la liberté de jugement du "professionnel" de la robe et du "serviteur du Roi". p. 370: "Par leur dédain pour la "rhétorique" scolaire ou pédante, par leur manière souverainement "adulte" de poser les problèmes de l'éloquence, par leur refus de dissocier la forme de la pensée, par le caractère à la fois sombre et fulminant, biblique et sénequien de celles-ci, Pascal y actualize les plus hautes leçons du Pseudo-Longin, et de son héritier chrétien, le saint Augustin des "Confessions" et du "De Doctrina christiana".

Библиографический список

1. Синило Г.В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). М.: Флинта, МПСИ, 2008.
2. Аверинцев С.С. Древнееврейская литература // История всемирной литературы. Т. I М.: Наука, 1983.
3. Стрельцова Г.Я. Паскаль в европейской культуре. М.: Республика, 1994.
4. Фома Аквинский. «Трактат о Священном Учении» // Фома Аквинский. «Сумма Теологии». Перевод С.И. Еремеева (гл. 1-26), А.А. Юдина (гл. 27-43). Москва – Киев, 2002.
5. Barthe Cl. "Introduction. L'Esprit et la Lettre" // Guillaume Durand. "Le sens spirituel de la Liturgie. Rational. Des Divins Offices. Livre IV. De la

Messe”. Présenté par Claude Barthe. Préface et traduit par Dominique Millet-Gérard. Ed. Ad Solem. 2003.

6. Паскаль Бл. «Мысли» Пер. с франц. Ю.А. Гинзбург. М.: Издательство имени Сабашиковых, 1996.

7. Аверинцев С. Христианство в истории европейской культуры // Аверинцев С. Другой Рим. СПб., 2005.

8. Armogathe J.-R. “La soif des Ecritures. Introduction” // “Le grand siècle et la Bible”. Sous la direction de J.-R. Armogathe. Editions “Beauchesne”, 1989.

9. Le Roy Ladurie, E. “L’Etat royal. De Louis XI à Henri IV. La monarchie de la Renaissance (1460-1610)”. P.: Hachette, 1987.

10. См.: M. Blay, R. Halleux. «La science classique XVI-XVIII siècles. Dictionnaire critique”. Flammarion, 1998. Introduction. pp. I-X.

11. Ф. Дельфорж, К Бонне. «Библия. Переводы на французский язык». // Православная энциклопедия. Т.. См.: Ph. Sellier. «Préface”// La Bible. Traduction de Lemaitre de Sacy. Paris, 1990. pp. XI-LIII.

12. Marc Fumaroli. “Pascal et la tradition rhétorique gallicane”// “Methodes chez Pascal” (Colloque de Clermont-Ferrand), 1976.

13. Паскаль Бл. «Мысли». Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. Издательство имени Сабашиковых. М., 1996.

14. Sellier Ph. “La Bible de Pascal”// Sellier Ph. “Port-Royal et la littérature. I. Pascal.” Paris, 1999.

Сведения об авторе

Кашлявик Кира Юрьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы и
теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова,
докторант МПГУ
E-mail: kachlavi@rambler.ru

УДК 821.111(411):82-34

CLASSIC MAGIC TALE FUNCTIONS AND THE ART OF MYTHMAKING IN G. MACDONALD'S CURDIE BOOKS

Olga B. Lukmanova

N. A. Dobrolubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod

The article traces V. Propp's classic functions of the magic tale in two book-length fairy tales by the Scottish Victorian writer George MacDonald, analyzing their role in MacDonald's creative mythmaking and looking at their specifically Christian content and the integral connection of Biblical themes to the basic pattern of myth. Usage of classic fairy tale functions enables the author to express complex theological concepts in vivid and powerful images and symbols.

Key words: George MacDonald, functions of the magic fairy tale, mythmaking, Vladimir Propp, *The Princess and the Goblin*, *The Princess and Curdie*.

Классические функции волшебной сказки и искусство мифотворчества в сказках Дж. Макдональда «Принцесса и гоблин» и «Принцесса и Кёрди»

О. Б. Лукманова

В статье прослеживаются классические функции волшебной сказки, описанные В.Я. Проппом, в двух сказках шотландского викторианского писателя Дж. Макдональда, анализируя их роль в мифотворческих приемах Макдональда, а также рассматривая их конкретное христианское наполнение и тесную связь библейских тем с базовой структурой мифа. Использование функций волшебной сказки позволяет автору выразить сложные богословские понятия в ярких и сильных образах и символах.

Ключевые слова: Джордж Макдональд, функции волшебной сказки, В.Я.Пропп, мифотворчество, «Принцесса и гоблин», «Принцесса и Кёрди».

His contemporaries knew George MacDonald mainly due to his novels of which he wrote about thirty, but in the XX and XXI centuries he has won recognition primarily as an author of fairy stories and mythopoetical romances and as one of the most powerful and original mythmakers of the British and world literature. While in his time MacDonald more than once complained that editors were suspicious of his literary contributions because of their fantastic nature, it's exactly what contemporary readers and scholars appreciate most: his brilliant ability to create mythical stories which, in the words of C. S. Lewis, "go beyond the expression of things we have already felt,.. arouse in us sensations we have never had before, never anticipated having, as though we have broken out of our normal mode of consciousness,.. get under our skin, hit us at a

level deeper than our thoughts or even our passions, trouble oldest certainties till all questions are reopened, and in general shock us more fully awake that we are for most of our lives” [1. P. xxxiii]. It is certainly this that made fairy stories a prime medium for MacDonald’s goals, enabling him to grab his readers’ attention, excite their emotion and imagination and infuse it with powerful images and myth-based symbols before any rational (and often unhelpful) doctrine or rigid interpretation enters the scene.

Calling G. MacDonald “the greatest genius” in the art of mythmaking, among his greatest works in this respect C.S. Lewis names *Phantastes*, the *Curdie* books, *The Golden Key*, *The Wise Woman* and *Lilith*. With this in mind, it would certainly be worthwhile to look at MacDonald’s fairy tales in the light of the work done by Vladimir Propp, a Russian formalist scholar, in his studies of morphology and historical origins of fairy tales. Even though Propp limits his analysis to only one kind of folktale, calling it “the magic tale” (or “the wonder tale” in some translations), his research is especially pertinent to the topic at hand, because it is the type of tale which he also calls “mythical” because of its historical origins. In his *Morphology of the Folktale* (1928) Propp seeks to give a sound definition of a magic fairy tale, based on an empirical and inductive study of Russian folktales, and claims to be surprised by the resulting uniformity of magic tales’ structure, given the wide variety of plots, motifs and characters. In his later book, *The Historical Roots of the Magic Tale* (1946) he provides a historical analysis of magic tales and shows that the magic tale originated in ritual, especially initiation and funeral rites, and is, therefore, firmly rooted in myths surrounding these rituals. Other scholars have since shown that Propp’s approach can be applied to folktales of other countries as well as be useful in analyzing the structure of other literary forms [2, 3]. This article will focus on identifying some of the classic magic tale functions, described and analyzed by V. Propp, in MacDonald’s fairy tales *The Princess and the Goblin* (1872) and *The Princess and Curdie* (1884), and look at their specific content and artistic expression.

Not all fairy tales written by MacDonald can be put in the category of magic tales as defined by V. Propp, – especially since, being “artificial,” literary fairy tales, they are a far cry from pure folktales. In fact, they all combine several genres, the basic structure of the classic magic fairy tale being greatly complicated by some rearrangements of principal magic tale

functions, plot twists, the author's theological and educational interpolations and reflections. Nevertheless, *The Princess and the Goblin* and *The Princess and Curdie* can be put into the magic tale category since, by Propp's definition of a magic tale, they 1) both begin with damage or absence (a threat of abduction, potential forced marriage of the Princess and peril of the kingdom in the first book and deceitful malice towards the King and the Princess in the second); 2) both tales develop through the Hero's departure from home and encounter with the Donor (in both books the Donor is Old Princess Irene) who gives him/her a magic Agent or a magic Helper (the magic ball of thread and the ring in the first book, and the magic ability to discern the true nature of people through feeling their hands, and Lina, the ugly but noble animal helper); 3) both contain a battle with the Antagonist (the battle with goblins in the first book and the battle with enemies of the King and the Little Princess in the second) and 4) both contain the return of the Hero who ultimately (in the end of the second book) marries the Princess and becomes King in his father-in-law's land [4]. Thus, these two tales fit the classic canon and structure of magic (or mythical) tales, and we would be justified in applying to them the conclusions made by V. Propp in his fundamental studies on morphology and historical origins of magic tales.

It's hard to know the degree of purposeful deliberation and mythopoetical intuition in MacDonald's particular usage of magic tales' traditional functions. However, if we look at the content of these functions in the *Curdie* stories in conjunction with historical, mythical origins of these functions as described by V. Propp, it becomes very obvious that, in many respects, G. MacDonald takes the magic fairy tale back to its roots, not only restoring its initial mythical content but also deepening and refining this content, bringing it up to the level of what he believes to be the True Myth: the Judeo-Christian story as the objective reality that is the foundation and starting point of all myths.

If this is indeed so, this is where G. MacDonald's mythmaking genius lies. As stated above, in the course of his analysis of magic tales, V. Propp noted the surprising homogeneousness of their composition and structure, given the great diversity of motifs, plots and characters. C.S. Lewis picks up on this too, when he says that in a myth "the mere pattern of events is all that matters" [1. P. xxx]. In his attempt to explain this phenomenon, V. Propp points out that the most ancient (and, therefore, the most authentic) myths have the same structure. If magic tales can indeed

be historically traced back to myths [5], then we could conclude that the key functions of magic tales as well as the composition structure of many myths are something like key points of contact with ultimate reality reflected in myths: the reality of a dual yet holistic world, spiritual and physical at the same time, where people truly believe in the existence of the supernatural and divine, and such phenomena as sacrifice, death, fertility rituals and other interactions of the physical world with the sphere of the supernatural are valid and meaningful. Such a view corresponds to the Christian worldview of George MacDonald for whom ultimate reality always exists in its Christian interpretation and therefore naturally includes concepts that would be empty without the existence of the supernatural. Such concepts include spiritual conflict, sorrow, sin, initiation as encounter with the good, omnipotent and omniscient God, trials (most often trials of faith in God's goodness), sacrifice (as one of the cornerstones of the entire Judeo-Christian worldview), obedience as an upward process of becoming one's true self (the existential "working out" of one's salvation), a good death as the beginning of true life, and finally entering God's Kingdom as the initial and ultimate reality. These two consecutive connections – that of myth with reality and that of the fairy tale with myth – seem to be what makes fairy tales so powerful and lasting in the collective human memory and culture, and it is the presence (or masterful usage) of mythical touch points in fairy tales that gives the latter their poignancy.

The mythical nature of the *Curdie* books is reflected even in the architecture of the first book's initial situation. Little Princess Irene lives "in the middle," between earth and sky, neither at the mountain's foot, nor on its top, and her house is something between a castle and a farm. Malicious goblins dwell "below," underground, and the Old Princess lives "above," in a high tower, and her chamber often has no visible ceiling, walls or floor, opening straight into the sky. The Old Princess belongs to the magic Other World yet is little Irene's great-grandmother. To find her one must climb stairs which reflects mythical ideas about being transported to the Other World [4. P. 181], and she can only be found by getting lost or in response to her own call and not by purely human initiative and/or prowess. Names are also significant here: 1) *Irene* comes from the Greek εἰρήνη which corresponds to one of the central Judeo-Christian notions: *peace* as not merely a sense of tranquility and absence of conflict but the realm of order, wholeness and well-being (akin to the Jewish notion of *shalom*); 2) the Little Princess has the same name as her ancient magic

kinswoman. Later we will see that the Old Princess functions as the Donor whose mythical / magic tale function has been traced to the female totem ancestor and, therefore, is little Irene's blood kin and, at the same time, her connection with the Other World. Significance of all these details becomes clear if one remembers that Christ is the Prince of peace, combining in Himself human and divine natures (thus being both our kin and totally other); that man also lives "in the middle," between Heaven and Hades, which has been reflected in all myths, since very ancient times; that man is both small and humble like a farmhouse and full of dignity and majesty like a noble castle (Psalm 8 and F. Schaeffer's famous phrase "glorious ruins" come to mind); that man combines two natures, physical and spiritual, and is a battleground between the evil kingdom below and the divine kingdom above; that believers are called the children of the King (are thus princes and princesses) and bear the name of Christ. Thus in this very simple setting MacDonald embodies many important truths about man, spirituality, the architecture of the world and man's interaction with the supernatural.

It's interesting to note that the Little Princess is prohibited to stay outside after sunset. She is not fully isolated from the world, but, according to V. Propp's conclusions, isolation of royal children in magic tales reflects ancient rituals of preparation for marriage – and not just any marriage, but marriage to a divine entity. Later the Little Princess indeed has to go through initiation, an encounter with the Other World. It's hard to say how significant in this context is the episode where the Little Princess spends a night in the Old Princess's bed. This episode is neither important to the development of the plot, nor does it have a connective function, yet it is clearly deliberate. It is not erotic in nature; the shared sleep of the grandmother and granddaughter reflects, rather, a warm, close, intimate relationship between the two – which, given the function and meaning of the Old Princess in the story, could be called an instance of MacDonald subverting the understanding of God and His relations with people, commonly accepted by his contemporaries. In both Scottish Calvinism and the Anglican tradition of the Victorian era God was often seen as a distant and harsh taskmaster, arbitrarily choosing some and not others for salvation and demanding outward display of piety and strict compliance with prescribed doctrine. In all of his work including the fairy tales MacDonald vigorously protests against this unbiblical portrayal of the Divine and promotes a very different image of God as the great Father,

infinitely loving, wholly good and intimately and purposefully involved in the life of all His creatures. The image of the Old Princess Irene in the Curdie books is just one example of this.

One of the central magic tale characters is the Donor who gives the Hero a magic Agent or Helper, thus predetermining the further development and ending of the story. According to V. Propp, the classic form of the Donor in folktales is Yaga (or Baba Yaga, a witch-like character in Slavic folklore) who is a reflection of death and initiation rituals, where man dies and comes down to the chthonic world. Analyzing different types of Yaga and bringing in myths from many parts of the world, V. Propp finally presents the image of an unmarried old woman who is mistress of all, a universal mother with unlimited powers not only over animals but also over people's life and death and serves as a guardian of the entrance to "the faraway kingdom" (the Other World, the world of the dead) from the living (or uninitiated), thus being a personification of initiation rituals.

All this certainly brings to mind the many maternal figures in MacDonald's fairy tales and opens up many possible avenues for further reflection and analysis. The Old Princess Irene of the *Curdie* sequel combines most of these characteristics. Moreover, in the second book she is more obviously the central omniscient character, who is behind all events and initiates many of them. She sends the pigeon to Curdie knowing beforehand that the boy will shoot it and come to her in repentance; she meets Curdie and his father in the lower regions of the mountain (of which she is also mistress, even though the underworld seems to belong to the realm of evil and death, and she clearly belongs to the world above); she knows what is happening in the royal palace and sends Curdie to help the King and the Little Princess long before Curdie and the readers learn what the trouble is; she takes the form of a servant girl and helps Curdie to carry out his plan; she commands animals and birds leading them into battle; she sends Curdie's father to help his son. Thus, she indeed has authority over the main characters and their helpers, and this authority extends far beyond their earthly life.

If we identify this figure with the Yaga Donor from magic folk tales, in this one character there immediately emerge three important and interrelated themes, central to the whole of MacDonald's creative work: 1) death as entrance into more life; 2) believing (or coming to faith) as initiation (through death) into the Other World; and 3) God as a truly good

and loving Father, very different from the stern God of Victorian Scottish Calvinism.

Death as a doorway to life was one of principal themes in MacDonald's writing; according to his cousin Helen MacKay, "I wis we war a'deid" was one of his oft-repeated desires. In the *Curdie* stories death is present in several ways. Firstly, by his skillful use of the Donor's mythical function in the fairy tale, in the character of the Old Princess MacDonald virtually fuses death, customarily seen as evil, with the all-knowing and all-good God in Whom there is no shadow of evil, and presents death as something good, as the culmination of life and transition to the true and blessed reality and freedom, reflecting his own sentiments in *Phantastes*: "What we call evil, is the only and best shape, which, for the person and his condition at the time, could be assumed by the best good." Secondly, echoing, among other things, *The Rime of the Ancient Mariner* by Coleridge, MacDonald often speaks of life-in-death, death-in-life, living as dying and dying as resurrection. In *The Princess and Curdie* he says, very directly: "There is this difference between the growth of some human beings and that of others: in the one case it is a continuous dying, in the other a continuous resurrection." Thirdly, he speaks of man dying to the world and his own old sinful self at the moment he first dares to believe and thus take a step into a different reality.

This last aspect of believing as dying becomes especially clear if we look at Propp's main function of the Donor who equips the Hero with a magic Agent after the Hero goes through a number of trials displaying faith through his obedience. Here MacDonald comes very close to the initial, mythical meaning and purpose of giving the magic Agent to the Hero. At first sight it may seem that both stories deal with a mere testing of the Hero's virtue (which is a much later form of testing in fairy tales): in the first book the Old Princess asks the Little Princess to visit her a week later, despite all doubts and others' adverse opinions; in the second she first tests Curdie by asking him not to acquiesce to people's idle gossip about her, and then puts him through another trial by ordering him to put his hands into the fire of roses. However, according to V. Propp, the essence of the Hero's heroism is that he has been initiated, and the Donor (who guards the world of the dead from strangers, from those who have not yet died) tests not so much his virtue as his magic power (as the result of this initiation), his right to be in the Other World and ability to function there. Thus, by testing the faith of both the Little Princess and Curdie, the Old Princess

tests not how virtuous they are, but whether they have been initiated into the Other World.

All this subtly reveals the essence of faith (and, consequently, salvation) in MacDonald's understanding. It's not something a man has due to his own strength or merit. In essence faith presupposes dying, entering and living in a different reality and there "marching to a different drum," living by a very different set of principles that may seem foolish to the wise of the ordinary world. In *Lilith* Mr. Vane is likewise invited to lie down and sleep in Adam and Eve's underground tomb (i.e. die) before starting off to complete his mission. In his case we see again that before departing from home to fulfill his task and help others the Hero must believe (demonstrating his faith through obedience) and thus become part of the Other World. Oftentimes this results in alienation and rejection by the formerly familiar world (for instance, other miners are hostile towards the Old Princess, and Curdie receives very rough treatment from inhabitants of Gwytystorm).

All this leads us to the conclusion that in the first book the Hero is not Curdie but the Little Princess. It is she who is enabled to see her old great-grandmother; she who receives the magic Agent and uses it to save Curdie (who, in contrast, sees neither the Old Princess nor her magic distaff and thus begins to sulk, thinking that Irene is telling tales). Moreover, Curdie is able to participate in the final battle only after the Old Princess, unbeknownst to him, visits him in his sleep, healing and renewing him in strength. In the second book the main Hero is clearly Curdie – but only because in the beginning of the story he is called to enter the Other World by the Old Princess, goes through the initiation/death process by coming to believe and obey, and, upon passing the test, receives a magic ability and a magic Helper to be able to successfully function in this newly discovered magic world of which he had had a glimpse (in the first book) but had begun to forget. Thus, by intuiting the mythical origins and essence of magic fairy tale functions, George MacDonald reveals the deeper essence of faith: in a sense, one's decision to believe, or conversion, is death to one world and initiation to another, and its source lies not with man and his own virtue and initiative but with God.

MacDonald endows the Old Princess with a number of characteristics that testify to the depth and intuitive accuracy of his mythical feeling. For instance, the old woman-Donor in magic tales is typically connected with fire and the hearth, and fire here is closely

associated with man's death and his renewal, regeneration and rejuvenation. V. Propp observes that "burning, being consumed by fire... leads to the greatest good – the good as the intended result of the entire ritual [of initiation], i.e. to the man obtaining qualities and abilities that a full-fledged member of the community must possess" [4. P. 79]. The Old Princess also has a hearth with the fire of roses, a poetic representation of the burning and cleansing "beauty of holiness." From this fire the Old Princess gets a snow-white nightgown for her great-granddaughter ("robes of righteousness"); Curdie must hold his hands in this burning fire until they acquire a magical ability to discern people's secret inner nature; in the end of the second book in this fire the Old Princess "burns" the King as a living sacrifice, thus giving him new life. Here again we're dealing with the good death, when the person being initiated "dies a premature violent death yet doesn't die entirely but is raised again" [4. P. 75].

The part of the initiation ritual connected with food and eating also finds reflection in the *Curdie* books. It's commonly known that "having crossed over into the Other World, first of all one has to eat and drink," because "he who has tasted the food of the underworld will be forever counted as one of its inhabitants" [4. P. 51]. It's interesting to note that during her first encounter with the Little Princess the Old Princess refuses to give her any food until another time which can only happen if the Little Princess continues to believe in her magic great-grandmother and fully enters the magic reality by dying to her own fears and other people's mocking.

Another important element of magic fairy tales is the magic Agent or Helper given to the Hero by the Donor. This Agent /Helper is given after the Hero has passed through the trial and initiation, so that he can continue his journey in the magic kingdom and receive necessary assistance in fulfilling his mission. According to V. Propp, the most ancient and authentic form of the magic tale Helper can be traced to the idea of man transforming into an animal during the initiation ritual. This idea of man turning into his tribal totem animal is at the same time connected with his transportation into the world of the dead. Thus, the motifs of people turning into animals and the Hero receiving an animal Helper have a direct connection with death and being transported into the Other World.

In this light, the particular expression of this mythical idea in MacDonald's fairy tales becomes truly uncanny. Lina, the ugly animal

helper given to Curdie by the Old Princess, is apparently a human being, who after death was turned into an animal along with other “Uglies,” the grotesque beasts who join her later in the second book. The old Princess is quite explicit about the process: “All men, if they do not take care, go down the hill to the animals' country; ...many men are actually, all their lives, going to be beasts. People knew it once, but it is long since they forgot it.” Thus, there is a danger of men turning into beasts after death – and remain such unless they “take care.” Here man also dies into a different world, but it is not yet the death of faith, but a death into a lower mode of life where one is given a chance to learn righteousness and one day begin to believe – and die into the full reality of the Other World.

MacDonald tells us that these beasts, formerly domestic animals of the goblins, were products of degeneration, much like their masters who used to be very much like ordinary people, but through jealousy and vengeful feelings grew unreformably bad and had to be killed or ousted. Here we see a very interesting and vivid artistic expression of one of MacDonald’s favorite themes: the (almost) universal redemption of sinners by the all-powerful and all-good God, who is ready to invest every possible effort and creativity and wait however long it takes to effect existential liberation of people from all evil inside them (as opposed to purely legal, juridical exemption from punishment for sin). In contrast to many of his contemporaries, MacDonald was a firm and unabashed believer in God’s long-suffering and the great power of redemption and, apparently, didn’t believe physical death to be the final point after which such redemption becomes impossible. In his fantasies (and later in the fantasies of C.S. Lewis, J.R.R Tolkien and others) one often encounters a sort of purgatory: some period of time after death when a person is punished – or, rather, disciplined – according to the nature of his or her sins and given a chance to grow genuinely better, however much time and effort it may require. Among such instances are two skeletons of former spouses in *Lilith*, who are punished by each other’s forced presence and, through mutual need, have to grow into loving and respecting each other as they should have done during their lifetime. In this connection one also thinks of Niggle from Tolkien’s *Leaf by Niggle*, the punished star from *The Voyage of the Dawn Treader* by C.S. Lewis, and, obviously, the ugly animals from the Curdie books. In the first book we meet them as goblins’ pets, but in the second story they depart into the forest (which in the magic tale canon is invariably associated with the mystery of initiation and is a

gateway into the other kingdom) where they gradually grow better, doing good in their current humble form. They became animals at the point of their first, physical death, and their unique ugliness is, most probably, congruous to their past sins and inner character. The future, however, promises them a second death and rebirth in the rose fire of the Old Princess (as it happens to Lina in the end of the second book), when the punishment of the first death is over and they can enter the Other World as its full-fledged members. Thus, their physical death (turning into animals, living in the forest) gives them a chance to truly live – or, rather, a chance to learn to die to themselves and then die another death, the death of faith into true life.

Another aspect of men's transformation into animals as mythical death can be seen in those people whose hands Curdie clasps along the way. While those people, who “take care” and remain alive to the spiritual, remain human (for instance, Curdie's parents), others display their hidden animal nature (in shaking hands Curdie feels things like ox-hoofs, pig-hoofs, a dog's paw and once even the belly of a snake). While, of course, it is a reflection of “the world-wide habit of calling our fellow men donkeys, camels, foxes, pigs, geese or dogs to insult them” [6], there seems to be much more to this in view of the clear mythical connection of death with man's transformation into animal. In MacDonald's fairy world, if a person has turned into an animal inside, it means that, in essence, he is dead in the ultimate sense of the word, and his physical death will only reveal this fact more plainly, by physically turning him into an animal and thus giving him a chance to see his own reality and then, on a more basic and obvious level, make a choice of whether to grow better and die again or not. Here again we see a myth-based artistic expression of MacDonald's idea of true life and true death: those who die to themselves (by faith) are the only ones truly alive; those who have chosen to please themselves, are, in reality, dead, and their physical death will not alter but only reveal this fact, possibly giving them a chance to be shocked and grieved into repentance.

The magic Agent or Ability of which V. Propp speaks in his analysis of the magic tale are specific instances of the Helper motif and function in absolutely the same way. The magic ball of thread leads the Little Princess into the depth of the mountain (a possible reflection of the journey's chthonic nature) to rescue the yet unregenerated and uninitiated Curdie, imprisoned by adverse goblins. To make use of the magic thread one needs faith (i.e. initiation: the Hero must be initiated and empowered

to act according to the laws of the new, other world), and Curdie who at first doesn't believe the Little Princess, begins to feel the thread only after he repents of his unbelief. The magical ability to discern the true nature of people and animals (i.e. their really *real* nature, corresponding to the reality of the Other World) is given to Curdie in the second story, after he is finally initiated in full, through burning his hands in the hearth of the Old Princess. In effect, he begins to "see," albeit not with his eyes, but with his hands, yet here we clearly have the case of the Hero gaining new vision as the result of his initiation, another very prominent mythical element according to V. Propp's analysis. This magical ability is also subject to the laws of the new kingdom and must not be used for mean, selfish reasons, thus establishing a direct connection between this new kingdom and virtue. The same conclusions can be drawn about the magic emerald that the Old Princess uses to call Curdie's father to herself, test his faith and send him to aid his son, later also giving him new vision and enabling him to see and recognize her true nature.

These and other instances of filling the mythical "pattern" with Christian content and discerning how integrally Christian themes are related to the basic pattern of myth enable MacDonald to present what he sees as the truly Christian understanding of God, death, holiness and spiritual growth in a very powerful yet subtle manner, and, in many cases, provide him with excellent means for deliberate subversion of commonly accepted views and theology of the time. There is still much that can be studied and analyzed in this respect, and not only in MacDonald's fairy tales but in his other stories and even novels. For instance, if we take into consideration other prominent features of Yaga-Donor, described by V. Propp, – such as signs of death and decay – there immediately arises a direct connection with female figures and their "doppelgangers" in *Phantastes* and *Lilith*. The connection of laughter with myth-based fertility and birth rituals described in V. Propp's *Problems of the Comic Element and Laughter* opens up interesting possibilities for looking at *The Light Princess*. It would also be interesting to see how MacDonald's other fairy tales, fantasy stories and novels fit the classic magic tale pattern, and what it means for their mythical substructure and imagery. All this will give us a closer look at his myth-making mechanisms and thus yield a fuller appreciation of his myth-making and artistic skill.

References

1. Lewis C. S. George MacDonald. An Anthology. Harper: San Francisco, 2001. P. xxxiii.
2. Dundes A. Introduction to the second edition of V. Propp's *Morphology of the Magic Fairy Tale*. Austin: University of Texas Press, 1969. Pp. xi-xvii.
3. Zipes J. Classical Folklore Research Revisited // Children's Literature Association Quarterly. 1985. Vol.10. № 2. Pp. 89-90.
4. Propp V. Historical Roots of the Magic Fairy Tale. Moscow, 2009. 329 p.
5. Propp V. Morphology of the Magic Fairy Tale. Moscow, 2009. P. 85.
6. Petzold D. Beasts and Monsters in MacDonald's Fantasy Stories // North Wind. 1995. № 14. Pp. 4-21.

Сведения об авторе

Лукманова Ольга Борисовна
аспирант кафедры зарубежной литературы
и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: estson@gmail.com

УДК 82-312.6

MEMOIR VERSUS FAMILY HISTORY: GENRE CHARACTERISTICS OF THE BIOGRAPHICAL FORM

Helen Mann

University Houston, Texas, USA

Olga Naumova

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

The paper presents an overview and analysis of current debates over the genre specificity of the recognized popular biographical forms and their role in society at large. It highlights the complex versatile process of structuring historical and social research, the narrative techniques of autobiography and memoir, together with the elements of the tone and style of fiction writing, into one hybrid genre pattern of creative non-fiction family history. Such genre form allows to set a private story of a certain Russian family over several generations in a solid frame of the general history of past times and various places of the world.

Key words: genre, autobiography, memoir, family history, creative non-fiction.

Мемуары или семейная хроника: жанровая специфика биографической формы

Хелен М. Манн

Ольга Анатольевна Наумова

В статье дается обзор и анализ полемики вокруг жанровой специфики различных форм биографической литературы, широко востребованной в настоящее время читательской аудиторией. Рассматривается сложный процесс структурирования адекватной жанровой модификации документально-художественной мемуарно-биографической прозы, позволяющей включить частные судьбы нескольких поколений одной семьи в широкий контекст общей истории прошедших эпох, различных стран и народов.

Ключевые слова: жанр, биография/автобиография, мемуары, семейная хроника, документально-художественная проза.

Introduction

One day we got a letter from Mrs. Helen M. Mann. She wrote: "I am English; I worked for 34 years for the British Foreign Office and am currently retired in the United States. I decided to take a couple of years to explore the possibility of learning a bit more of my family's history, with a view to writing a book about the extraordinary lives of this one very ordinary family". Helen's grandmother, Maria Stepanovna Teplova (born

Galitskaya-Checheleva), was born in Bessarabia in 1882, and taken to Nizhny Novgorod as a child in 1892. She grew up there, attended the Mariinsky Institute, then married Georgii Alexandrovich Teplov and moved to Viatka between 1903 and 1905. From Viatka her Revolutionary and Civil War travels took her to Blagoveshchensk, then to Harbin in Manchuria, and eventually after many years to England as an old woman.

The more Mrs. Mann had learned about this woman, the more fascinated she had become. She began to write notes on her life:” I started out with half-remembered memories of my grandmother’s stories, a handful of old sepia photographs, and a few letters. Soon I found myself on a trail of tracking down the “other stories” – a journey I am still on. It is a journey of incredible highs and lows as I realize that every “story” is in fact a facet of the extraordinary life of this amazing woman; a life which spanned two World Wars, two Revolutions, a Civil War (she lost her husband during the Kolchak movement in Siberia), and several minor wars, and which led from the quiet country life of Russian provincial gentry to the political perfect storm that was China in the 1920s and 30s, and ultimately to a peaceful grave on a Scottish hillside, overlooking the Firth of Clyde. I took an early retirement package. I started asking questions”. Mrs. Mann asked us questions, one of them about the Mariinsky Institute: “I understood from a researcher in St Petersburg who had found for me some precious materials in National Archives there that the building of the Mariinsky Institute no longer exists, but would still like to identify the spot so that I can stand and watch the traffic on the river (which my Grandmother also talked about), and breathe in the fresh air of the great Volga”. At this point we, the Nizhny Novgorod dwellers, exclaimed in a burst of amazement: ”Why?! The former Mariinsky Institute does exist! It was never destroyed and faces safely our Linguistic University. Being at present a department of the Technical University, the old building has preserved the original magnificent forms and imposing style. Come and witness by yourself”.

Mrs. Mann accepted our invitation and visited the town of her ancestors. She asked for help and professional assistance - “to find a historian or a guide familiar with the town’s history at the turn of the century who might also sketch some background” for her family investigation. In Nizhny Novgorod she found a helping hand of many people and cultural and public-service institutions who eagerly suggested their support in the research. We acknowledge our gratitude for the State

regional archives, the State Literary Museum of A.M. Gorky and its chief curator N.F. Zhadaeva; V.D. Zamishevsky, the head of the “Krasnoye Sormovo” Plant Museum; the Nizhny Novgorod State Regional Universal Scientific Library, also professor O.N. Senutkina, the scientific supervisor of The LUNN museum; professor Z.I. Kirnoze, and many others. This is how our friendship and cooperation with H. Mann started.

Discussion

Writing a life story one should question oneself: ”What am I trying to write? A novel? A biography? A memoir? A work of fiction “based on fact”? Or some combination of all of the above?” There are many genres that are autobiographical in nature: biography and autobiography, confessional, credo, diary, journal, reportage, letter, log, memoir and fake memoir, personal and critical essay, historical document, alternative history, genealogy, family history [1]. All of this would generally be considered non-fiction. However, there is sometimes a fine line between autodiography and fiction. A book might depict actual historical events, but is written as fiction, or it is told through a fictional character, despite the title.

An **autobiography**, from the Greek *autos*, ‘self’, *bios*, ‘life’ and *graphien*, ‘write’, is a biography written by the subject or composed conjointly with a collaborative writer; it is a book about the life of a person, written by that person. The word *autobiography* was first used deprecatingly by W. Taylor in 1797 in the English periodical the *Monthly Review* when he suggested the word as a hybrid but condemned it as ‘pedantic’. Its next recorded use was in its present sense by R. Southey in 1809, but the form is much older, it goes back to antiquity; outstanding examples of the genre extend from St. Augustine’s *Confessions* (c.AD 400) to V. Nabokov’s *Speak, Memory* (1951). Biographers generally rely on a wide variety of documents and viewpoints; an autobiography, however, may be based entirely on the writer’s memory. Notable 18th-century autobiographies in English include those of E. Gibbon and B. Franklin. In the footsteps of Jean-Jacques Rousseau’s *Confessions*, and thus following the trend of Romanticism, which greatly emphasised the role and the nature of the individual, a more intimate form of autobiography, exploring the subject’s emotions, came into fashion. An English example is W. Hazlitt’s *Liber Amoris* (1823). With the rise of education, cheap

newspapers and cheap printing, modern concepts of fame and celebrity began to develop. It became the expectation that those in the public eye should write about themselves – not only writers such as Ch. Dickens who also incorporated autobiographical elements in his novels, but also politicians, churchmen, actors. Increasingly, in accordance with romantic taste, these accounts also began to deal, amongst other topics, with aspects of childhood and upbringing. Autobiographical works are by nature subjective. The inability or unwillingness of the author to accurately recall memories has in certain cases resulted in misleading or incorrect information. Some sociologists and psychologists have noted that autodiography offers the author the ability to recreate history [2].

This literary trend encouraged various versions of the autobiographical form. The term **fictional autobiography** has been coined to define novels about a fictional character written as though the character were writing their own biography, of which D. Defoe's *Moll Flanders*, is an early example. Thus we come to the autobiographical novels of Ch. Brontë *Jane Eyre* (1847), with "An Autobiography" noted on the front page of the original version and Dickens's *The Life of David Copperfield. Told by Himself* (1850). Some of the most notable narratives are S. Aksakov's *A Family Chronicle* (1856), *Recollections* (1856) and *The Childhood Years of Bagrov Grandson* (1858), J. S. Mill's *Autobiography* (1873), Th. Carlyle's *Reminiscences* (1881), Maxim Gorky's *Childhood* (1913), which he was later to follow with *Among People* (1915) and *My Universities* (1928). This method of writing a novel really came into its own, however, with S. Butler's *The Way of Flesh* (1903), which led to many successors in the 20th century, notably J. Joyce's *The Portrait of the Artist as a Young man* (1916), and D.H. Lawrence's *Sons and Lovers* (1913), both autobiographical discussions of the development of the artist. More recent examples were M. Atwood's *Cat's Eye* (1989), and S. Plath's *The Bell Jar* (1963). The term may also apply to works of fiction purporting to be autobiographies of real characters, e.g., P. Ackroyd's *The Last Testament of Oscar Wilde* (1983) - the fictional diaries of the real Wilde, and of real cities – *London: The Biography* (2000), by the same author.

Whether the function of autobiography is to use scattered bits of memory to create the sense of continuity that can hide the anxiety of the ephemeral, **a biography** is a detailed description or account of someone's life and the times, which is told by a different author. A biography is more than a list of impersonal facts; it also portrays the subject's experience of

those events, including intimate details and an analysis of his or her personality [3]. The “Golden Age” of English biography emerged in the late eighteenth century. The classic works of the period were S. Johnson’s *Critical lives of the Poets* (1779-81) and J. Boswell’s massive *Life of Johnson* (1791). The Boswellian approach to biography emphasized uncovering material and letting the subject “speak for itself”. While Boswell compiled, Johnson composed. He did not follow a chronological narration of the subject’s life but used anecdotes and incidents selectively. Johnson rejected the notion that facts reveal truth, and suggested that biographers should seek their subject in “domestic privacies” [4]. Generally American biography followed the English model, while incorporating Thomas Carlyle’s view that biography was a part of history. What emerged was a rather didactic form of biography brought to the New World by Puritan and Quaker memoirists and journal-keepers. Didactic biography sought to shape individual character of the reader in the process of defining national character. Also, American periodicals began publishing series of biographical sketches. The topical emphasis shifted from socially significant republican heroes to self-made men and women [5].

By World War I the conventional concept of national heroes and narratives of success disappeared in the obsession with psychological explorations of personality. The new school of biography featured iconoclasts, scientific analysts, and fictional biographers. This wave included Lytton Strachey who introduced the model of “debunking biographies”. The trend in literary biography was accompanied in popular biography, its appeal to readers was based on curiosity more than morality or patriotism. In 1929, nearly 700 biographies were published in the United States, and the first dictionary of American biography appeared. The decades of the 1920s witnessed a biographical and memoir “boom”.

A **memoir** is a piece of autobiographical writing, usually shorter in nature than a comprehensive autobiography. The memoir, especially as it is being used in publishing today, often tries to capture certain highlights or meaningful moments in one’s past. As a “focused real life story”, it explores a series of related events that remain lodged in memory. The writer’s contemplation of the meaning of these events is retrospect. Its narrative structure is a more personal reconstruction of the events and their impact though includes many of the usual elements of storytelling such as setting, plot development, imagery, conflict, characterization, foreshadowing and flashback, and irony and symbolism. The memoir

genre form often acquires a fictional quality, a fictional feel or read-ability to the story, even though the story is true. In his introductory section, “*Writing and Remembering*” for the book *Inventing the Truth: The Art and Craft of Memoir* (1987), W. Zinsser mentions that “memoir” was defined as some portion of a life. Unlike autobiography, which moves in a dutiful line from birth to fame, omitting nothing significant, memoir assumes the life and ignores most of it. The writer of a memoir takes us back to a corner of his or her life that was unusually vivid or intense – childhood, for instance – or that was framed by unique events. By narrowing the lens, the writer achieves a focus that isn’t possible in autobiography; memoir is a window into life” [6. P. 21]. A. Dillard emphasizes the notion of memoir as an account crafted to express an idea, part of a genre she calls “literary non-fiction”: “... non-fiction accounts may be literary insofar as the parts of their structures cohere internally, insofar as the things are in them for the sake of the work itself, and insofar as the work itself exists in the service of idea” [6. P. 73]. A. Dillard says that she writes memoir to fashion a text, and the act of writing an event often takes more time than the event itself. She compares writing to taking care of a baby. You don’t take care of a baby out of will-power; you do it out of love. It’s the same, she says, with writing. Most, though, would probably agree with some of Zinsser’s generalizations: “A good memoir is also a work of history, catching a distinctive moment in the life of both a person and a society” [6. P.22]; “Ego is at the heart of all the reasons why anybody writes a memoir, whether it’s a book or a pamphlet or a letter to our children. Memoir is how we validate our lives” [6. P. 24]; “One central point emerged: the writer of a memoir must become the editor of his own life. He must cut and prune an unwidely story and give it a narrative shape. His duty is to the reader, not himself” [6. P. 24]. Many authors point out that the hardest thing about writing memoir is not deciding what to put in, but what to leave out. Other scholars would not agree with Zinsser about the distinction between autobiography and memoir; most use the two terms synonymously. According to J. A. Cuddon, both memoir and autobiography may be largely fictional: “Memory may be unreliable. Few can recall clear details of their early life and are therefore dependent on other people’s impressions, of necessity equally unreliable. Moreover, everyone tends to remember what he wants to remember. Disagreeable facts are sometimes glossed over or repressed, truth may be distorted for

the sake of convenience or harmony and the occlusions of time may obscure as much as they reveal” [7. P. 68].

The English novelist Anthony Powell considers that memoirs can never be wholly true, since they cannot include every conceivable circumstance of what happened. The novel can do that. Good memoirs are about everyday things, but they are interesting, sometimes just as interesting to read as a good novel, and even on a higher emotional level. A vivid example is “*The House by the Dvina. A Russian Childhood*” (1984) and “*The Dvina Remains. A Family Memoir*” (1996) by Eugenie Fraser, an English writer of Russian-Scottish origin [8]. Her unique and moving account of life in Russia before, during and immediately after the Revolution is the fascinating story of two families, separated in culture and geography, but bound together by a Russian-Scottish marriage. It includes episodes as romantic and dramatic as any in fiction. The hardships the family survived against all the odds are evoked with an intensity which transcends the years. The reader shares the family’s suspense and concern about the fates of its members.

In the last decades autobiography has been one of the most popular literary genres, and its definition and scope has frequently reformulated. Categories such as “creative confessional criticism”, “new belletrism”, “personal autobiographical criticism”, “historiographic biographical metafiction” indicate the appearance of autobiographical “*I*” in places that it has not appeared previously. There are two contrary but complementary impulses detectable in the postmodern experimental autobiography: one towards documentary objectivity, and the other towards the recognition of perspectivism. The author provides multiple perspectives on an intricate series of relationships in a community by means of a diversity of narratives, including third-person and first-person narratives, letters, journals and parts of an inset novel of a character. The reader’s understanding of both character and event is subject to revision in the light of new information and perspectives, making the work what has been described as ‘a game of mirrors’.

Postmodernist autobiographical writings emphasize the simultaneous availability of many forms; including imitation and pastiche, and the sense that fictionality is an attribute of forms other than fiction, such as history and the social sciences. They employ documents, statistics, photographs, in an attempt to create a non-fictional novel. This aspiration is paralleled in the documentary style, the plots structured around news items, press-

cuttings, even cartoons. A highly original collage, or bricolage is a quality of postmodern autobiography, it actively challenges and breaks open the novel form. The striking instance of meta-fictional gesture of frame-breaking is Ihab Hassan's *Out of Egypt. Scenes and Arguments of an Autobiography* (1986). This alternative form of personal writing – what some call “an imaginative study” [9. P. 118] – is not a precise chronological complete story of his own life, but a hybrid combination of scholarly criticism, and memoir proper along with brief selections from the diary, short scenes and episodes of the present historical moment, journalism, essays, interludes, quotations of books by other writers, all “in fragments, ... in slips of memory, scraps of scenes and arguments of a life time, re-remembered like the scattered Osiris” [10. P. IX]. As a genre, postmodern autobiography “is a succession of displacements, and adaptations to various times and selves, ... a transgressive form” [11].

The question arises why the various forms of self-writing and life-writing are nowadays so universally fascinating and enticing for both their authors and readers? What could possibly account for the intensity of this preoccupation with private sphere? Evidently, family writing is a means of self and social growth, and development of insight, and shows how identity develops within social and cultural contexts and constraints. We could find various answers in numerous companions on the writing of biography and memoir and exploring the craft of memoir. Some viewpoints sound as a kind of paradox. For example, In *The Art of Literary Biography* (1995), John Worthen comments: “The fact that we *want* an emergent sense of the inevitable development suggests the enormously soothing quality which biographies have come to have in our age. Not only do biographies suggest that things as difficult as human lives can – for all their obvious complexity – be summed up, known, comprehended: they reassure us that, while we are reading, a world will be created in which there are few or no unclear motives, muddles decisions, or (indeed) loose ends” [12. P. 231].

While pondering on the specific properties of the biographical genre structure, Helen Mann wrote: “It seems to me that both the autobiography and the biography, as recognized genres of writing, have pretty strict rules regarding composition, but memoirs, (especially as currently understood over here – about which more later), are a subset of autobiographical/biographical writing with few or no rules at all. And because there are no rules, there are few or no expectations – other than that the writer be interesting or entertaining. Current readers here in the

US, (and I must emphasize that I am talking about the huge differences between readers of popular, as opposed to quality fiction – none of my remarks apply to the readers of Thomas Pynchon, Don DeLillo or Jonathan Franzen!), enjoy reading about other people’s lives and experiences – often as a way of validating their own lives and experiences.

So I suppose I am trying to write what I might best describe as “**creative non-fiction**”. The story is true, the people are real, the events are factual but I wasn’t there. I am re-telling the story on the basis of stories told to me, history I have read, places I have visited – I am walking the streets and breathing the air, but obviously I wasn’t there at the time. I know, (or thought I did till I started working on this project), the people involved, and can hazard educated guesses at their reactions to circumstances. I can try to imagine their feelings in certain sets of circumstances, but again I cannot, for example, even begin to imagine my grandmother’s long period of coming to terms with the fact that her husband was gone, that she would never know what happened to him, how and where he died, where, (or even if), he was buried.

Gore Vidal, in his own memoir, *Palimpsest* (1996), gives a personal definition - “a memoir is how one remembers one’s own life, while an autobiography is history, requiring research, dates and facts double-checked” [13. P.3], and that seems to me to be as useful a definition as any. I am currently calling it a “memoir” as in it I am using both the narrative techniques of a biography as well as elements of the tone and style of fiction writing. Second, the wide variety of different memoirs is currently engaging US readers; and this issue almost deserves a book unto itself! Recently, a multitude of creative writers have had their attention caught by the idea of a “memoir”. And “memoirs” have become big sellers in the book industry, even at a time when there is a lot of hand-wringing about the decline of the printed word – in 2008, according to Publishers Lunch newsletter; “memoirs” surpassed debut novels in publishing acceptance. So what are these “memoirs”? Roughly and generally speaking, they are stories about people who have overcome difficult situations and/or circumstances, (poor living conditions, abuse, addiction, etc), and gone on to achieve some measure of success. They are meant to give readers a positive message in that anything can be overcome – in the past authors took these stories and turned them into novels; today the line between “fiction” and “memoir” has become blurred, (and there are occasional scandals when a particularly juicy “memoir” purporting to be

“truth” has turned out to be mostly fiction!). Of course, the best-sellers are written by “celebrity” writers, leading some critics to complain that many “memoirs” are no different from reality TV, but are in fact no more than embellished stories that only amaze their readers because they are marketed as nonfiction.

In a way, this current interest is expanding the availability of memoirs – gone are the days when “literary” writers only were considered worthy of note. Now broadening public interest, has coincided with a greater output on the part of writers, (and would-be writers), and a whole new world, (or a greatly expanded old world), has opened up. “Creative non-fiction”, based on true stories, and personal accounts, written in a creative, fictional tone, while maintaining realism in the writing, is enjoying continuing success. “Memoir writing” as a distinct genre of creative non-fiction has gained popularity - with the general public enjoying this form of narrative, real-life experience. The sub-genre, which derives its name from “memory” or “reminiscence”, takes readers on a voyage during which they experience the perspective of the author, and frequently the journey is one of self-discovery, or that is therapeutic, and thus is one with which the reader can relate [14].

A sidebar to this entire discussion is that of increasing means of self-publication. As the intersections of publication and marketing are broadening thanks to the Internet, more and more people feel that the possibility of recording personal history has become totally viable. A self-published book, once sneered at as “vanity publication”, has become an occasional, (but increasing), phenomenon as word of mouth, via Internet marketing, has ensured a small but growing readership for such works”.

There are some other points on which we would like to expand, as Helen Mann’s “creative non-fiction memoir” has intended the research of her family history considered an integral component of the biographical genre structure.

Generally speaking, **family history** is the systematic narrative and research of past events relating to a specific family. While genealogy is the convenient label for the field, family history is the over-arching term, since genealogy in the strict sense is only concerned with tracing unified lineages. Genealogical data can be represented in several formats, for example as pedigree or ancestor chart. Family trees can have many themes. One might encompass all direct descendants of a single figure, or all known ancestors of a living person. Other sectors of family history, such as

one-name studies, may emphasize biography rather than vital data. Forms of entire family history research include an historic person's descendancy to the present, using archival records, as well as one-name studies – an investigation of all persons with a common surname, and one-place studies – population histories, and thus family social and economic history telling the story of a family's place in society or economic achievements using oral/written records, or inferring information from historical sources [15].

Unlike related forms of micro-history, such as corporate histories or local studies, family history research begins with only an approximate notion of the extent of the entity – the extended family – and never fully defines it, since the early origins of all families become invisible in old historical times. Until the late 19th century, family histories were almost exclusively of interest to persons who had obtained their wealth or rank by inheritance. Other people, who had inherited nothing, might, in extreme cases, suppress their family history as a matter of shame. In societies such as the United States, there was by the 20th century growing pride in the pioneers and nation-builders. Establishing descent from these was a concern in groups such as the daughters of the American Revolution, and helped differentiate those descendants from later immigrants with lower status. Some family historians tended to emphasize instead how family history could contribute to learning and science.

As many of 20th-century sources remained unavailable to the public on the privacy grounds funding of support for family history at archives was limited. Modern family history explores new sources of status, such as celebrating the resilience of families that survived generations of poverty or slavery, or the success of families in integrating across racial or national boundaries. The growing interest in family history in the media coupled with an easier access to online records has allowed people with a curiosity to start to investigate their ancestry. This curiosity can be particularly strong due to lost family histories or, through bereavement, immigration, etc.

In the narrow sense of the term, a family history is a biography of a single family over several generations, based on a tested genealogy and fleshed out with the fuller story of the family's place in society, the dramas of its achievements or failures and its acquisition or loss of wealth and rank. Such a study mainly draws an oral history for the recent period and archival records for the period beyond living memory. Where an individual's own story is unknown, much can be inferred from other literature. For example, a single serviceman's experiences can be inferred

from the history of his military unit, a businessman's career – from tax records, a migrant's journey - described from the diaries, private notes, confessions of his fellow travellers and companions.

Conclusion

The conducting of family history research is a complex versatile process. To create it one must search out and make a careful study of a great variety of records, such as Baptism or christening records, birth certificates, death and cemetery records and tombstones, marriage and military records, apprenticeship records, property records and contemporary maps, census records, Coroner's reports, wills and probate records, public records – Social Security records (in the U.S.), Poor Law records (in the UK), registers of electors, newspapers – both news items and advertisements; diaries, personal letters, family Bibles, scrapbooks, portraits and drawings, earlier family histories, etc. But most of these records include only technical details of a person's life, such as their birth date, whom they married, the jobs they did, and so forth, but they contain very little about the persons themselves, their personality and identity, their likes, dislikes, hopes and dreams. These personal details can only be gleaned by more detailed research, and the use of social history, journalism, documentary. Once published many family histories might also be an abundant source of illustration and allusion and become useful historical records in their own right.

These qualities are characteristic of Helen Mann's "creative non-fiction family memoir". Though not complete as yet, the book is already a fine pattern of a modified hybrid genre structure. The inner private history of a certain Russian family over several generations is set in a solid frame of the general dramatic history of two and a half centuries. The author thoroughly wipes off the blank spaces of the past times and adds a vivid page to the history of social, political and cultural development of different places and various countries. Hopefully the book by Helen Mann will be a genuine contribution to the Nizhny Novgorod local lore and regional studies. Her family history is created not as just a memorial for the deceased but is written to be passed to the next generations, and thus manifests the link between the present day and the future.

References

1. Olney J. *Memory and Narrative: The Weave of Life Writing*. Chicago: The University of Chicago Press, 1998. 326 p.; Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. 415 с.
2. Barros C. A. *Autobiography: Narrative of Transformation*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Pr., 1998. 380 p.; Buckley J. H. *The Turning Key: Autobiography and the Subjective Impulse Since 1800*. Cambridge: Harvard Univ. Pr., 1984. 402 p.; Lejeune P. *On Autobiography*. Minneapolis: Univ. of Minneapolis Pr., 1988. 168 p.; Pascal R. *Design & Truth in Autobiography*. Cambridge: Harvard Univ. Pr., 1960. 295 p.
3. Griffith K. *Writing Essays About Literature: a Guide and Style Sheet*. Univ. of North Carolina, Wadsworth Publishing Comp., 2004. Pp. 177-178; Guerin W. L. *A Handbook of Critical Approaches to Literature*. University of Michigan: Oxford Univ. Press, 2005. Ed. 5. P. 51, 57-61.
4. Casper S. E. *Constructing American Lives: Biography and Culture in Nineteenth-Century America*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1999. 130 p.; Cockshut A.O. *The Art of Autobiography in the Nineteenth Century England*. Yale: Yale University Press, 1984. 279 p.
5. Stone A. E. *Autobiographical Occasions and Original Acts*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Pr., 1982. 98 p.; Edel L. *Writing Lives: Principia Biographica*. Norton, 1987. 220 p.; Pachter M. *Telling Lives: The Biographer's Art*. New Republic Books, 1981. 157 p.
6. Zinsser W. *Inventing the Truth: the Art and Craft of Memoir*. Houghton Mifflin Company, 1987. 166 p.
7. Cuddon J. A. *A Dictionary of Literary Terms and Literary Theory*. Cambridge, MA: Blackwell Reference, 1993. Third Ed. 1124 p.
8. Fraser E. *The House by the Dvina. A Russian Childhood*. Lnd.: Corgy Books, 1984. 336 p.; Fraser E. *The Dvina Remains. A Family Memoir*. Lnd.: Corgy Books, 1996. 221 p.
9. Klinkowitz J. *Rosensberg, Barthes, Hassan*. Athens, Georgia: Georgia University Press, 1986. – 181 p.
10. Hassan I. *Out of Egypt. Scenes and Arguments of an Autobiography*. Illinois: Southern Illinois University, 1986. 230 p.
11. Luca I. *Ihab Hassan, Edward Said – Autobiography and the Critical Discourse* // Электронный ресурс Интернет: http://www.e-scoala.ro/limbi-straine/ihab_hassan.html
12. Worthen L. *The Necessary Ignorance of a Biographer* // *The Art of Literary Biography*. Oxford: Clarendon Press, 1995. Pp.227-244.
13. Vidal G. *Palimpsest. A Memoir*. US Random House: Penguin Books, 1996. 302 p.

14. Lies and Consequences: Tracking the Fallout of Another Literary Fraud //New York Times, 2008-03-05. P. B1; A Family Tree of Literary Fakers // New York Times,2008-03-08. P. A17; What Does It Mean to Write a memoir? //Электронный ресурс Интернет: <http://www.suite101.com/content/what-does-it-mean-to-write-a-memoir-a96798>; Rosenwald G. C., Ochberg R.L. *Storied Lives: The Cultural Politics of Self Understanding*. Yale University Pr., 1992. 84 p.

15. Field D. M. *Step-by-step Guide to Tracing Your Ancestors*. Lnd.: Hamlyn, 1982. 103 p.; Hey D. *The Oxford Companion to Local and Family History*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 226 p.

Сведения об авторах

Helen M. Mann (Хелен М. Манн)
University Houston, Texas
1800 Woodhead
Houston, Texas 77019 USA
E-mail: mannhelen1@gmail.com

Наумова Ольга Анатольевна
кандидат филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы и
теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: zarub@lunn.ru

УДК 821.111:820(091)

ЭДЕМ КАК ОСНОВНОЙ ХРОНОТОП ПОЭМЫ ДЖОНА МИЛЬТОНА «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ»

М.Ю.Соколова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В поэме «Потерянный рай» Мильтон заимствует библейский сюжет и образ библейского сада, но для описания Эдема обращается к античному жанру пасторали и соединяет античную и христианскую традиции. Пасторальная идиллия заканчивается после грехопадения человека, но функции «христианской пасторали» распространяются намного дальше. Утраченная пасторальная гармония Эдемского сада может быть восстановлена через обретение внутренней гармонии человеческой души, то есть христианского внутреннего рая.

Ключевые слова: пастораль, идиллия, античное искусство, традиция христианской литературы, христианская пастораль.

Eden's Time and Space in «Paradise Lost» by John Milton Marina Sokolova

John Milton takes both the plot of his «Paradise Lost» and the idea of the garden from the Bible but employs the classic pastoral genre to describe his Eden, thus bringing together the Greco-Roman and Christian literature traditions. The pastoral idyll is broken by the Fall, but the Christian pastoral genre survives and points to the potential future where the lost idyllic harmony of Eden can be recovered personally, through achieving inner harmony in the Christian “inner paradise”.

Key words: pastoral, idyll, Greco-Roman tradition, Christian literature tradition, Christian pastoral.

Описание райского сада, или Эдема, занимает важное место в поэме Джона Мильтона (John Milton, 1608-1674) «Потерянный рай» («Paradise Lost», 1667). Эдем находится в центре вертикали мироздания и в центре космической системы, которую рисует автор. Образ Эдема заимствован из Библии, и, как в Библии, здесь происходит главное событие – соращение Сатаной первого человека. Композиционно в центре повествования также оказывается рассказ о грехопадении Человека и утрате рая. То есть, райский сад «Потерянного рая» представляет собой некий пасторальный оазис нетронутой грехом природы и «является результатом гармонического единства всей твари в ее непосредственном общении с Богом и

воплощает идеал, который после грехопадения был навсегда утрачен» [1. С.615].

В поэме «Потерянный рай» Мильтон заимствует библейский сюжет и образ библейского сада, но для описания Эдема обращается к античному жанру пасторали, то есть соединяет античную и христианскую традиции. Синтез античного и христианского является не случайным для творчества поэта и заслуживает отдельного рассмотрения. На значимость пасторального элемента в поэме Мильтона «Потерянный рай» обращали внимание такие исследователи творчества поэта, как Р.М. Самарин, А.А. Чамеев, А.Н. Горбунов, В.Н. Ганин, Е.М. Tillyard, G. Campbell, A.D. Ferry, D. Saurat, R.M. Frye, R.M. Myers, F.T. Prince. Они отмечали, что пастораль является не просто вставным элементом в поэме «Потерянный рай», но занимает центральное место и имеет особые черты. Тем не менее, однозначного ответа на вопрос о месте и роли пасторали в эпическом повествовании Мильтона до сих пор не существует.

Обращение к пасторальной технике не является только особенностью поэмы «Потерянный рай», это одна из важных черт всего творчества Мильтона. Эволюцию пасторального элемента можно проследить уже в раннем творчестве поэта: в сонете «К соловью» («To the Nightingale»), в диптихе «Веселый» («L'Allegro») и «Задумчивый» («Il Penseroso»), в траурной элегии «Люсидас» («Lucidas»), пьесах-масках «Комус» («Comus») и «Аркадцы» («Arcades») (прим. 1).

Темой сонета «To the Nightingale» («К соловью») служит верование сельского люда, что услышать весной соловья прежде кукушки есть признак успеха в любви. Пасторальный элемент в диптихе «L'Allegro» и «Il Pensero», которые являются знаковыми образцами английской идиллической поэзии, проявляется уже на уровне имен (Corydon, Thyrsis, Phillis, Thestylis) и обозначает «зависимость представленных картин от пасторальной традиции» [2. С.125]. В пьесе-маске «Комус» основные «борющиеся начала не Бог и Сатана, не Грех и Добро, а Хаос и мудрый закон Природы, Комус и Дух, позже в поэмах эта доктрина будет изложена в системе библейско-христианских образов» [3. С.103].

Стихотворение в университетский сборник на смерть одного из студентов Эдварда Кинга Мильтон называет «Люсидас» и выбирает

для него жанр пасторальной элегии. Таким образом, христианская тематика стихотворения подается на фоне античных декораций. А.Н. Горбунов считает, что октава в финале элегии «как бы знаменует собой завершение поиска молодого поэта, его отход от пасторальной и обращение к эпической традиции, в которой были созданы его поздние произведения» [4. С.595].

Ранее творчество Мильтона по праву считается подходом к поэме «Потерянный рай». Важно отметить, что пасторальные мотивы у Мильтона уже в раннем периоде творчества усложнены и нагружены христианскими смыслами.

Сам факт соединения античного и христианского в жанре пасторали не является нововведением Мильтона как таковым. Здесь он выступает скорее как наследник литературной традиции. В.Н.Ганин считает, что в «Потерянном рае» «в описании Эдемского сада и жизни первых людей влияние буколической поэзии достаточно ощутимо» [2. С.127], но в этом нет ничего удивительного, так как «помимо идеи о золотом веке, идея утраченного рая и Эдемского сада сыграли значительную роль в формировании западноевропейской пасторали» [2. С.127].

Корни пасторальной традиции восходят к античной литературе, и для литературной пасторали исходной жанровой формой является идиллия – произведение, написанное гекзаметром, или другим размером, соотносимым по своему значению с гекзаметром (для новоевропейских языков), представляющее законченную картину, включающее авторское описание и монолог персонажа (прим. 2). Место действия пасторали – это «приятное место», *locus amoenus*; пасторальное время – это природное время смены времен года, обычно дневное время, ограниченное сменами дня и ночи.

К периоду поздней античности границы пасторали расширяются до общего обозначения идеализирующих описаний и восхвалений скромной сельской жизни. В английской литературной традиции термин «пастораль» («*pastoral*») оказался самым употребительным. Слово «*pastoral*» отсылает к древнему жанру, а также в английском языке это слово является омонимом слова «*pastoral*» - «пастырский» и указывает на то, что новоевропейская пастораль формировалась, вбирая в себя не только античные, но и христианские мотивы и заимствовала образы из Библии и богослужебных текстов.

Появление пасторальных образов в богослужебных текстах связано с историей возникновения псалма. Автором первых псалмов считается Иудейский царь Давид, который до помазания на царство был пастухом. Юноша был «белокур, с красивыми глазами и приятным лицом» (1 Цар. 16: 12), он играл на арфе и сочинял боговдохновенные песни.

Образ христианского царя-пастуха Давида во многом определил содержательную близость царя и пастуха в новоевропейской пасторали. Царь – помазанник Божий – рассматривается как некое связующее звено между Богом и человеком, то есть как пастырь, принимающий на себя миссию посредничества между Богом и людьми. И пастух, и царь мыслятся как центры пересечения разных сфер бытия и наделяются в силу этого космологическими смыслами.

Образ пастуха и стада – один из самых распространенных библейских образов, выражающих отношение верующих (словесных/разумных овец) к Богу, как к Своему заботливому Пастырю. Подобный образ часто встречается в Ветхом Завете (Ис. 22: 1-2; 78:13; Иер. 23:1-2) и Новом Завете (Мф. 10. 6; 18: 12-13; Ин. 10:1). Поэтому Богородица часто именуется «двором словесных овец» (в акафисте Божией Матери «Взбранной Воеводе»), ибо от Нее родился Христос-Пастырь, через Которого человек входит в Церковь, как во двор овчий.

В Священном Писании Господь Иисус Христос неоднократно называется Агнцем (Ин. 1:29; ср. Ис. 53:7; 1 Петр. 1:19; ср. Апок. 5:6), а также и Пастырем (Ин. 10:11 – 14; ср. Ис. 40:11; Евр. 13:20). Наименование Христа Агнцем и Пастырем выражает два аспекта служения Иисуса Христа: как Агнец Он приносим в жертву, и, как Бог, Он есть Пастырь, пасущий, то есть питающий и оберегающий верующих, как Своих овец.

В богослужебных текстах самыми частотными являются такие пасторальные образы, как чистый источник, горы, леса, волк, овцы, агнец, пастбище. Для религиозной сферы характерно сближение образа Пресвятой Девы с нивой и раем. Слово «рай» в греческом оригинале буквально означает луг – символ растительного изобилия. Райская земля (Быт. 2:8) была девственной и через Боговоплощение (значит через Богородицу) человеку дается возможность питаться на «лугу, изобилующем благами».

Образ сада является постоянным в религиозных хвалебных жанрах и в гимнографии. В применении к Богородице и святым часто упоминается о саде «огороженном», так как ограда ассоциировалась со спасением, изолированностью от греха, нетронутостью, непорочностью.

Идея закрытости, «изолированности от греха», легла в основу представления о саде, как о земном рае, что нашло воплощение, в частности, в садовом искусстве. Д.С. Лихачев отмечал, что вплоть до XIX века сад понимался как подобие Вселенной, как «книга, по которой можно «прочитать» Вселенную. Вместе с тем сад – *один из топосов* Библии, ибо и сама Вселенная – это как бы материализованная Библия. Вселенная – своего рода текст, по которому читается божественная воля. Но сад – книга особая: она отражает мир только в его доброй и идеальной сущности. Поэтому высшее значение сада – рай, Эдем» [4. С.24].

В поэме «Сады» (1782) Жак Делиль, французский поэт XVIII века, пишет, что в «Потерянном рае» Мильтон заложил основу ландшафтного сада (прим.3): «идею иррегулярных садов поддало его (*Мильтона*) прекрасное описание земного Рая и некоторые отрывки из Спенсера» [5. С.31]. Д.С. Лихачев считает сад в поэме «Потерянный рай» примером зародившегося в то время пейзажного парка: «Естественный» садовый пейзаж прообразовал всех садов – рай описан еще в четвертой книге «Потерянного рая» Мильтона: серпантинные линии, натурально текущие ручьи, естественные озера, холмы и долины, свободный рост деревьев, свет и тень, открытые луга, контрастные виды» [4. С.192].

В описании Эдема в поэме «Потерянный рай» Мильтон соединяет античную и христианскую традиции в литературе, усложняя «естественное» и непосредственное восприятие мира глубокими христианскими смыслами, а также использует новейшие техники живописи и архитектуры для достижения максимальной реалистичности восприятия.

Упорядоченный мир райского сада предстает как образец Божественного миропорядка и символизирует внутренний мир человека и внутренний рай, к обретению которого стремится каждый христианин. Мир Природы и гармонии противопоставляется Хаосу, символизирующему стихийное или адское, и является центром

Вселенной и центром мироздания. Образ сада в поэме «Потерянный рай» имеет глубокие философские и художественные смыслы.

Наиболее исчерпывающее определение роли и места пасторального сада в поэме «Потерянный рай» позволяет дать теория «хронотопа» М.М. Бахтина. Хронотоп («времяпространство») представляет собой специфический художественный феномен, это «формально-содержательная категория литературы», которая характеризуется слиянием примет времени и пространства в «осмысленном и конкретном целом» [6. С.9-10]. М.М. Бахтин не был единственным исследователем, который изучал категории пространства и времени в литературе и рассматривал их в совокупности, но в его теории хронотоп рассматривается как категория поэтики и как жанровоопределяющая категория.

В райском саду живут Адам и Ева – единственные персонажи, принадлежащие материальному миру и не являющиеся сверхъестественными существами. Адам и Ева способны существовать только в пределах Эдема. Их жизнь в райском саду связана с трудом, едой, питьем, любовью и определяется временем суток, то есть циклической сменой дня и ночи, что придает райскому саду черты идиллического хронотопа по классификации М.М. Бахтина. Райский сад является в поэме единственным местом, где пространство и время становятся понятными и значимыми для Адама и Евы, то есть очеловеченными.

Рай и его обитатели находится в самом центре мироздания, в мире идеальной природы и в гармонии с ее Создателем. Райский сад имеет внешнюю границу, которую приходится преодолеть Сатане, он окружен стеной, что напоминает монастырские сады, отгороженные от внешнего греховного мира [4].

Неспособность человека мыслить за пределами пасторального хронотопа подчеркивается наставлением архангела Рафаила Адаму об ограниченности человеческого знания: «heave'n is for thee too high / To Know what passes there; be lowly wise: / Think only what concerns thee and thy being; / Dream not of other worlds, what creatures there / Live, in what state, condition, or degree, / Contented that thus far has been reveal'd / Not of earth only, but of highest heav'n» [7. С.249].

Эдем оказывается закрытым внутренним миром, местом, куда стремится попасть Сатана, и местом, где произойдет основное событие поэмы. В произведении существует еще один мир, внешний

по отношению к Эдему. В этом внешнем мире происходит бунт Сатаны, низвержение ангелов, диалоги Бога-отца с Богом-сыном, предсказание падения прародителей и спасительной жертвы Христа.

Центральные части поэмы «Потерянный рай» посвящены описанию событий, предшествующих Сотворению человека, описанию самого акта Творения и результатов этого творения – положению и роли Человека в мироздании, что делает основное событие поэмы – утрату рая – включенным в общий ход «истории», а само произведение «Потерянный рай» геоцентричным, или Эдемоцентричным.

Описание Эдема дается в четвертой книге «Потерянного рая», но на значимость пасторального мира в поэме косвенно указывают описания Природы во всем тексте произведения. В первой и второй книгах Хаос противопоставляется миру Природы, и Природа понимается как символ гармонии и порядка. В книге четвертой Сатана поражен видом райского сада, и красота Природы и пасторальная гармония рождают в нем раскаяние: «Now conscience wakes despair // That slumbered, wakes the bitter memory // Of what he was, what is, and what must be // Worse; of worse deeds worse sufferings must ensure». Книга седьмая повествует о сотворении мира Словом Божьим в течение шести дней, однако на седьмой день творения вместо слова звучит музыка, характерная для пасторального мира: «As resting on that day from all his work; // But not in silence holy kept; the harp // Had work, and rested not; the solemn pipe // And dulcimer, all organs of sweet stop, // All sounds on fret by string of golden wire, // Tempered soft tunings, intermixed with voice // Choral or unison; of incense clouds, // Fuming from golden censers, hid the Mount».

Главное событие поэмы – борьба добра и зла, греха и добродетели – происходит в душах людей, то есть вечно и везде, вне времени и вне пространства. Сад в поэме «Потерянный рай» не только соединяет античную и христианскую литературную традицию, но и впитывает современные автору тенденции развития искусства. На фоне пасторального хронотопа осуществляется синтез эпох и сюжетов: пасторальная идиллия заканчивается после грехопадения человека, но функции «христианской пасторали» распространяются намного дальше. Утраченная пасторальная гармония Эдемского сада может быть восстановлена через обретение внутренней гармонии

человеческой души, то есть христианского внутреннего рая (paradise within).

Примечания

1. Имеется в виду периодизация творчества Мильтона, предложенная Р.М. Самариним. Автор выделяет ранний и гортонский периоды творчества поэта (до 1640 г.), средний период (1642-1660 гг.) и последний период, или период крупных эпических произведений (после 1660 г.). См.: Самарин Р.М. Творчество Джона Мильтона. М.: Издательство Московского университета, 1964. 485 с.

2. «Пастораль», «идиллия», «буколика», «эклога» - понятия во многом синонимичные, различия между которыми не вполне очевидны и часто определяются произвольно. Родоначальником пасторали как жанра считается греческий поэт Феокрит, в римской литературе началом пасторали считается творчество Вергилия. Феокрит назвал свои поэтические произведения «идиллиями» (греч. Eidos), что означает «картинка» или «песенка», Вергилий – «эклогами» или «избранными песнями», а позже отозвался о своем первом сочинении как о «*carmina pastorum*» («пастушеской песне»), откуда и возник термин «пастораль». См.: Античная литература / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1986. С. 210-215.

3. В XVII веке сады стали приобретать особое мировоззренческое значение и начали противопоставляться как «природа» созданию человеческих рук, человеческой культуре. Возникает особый вид садово-паркового искусства – пейзажный парк (нерегулярный сад, ландшафтный сад). См.: Лихачев Д.С. Поэзия садов. М., 1998. 344 с.

Библиографический список

1. Горбунов А.Н. Поэзия Дж. Мильтона (от пасторали к эпосе) // Джон Милтон. Потерянный рай, Возвращенный рай и другие поэтические произведения. М.: Наука, 2006.
2. Ганин В. Н. Поэтика пасторали. М.: МПГУ им. В.И. Ленина, 2007.
3. Самарин Р.М. Творчество Джона Мильтона. М.: Издательство Московского университета, 1964.
4. Лихачев Д.С. Поэзия садов. М.: Согласие, 1998.
5. Делиль Ж. Сады. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1987.
6. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000.

7. Milton J. The poetical works of John Milton. London and New York: Frederick Warne and Co., 1889.

Сведения об авторе

Соколова Марина Юрьевна
ассистент кафедры второго иностранного языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: horseshoe@inbox.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.681:141.1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Б.А. Жигалев

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье обосновывается актуальность разработки современных теоретико-методологических основ оценки качества образования в лингвистическом вузе. Представлен краткий обзор основных направлений в изучении проблемы качества образования и его оценки, указаны противоречия и недостаточно изученные аспекты данной проблемы, обозначено проблемное поле в сфере методологии оценки.

Ключевые слова: качество образования, оценка качества образования, концепция оценки.

Topical Issues of Theory and Methodology of Quality Evaluation in Professional Education at Linguistics Schools of Higher Education

Boris Zhigalev

The article argues for the importance of developing a modern theoretical and methodological basis for quality evaluation of education at linguistics schools of higher education. The author provides a summary of major research trends in the area of education quality and its evaluation, points out contradictions and insufficiently investigated areas of the problem, and brings into focus topical issues in the sphere of evaluation methodology.

Key words: education quality, education quality evaluation, evaluation concept.

В последние десятилетия вопросы качества занимают одно из центральных мест в дискуссиях о высшем образовании. Необходимость реформ в образовании неоспоримо вытекает из кардинальных изменений общественной жизни, которые предъявляют новые требования к личности, но не находят пока полноценного отражения в системе образования. Достижение более полного соответствия между изменениями в системе образования, социально-

экономическими реалиями и потребностями личности – главный источник обеспечения востребованности качественных образовательных услуг. Об этом, в частности, свидетельствуют положения Концепции национальной политики России в области качества продукции и услуг (2002), где подчеркивается, что XXI век для нашей страны должен стать веком качества во всем, начиная с производства продукции и качественных услуг, вплоть до обеспечения достойного качества жизни людей.

Потребность в реформировании образования нашла отражение в важнейших нормативно-правовых документах, определяющих образовательную политику Российской Федерации («Национальная доктрина образования Российской Федерации до 2025 г.», «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года», «Федеральная целевая программа развития образования на 2006 - 2010 годы» и др.).

В данной статье обосновывается актуальность разработки современной методологии оценки в области качества образования в лингвистическом вузе.

Существенным фактором, детерминирующим процессы обновления системы отечественного профессионального образования, является международное сотрудничество в области формулирования понятия и определения параметров качества образования. Основная идея разработки современных моделей качественного образования связана с ориентацией на вхождение России в единое европейское образовательное пространство. По определению «Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века», принятой в 1998 г. ЮНЕСКО, качество в сфере высшего образования рассматривается как многомерная концепция, которая должна охватывать все его функции и виды деятельности. Об этом идет речь в Саламанкском соглашении вузов Европы (2001), Коммюнике европейских министров образования (Прага, 2001), Берлинской декларации (2003), Бергенской декларации (2005) и в др. документах. Европейская Ассоциация университетов признает качество основным фактором конкурентоспособности, привлекательности и мобильности высшего образования. Провозглашенное Болонской декларацией повышение качества всей европейской системы высшего образования как одной из главных целей его реформирования свидетельствует о глобальном

характере данной тенденции и необратимости процессов его модернизации.

В соответствии с требованиями модернизации и реформирования отечественного образования качественно изменяется представление о вузе как институте образования – меняется характер его связей с государством, интенсифицируется инновационная деятельность, осуществляется диверсификация вузовского образования. В русле положений Болонского процесса, в соответствии с принципами университетской автономии ответственность за обеспечение качества высшего образования в первую очередь возлагается на сами учебные заведения и, таким образом, создается база для реальной ответственности вуза за качество профессионального образования. Это диктует необходимость реализации каждым вузом механизмов гарантии высокого качества образования, включающих планирование качества, управление качеством, обеспечение качества, улучшение качества, оценку качества. Таким образом, оценка качества является существенным компонентом системы гарантии качества образования в вузе.

В современных условиях, когда повышение качества высшего образования стало проблемой государственного значения, закономерно обостряется интерес ученых к вопросам построения системы качества образования в вузе и к оценке качества как существенному элементу данной системы. Об этом свидетельствуют научные исследования и публикации, касающиеся разных аспектов этой проблемы и позволяющие сделать заключение о степени ее разработанности в педагогической науке [1], [2].

Следует отметить исследования концептуально-методологического характера, рассматривающие различные аспекты оценки качества образования, выделяющие различные совокупности показателей и определяющие приоритеты в критериях оценки (В.И. Андреев, Н.Ф. Ефремова, З.Д. Жуковская, В.М. Монахов, М.М. Поташник, Н.А. Селезнева, А.И. Субетто и др.).

Для понимания анализа категории оценки в системе качества имеет значение ее трактовка в контексте проблемы управления качеством образования (В.А. Кальней, Э.М. Коротков, В.П. Панасюк,

М.М.Поташник, Н.А.Селезнева, С.А.Степанов, А.И.Субетто, П.И.Третьяков, Т.И.Шамова, С. Е.Шишов и др.).

Представляют интерес труды в области исследования оценки состояния, изменений и тенденций в образовании, в числе которых предпринят анализ проблем качества образования с точки зрения теории педагогических измерений (В.А.Болотов, В.И.Звонников, Г.С.Ковалева, А.Н.Майоров, Н.Н.Нечаев, О.Е.Пермяков, А.О.Татур и др.).

Пристальное внимание привлекают вопросы стандартизации образования и создания систем менеджмента качества образования (В.И. Байденко, В.А. Исаев, С.И. Колесников, Н.А. Селезнева, В.М. Соколов, Ю.Г.Татур и др.).

Теоретические и технологические аспекты проблемы оценки качества профессионального образования и профессиональной подготовки подвергаются анализу с точки зрения соответствия качества образования и требований рынка профессий к выпускникам вузов (В.И. Андреев, О.Д. Андреева, В.В. Гузеев, Н.А. Кононец, А.К. Маркова, В.Ш. Масленникова, Л.М. Митина, Г.В. Мухаметзянова Г.К. Селевко, М.А. Чошанов и др.).

Разрабатываются положения компетентностного подхода, позволяющие уточнить представления о качестве образования с точки зрения достижения и оценки его результата – сформированности базовых и профессиональных компетенций выпускника вуза (М. Ант, Р. Бадер, И. Баллантайн, И.А. Зимняя, Д. Мертенс, Б. Оскарсон, Л. Страдвик, Х.-Г. Хофман А. Шелтен и др.).

Разработка прикладных вопросов проблемы оценки качества при подготовке обучающихся, создание Национальной системы оценки качества образования связаны с деятельностью Центра оценки качества образования ИОСО РАО, лаборатории аттестационных технологий при Московском институте повышения квалификации работников образования, Федерального центра тестирования, Федерального института педагогических измерений, научной школы Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов.

Анализ состояния проблемы оценки качества отечественного образования на основе научных публикаций позволяет отметить, что она представлена в виде многофункционального феномена,

интегрирующего на междисциплинарном уровне философское, социологическое и экономическое знание в двух направлениях, во-первых, по внешнему социальному качеству как отрасль, обеспечивающая воспроизводство интеллектуальных ресурсов, а во-вторых, по внутреннему институциональному качеству как оценка качества образования в конкретном учреждении. В первом случае используются индикаторы образовательного ценза населения, массовости, доступности и государственности образования, образовательно-интеллектуального качества населения и др.; во втором – индикаторы качества подготовки выпускников, качества содержания образования, кадрового потенциала, материально-технической базы, показатели состояния здоровья и др.

Анализ теоретических и практических аспектов оценки качества образования, представленных в научных публикациях, позволяет констатировать, что в настоящее время созданы научно-педагогические основы для разработки педагогической теории оценки.

Интенсивно развивается новое для педагогики научное направление – квалитология (теория качества), частью которой является теория оценки качества (квалиметрия). Квалиметрия характеризуется как научная дисциплина, изучающая проблематику и методологию количественного и качественного оценивания объектов различной природы [3]. В ее рамках формируется и развивается система методов измерения свойств продукции и оценки ее качества. С точки зрения квалиметрии, «чтобы оценить, нужно измерить». Будучи способом установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта, квалиметрия предполагает неоднозначность толкования понятия оценки как соотношения объекта с принятым критерием, образцом или нормой. Квалитология занимает все более прочные теоретические и практические позиции, квалиметрия представлена в педагогике еще недостаточно.

Являясь ответом на потребность образовательных учреждений в объективной оценке качества их деятельности, квалиметрический подход широко признан в практике обучения с использованием информационных технологий. Он реализуется в научных работах, посвященных проблеме измерений в образовании и относящихся к оценке качества компетенций, которые сформированы в процессе

обучения (В.И.Звонников, О.В.Любимова, О.Е.Пермяков, Т.А.Снигирева и др.).

Среди основных научных проблем квалитологии, требующих решения в области профессионального образования, выделяются следующие: а) совершенствование методов оценки качества результата обучения студентов (продукции) с учетом взаимосвязи условий ее использования и цены потребителя (заказчика или работодателя); б) систематизация свойств и показателей, характеризующих качество (компетенции) конкретных групп продукции (выпускников) с учетом современных требований к качеству и цены потребителя; в) формирование совокупности актуальных задач оценки качества обучения на различных стадиях жизненного цикла продукции (этапах обучения) и обеспечение соответствия методического, информационного и программного наполнения такого цикла этим задачам; г) разработка методических основ оценки полноты и достоверности отражения в сертификатах качества показателей его достижения. В тезаурусе квалитологии, представленном в педагогических публикациях, обнаруживается сходство с тезаурусом экономических наук. Это объясняется как тенденцией к междисциплинарности в исследованиях проблемы оценки качества образования, так и недостаточной разработанностью данной проблемы в педагогической науке.

С точки зрения применяемых способов оценочной деятельности в практике отечественного образования выделяются следующие: экспертиза, диагностика, процессная оценка в соответствии с известными образцами высокого качества (например, модель Европейского фонда управления качеством). Данные способы активно разрабатываются и применяются в вузах для решения конкретных задач, связанных с оценкой качества образования и обучения студентов.

Заметное место в исследованиях последних лет уделяется конкретным видам и методам оценки. Так, получили развитие понятия «психолого-педагогическая экспертиза», «педагогическая экспертиза» и аттестация в образовании. Следует отметить два наиболее широко представленных направления в области изучения педагогической экспертизы: экспертиза инноваций (в основном, в сфере общего среднего образования и незначительно – на других

образовательных уровнях) и экспертиза как предмет подготовки специалистов-экспертов в дополнительном или постдипломном образовании. Практический аспект экспертизы в образовании в виде критериев качества реализован в документах Минобрнауки о государственной аттестации вузов.

В педагогической теории и практике появились разнообразные подходы к оценке качества подготовки обучаемых (учащихся, абитуриентов, студентов и др.). В педагогический процесс образовательных учреждений внедряются новые педагогические технологии контроля знаний, опирающиеся на современные информационные и телекоммуникационные технологии, которые позволяют совершенствовать известные методики и процедуры оценки знаний (компьютерное тестирование).

Таким образом, в педагогической науке сложилась совокупность научно обоснованных представлений об оценке качества образования, позволяющих трактовать ее как существенный компонент системы качества образования в вузе и необходимый механизм гарантии качества. Получили развитие теоретические положения квалитологии образования и квалиметрический подход в оценке его качества, что создает научную базу для дальнейшего изучения проблемы оценки качества в области профессионального высшего образования. В то же время, бытование множества понятий, связанных с оценкой и оценочной деятельностью в практике современного образования свидетельствует о теоретической неопределенности термина «оценка качества образования».

Учреждение высшего профессионального образования представляет собой сложноструктурированную многофункциональную систему, статус которой претерпел изменения в связи с социально-экономическими переменами, произошедшими во всех сферах жизни российского общества и с преобразованиями в методологических подходах к пониманию ее места в социально-культурной системе общества. При этом вузы, являясь элементом целостной системы образования, сохранили традиционное профильное деление, определяющееся направлением подготовки и содержательной доминантой образовательных программ. Таким образом, с точки зрения системного подхода к управлению образованием, оценка качества образования должна рассматриваться

как единство общего, особенного и единичного. Данное единство правомерно трактовать следующим образом. В качестве общего – созданные в педагогической науке исходные нормативно-теоретические модели системы качества, формирующие общее понятие оценки качества образования. Это позволяет характеризовать ее как типичное педагогическое явление со свойственными ему характеристиками: целью, содержанием, организацией, формой, средствами и методами. Особенными представляются специфические черты, присущие оценке качества в учреждении высшего образования и учитывающие особенности внутренней жизни данного учреждения и формы организации образовательных практик студентов. Единичным же является то, что свойственно оценке качества профессионального образования в вузе определенного профиля, в частности, в лингвистическом вузе.

В научных публикациях и исследовательских трудах последних лет качество вузовского образования и его оценка изучаются наиболее активно в аспекте общего, в русле квалитологии и квалиметрии, а так же особенного, представленного впрочем недостаточно. Потенциал единичного же в оценке качества профессионального образования, например, в лингвистическом вузе, практически не раскрыт. Имеющиеся публикации касаются преимущественно локальных вопросов оценки результатов обучения студентов и методов такой оценки.

В ряду положительных тенденций изучения оценки качества профессионального образования следует отметить широкое использование заявленного и обоснованного в Концепции и Стратегии модернизации российского образования компетентностного подхода к разработке оценки качества.

Определенные ограничения в развитии педагогической теории оценки качества профессионального образования вызваны рядом причин: доминированием экономического подхода в ущерб педагогическому; недостаточным учетом специфики содержания основных понятий – «образование», «профессиональное образование», «оценка»; недостаточной разработанностью вариативных моделей оценки качества профессионального образования, учитывающих содержание (профиль) образовательной деятельности вуза.

Изучение научных публикаций и анализ практики оценочной деятельности в области качества вузовского образования позволяют констатировать, что в педагогической теории нет единообразия и определенности в трактовке оценки качества, не сложилась целостная педагогическая концепция оценки качества профессионального образования, что затрудняет реализацию оценки как механизма гарантии качества в конкретном вузе.

В свете современных требований к образованию в целом и высшему образованию в частности данная категория наполняется новыми смыслами и характеризует новую педагогическую реальность, которую можно обозначить как «оценка качества профессионального образования в вузе». Это связано с обновлением нормативно-правовых документов (Закона РФ «Об образовании», Государственных образовательных стандартов) и развивающимися процессами международной интеграции в сфере образования, значимостью оценки в структуре системы качества образования. Такое положение вещей требует теоретического осмысления и разработки педагогической методологии оценки качества профессионального образования в вузе, соответствующей современному состоянию развития системы образования в целом и профилю вуза.

Отдавая должное имеющимся научным трудам в области изучения разных аспектов оценки качества образования, отметим, что теоретико-методологические основы оценки качества профессионального образования в лингвистическом вузе не служили предметом специального исследования. Таким образом, в теоретическом и практическом планах актуальность методологической разработки оценки качества образования определяется потребностью современной педагогической науки. Это связано так же с разработкой целостной системы оценки качества профессионального вузовского образования с учетом его профиля и общей стратегии развития образования в русле задач его модернизации.

Исследование позволило выявить ряд существующих противоречий, главными из которых являются противоречия между:

- потребностью высшего профессионального образования в целостной системе институциональной оценки его качества как

педагогического феномена, с одной стороны, и недостаточной разработанностью методологических, теоретических и методико-технологических основ для ее создания, с другой;

- объективным преобладанием идей партисипативности и открытости в управлении современным образованием, с одной стороны, и бытующей в вузах традиционной практикой внутренней оценки результатов образования, с другой;

- ростом академической самостоятельности и ответственности вузов за качество профессионального образования в современных условиях, с одной стороны, и недостаточной разработанностью концептуальных основ оценочной деятельности в вузах разного профиля, с другой;

- имеющимся базисом научных знаний о педагогическом потенциале оценки и недостаточной разработанностью общеметодологических, частнонаучных (педагогических) и практических принципов его реализации применительно к оценке качества профессионального образования;

- необходимостью учета профиля вуза в конкретных параметрах и критериях оценки качества профессионального образования и отсутствием научно обоснованных педагогических подходов для осуществления профильной оценки.

Указанные противоречия диктуют необходимость разработки современных теоретико-методологических оснований оценки качества профессионального образования в лингвистическом вузе, позволяющих трактовать ее как педагогическую категорию, как один из механизмов развития вуза и подсистему в системе управления качеством в вузе.

Оценка может оказать существенное влияние на повышение качества профессионального образования в лингвистическом вузе, если на основе современных педагогических подходов будут разработаны теоретико-методологические основы ее осуществления, а именно:

- создана и внедрена в практику работы вуза целостная педагогическая концепция, представленная как совокупность эвристико-методологических, понятийно-терминологических, теоретико-педагогических и инструментально-методических характеристик оценки качества вузовского образования, объясняющая

ее наиболее существенные признаки как педагогической системы, которые проявляются на всех основных ее уровнях: методологическом, теоретическом и практическом;

- принята за основу педагогической концепции оценки качества концептуальная модель, ориентирующая на достижение вузом нового, более высокого качества профессионального образования;

- обоснованы закономерности и принципы осуществления оценки в системе качества образования в лингвистическом вузе;

- выявлены организационно-педагогические условия оценивания качества профессионального образования в лингвистическом вузе;

- разработаны технологические и процессуально-методические основания оценочной деятельности в области качества образования в лингвистическом вузе.

Библиографический список

1. Жигалев Б.А. Педагогическая система оценки качества образования в современном вузе (теоретико-методологический аспект): Монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2007. 115 с.

2. Жигалев Б.А. Развивающая функция оценки качества образования в вузе // Казанский педагогический журнал. 2010. №1(79). С. 65-74.

3. Звонников В.И. Педагогические измерения в управлении качеством обучения: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 51 с.

Сведения об авторе

Жигалев Борис Андреевич
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры основ английского языка,
ректор НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
E-mail: zhigalev@lunn.ru

УДК 378.147:81'243:654.197

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ТОК-ШОУ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Т.С. Малышева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются основные типы и жанровые особенности телевизионного ток-шоу. Данные особенности создают предпосылки для эффективного использования аутентичных ток-шоу на занятиях по иностранному языку для формирования иноязычной коммуникативной компетенции, и особенно ее составляющей – социокультурной компетенции.

Ключевые слова: ток-шоу, жанровая специфика, парасоциальная интерактивность, социокультурная компетенция.

Using Authentic Talk Shows in Foreign Language Learning to Develop Sociocultural Competencies

Tatyana Malysheva

The paper outlines the main types of TV talk shows and their genre features, viewing the latter as important and necessary prerequisites for effective use of talk shows in foreign language learning. The primary goal of using talk shows in this context is to facilitate the development of learners' communicative and sociocultural competencies.

Key words: talk show, genre feature, parasocial interaction, sociocultural competency.

Современное телевидение предлагает зрителю широкий спектр фильмов и передач различных жанров: художественные, документальные и научно-популярные фильмы, сериалы, новостийные программы, политические дискуссии, мультфильмы, ток-шоу и многое другое. Каждый из этих жанров обладает значительным обучающим потенциалом, который может быть использован для формирования иноязычной коммуникативной компетенции и отдельных ее составляющих. Однако, как показывает практика, наиболее востребованными в этом отношении по-прежнему остаются художественные фильмы и телевизионные выпуски новостей. В данной статье будут рассмотрены обучающие возможности такого жанра телевизионных программ как ток-шоу, и

их использование для формирования социокультурной компетенции обучающихся.

Первые ток-шоу появились в США в 50-е годы XX века, в Германии они стали приобретать популярность в 70-е годы, а в России этот жанр начал стремительно развиваться в 90-е годы. Ток-шоу представляет собой особый жанр телепрограмм, поскольку его формат не имеет четких границ и занимает промежуточное место между информационными и развлекательными программами. Кроме того, часто внутри самой передачи трудно определить форму диалога – она колеблется между интервью, беседой и дискуссией/полемикой.

Жанр в телевидении – это исторически определившийся тип отображения реальной действительности, обладающий набором относительно устойчивых признаков. Анализ ряда ток-шоу позволяет выделить в них следующие признаки, характерные для данного жанра:

1. Ведущая роль модератора.
2. Диалог/полилог модератора с приглашенными лицами как основа ток-шоу.
3. Конфронтационный или исповедальный характер как общей концепции ток-шоу, так и отдельных выступлений участников.
4. Монотематический характер ток-шоу.
5. Участие в программе приглашенных лиц (нередко известных личностей).
6. Присутствие экспертов.
7. Размещение гостей в студии (на сцене лицом к зрителям).
8. Присутствие зрителей в студии [1. С.32].

Кроме того, одним из главных жанровых признаков ток-шоу является, на наш взгляд, повышенный эмоциональный (часто негативный) фон программ. Что касается ток-шоу немецкого телевидения, то нельзя не отметить тот факт, что их названия, как правило, совпадают с именами модераторов – „*Arabella*“, „*Nicole*“, „*Maischberger*“, „*Christiansen*“ и т.д. Данный признак является следствием персонализации немецкого телевидения: каждое ток-шоу несет на себе отпечаток личности модератора, который формирует стиль всей программы. Таким образом, название шоу ассоциируется у реципиента с общей концепцией шоу, его спецификой и приводит в действие механизмы узнавания и прогнозирования. При

планировании занятий по иностранному языку это имеет большое значение для оптимального отбора необходимых видеоматериалов.

Отбор видеоматериалов определенного жанра базируется на предварительных знаниях о его специфике, тематике, целевой аудитории, статусах приглашенных лиц и экспертов. Немецкие исследователи М.Штейнбрехер и М.Вайске выделяют четыре основных типа ток-шоу:

1. Ток-шоу с участием известных людей (Promi-Talk). Для ток-шоу данного типа характерно участие в них приглашенных политиков, журналистов, деятелей культуры, актеров и т.д. Данный тип передач имеет одновременно развлекательный и информационный характер (*Boulevard Bio* ARD, *Beckmann* ARD).

2. Тематические ток-шоу (Themen-Talk). Ток-шоу данного типа построены вокруг одной актуальной темы, а отбор участников передачи зависит от степени их компетентности в обсуждаемых вопросах. Передачи данного типа носят, как правило, информационный характер (*Talk im Turm* SAT 1, *Christiansen* ARD).

3. Портретные ток-шоу (Portrait-Talk). Передачи данного типа построены на диалоге модератора с приглашенным лицом, которое и является центральной фигурой ток-шоу. Разговор может иметь характер беседы с элементами интервью. Тематика разговора неразрывно связана с приглашенным лицом, его деятельностью, его взглядами и позициями по отдельным вопросам. Ток-шоу данного типа носит одновременно информирующий и развлекательный характер (*Maischberger* N-TV, *Wat is?* WDR).

4. Конфронтационные ток-шоу (Konfro-Talk). Передачи данного типа построены, как правило, вокруг отдельной, вызывающей интерес и противоборство взглядов темы. При этом повышенный интерес аудитории вызывают не столько аргументированные суждения приглашенных лиц, сколько атмосфера эмоционального напряжения, намеренно создаваемая в студии (*Der heiße Stuhl* RTL, *Einspruch* SAT1) [2.С.21].

Другие исследователи добавляют к данной классификации так называемый *Affekt-Talk* (построенный на максимальном эмоциональном напряжении разговор на личные/интимные темы) и *Meta-Talk* (ток-шоу о ток-шоу, носящее иронический/сатирический характер) [3. С. 34].

Приглашенные лица преследуют в своих выступлениях три основные цели: сообщение серьезной информации (политического характера) в доступной для широкой публики форме и нередко в развлекательном формате; самопрезентация/реклама собственного имиджа; привлечение интереса зрительской аудитории к различным проблемам, пропаганда идей, взглядов и ценностей, а также реклама различных товаров и услуг.

Рассмотрим, какое значение имеют отдельные жанровые особенности ток-шоу для их использования на занятиях по иностранному языку. Диалогический характер общения создает условия для погружения реципиента в коммуникативную ситуацию. Речевое и неречевое поведение ведущих и участников ток-шоу создает или имитирует реальное общение таким образом, что реципиент переходит с позиции наблюдателя на позицию участника коммуникации. Поведение участников программы и поведение реципиента приближены здесь к естественному общению и создают у последнего иллюзию соучастия в коммуникации. Это происходит в значительной мере благодаря поведению модератора: прямой взгляд в камеру, реплики, апеллирующие непосредственно к реципиенту, вызывают в нем ответную вербальную реакцию. Данный феномен имеет название «парасоциальной интерактивности» [4. С. 181].

Монотематический характер ток-шоу означает, с одной стороны, что вся программа, как правило, посвящена одной теме, а с другой стороны, что весь цикл программ объединен общей тематикой. Благодаря монотематическому характеру программ и значительному количеству приглашенных лиц и экспертов, реципиенту предъявляется множество монологических и диалогических текстов, посвященных одной проблеме или ряду сходных проблем. Герои ток-шоу предстают на экране скорее не как личности, а как некие «социокультурные типы», то есть воплощают в себе и демонстрируют черты и манеры поведения, наиболее типичные для носителей определенных социальных ролей и статусов. Идентифицируя себя с тем или иным участником, он рассматривает ситуацию с разных точек зрения, расширяя таким образом представление о предмете дискуссии. Кроме того, поскольку участники ток-шоу обладают различными социальными статусами и принадлежат к различным субкультурам, реципиенту предъявляется

целый ряд образцов речевого и неречевого поведения, что не только способствует обогащению его словарного запаса, но и развивает его умения социокультурной идентификации и дифференциации. Большой интерес в этом плане представляет классификация Б.Фромма, которая выделяет следующие типы участников шоу, в зависимости от их коммуникативных намерений:

1. «Телезвезда». Целью его выступления является привлечение внимания публики к себе, самореклама.

2. «Пациент». Рассчитывает на сочувствие, психологическую помощь.

3. «Поклонник/искатель знакомств». Использует телевидение для признания в любви к какому-либо лицу или для завязывания новых контактов.

4. «Мститель». Пытается с помощью телевидения отомстить врагам, рассчитывая на поддержку публики.

5. «Сам себе адвокат». Рассчитывает с экрана оказать влияние на органы власти, учреждения, ведомства.

6. «Идеолог». Пропагандирует собственные взгляды, ценности, образ жизни.

7. «Пропагандист». Старается привлечь внимание к результатам собственной деятельности – написанной им книге, изобретению и т.д.

8. «Любопытствующий» - использует участие в программе для удовлетворения любопытства, обогащения личного опыта [З. С.38-41].

Соотнесение речевого и неречевого поведения участников ток-шоу с соответствующим типом являлось бы, на наш взгляд, эффективным упражнением, развивающим такие умения, как социокультурная идентификация и дифференциация, создание социокультурного портрета.

Относительная смысловая завершенность выступлений участников имеет также большое значение при предъявлении отдельных фрагментов ток-шоу. Поскольку общая продолжительность отдельного ток-шоу нередко превышает 60 минут, то использование на занятиях всей программы нецелесообразно. Нередко для реализации учебной цели достаточно использования лишь одного или двух фрагментов. Большое

количество тематически объединенных выступлений внутри одной программы создает предпосылки для оптимального отбора необходимых видеофрагментов.

Как правило, ток-шоу призваны воздействовать не столько на когнитивную, сколько на эмоциональную сферу реципиента, вызывая его реакцию на саму ситуацию и на поведение участников передачи в кадре. Эмоциональный фон ток-шоу, создаваемый благодаря продуманной стратегии модерации, имеет, как правило, негативный характер. Как известно, именно отрицательные эмоции являются мощным стимулятором речемыслительной деятельности. Они передаются с экрана реципиенту и вызывают в нем ответную реакцию, невербальную – эмоции, чувства, мимику, жестикуляцию; и вербальную – речь во внутренней и внешней формах.

Ситуации, лежащие в основе ток-шоу, соответствуют личному жизненному опыту большинства зрительской аудитории, т.е. они не только доступны для понимания и оценки, но и вызывают интерес большинства зрителей. Как подчеркивает Г. Нойнер, восприятие нового опыта и новых знаний возможно лишь в том случае, когда они соотносятся с уже имеющимися знаниями и личным опытом реципиента и органично в них вплетаются [5. С.113]. В качестве универсальных составляющих жизненного опыта, с которыми так или иначе приходится сталкиваться каждому человеку, независимо от его социокультурной среды, Г. Нойнер называет личную идентификацию, социальную идентификацию, партнерские отношения, профессиональную деятельность, материальное обеспечение, ценностные ориентации, досуг, воспитание и многие другие. Именно на основе этих жизненных универсалий и построены большинство ток-шоу. Немецкие исследователи выделяют следующие темы, которые наиболее часто лежат в основе ток-шоу: межличностные отношения; характер и образ жизни приглашенных лиц; красота, мода; семья, общество/экономика; проблемы подростков, психические проблемы, секс, здоровье, работа, карьера и т.п.; криминальная обстановка, правовые проблемы; астрология, эзотерика, религия; животные.

Анализ ток-шоу российского телевидения показывает, что наиболее часто обсуждаемыми в них темами являются:

политика/экономика; правовые проблемы; здоровье; межличностные отношения; красота, мода.

Таким образом, становится очевидным, что тематика телевизионных ток-шоу в России и Германии частично перекликается, а поскольку телевидение ориентируется на интересы и потребности телеаудитории, то можно говорить и о частичном совпадении интересов самой зрительской аудитории обеих стран.

Одним из основных признаков ток-шоу является также и то, что роли гостей программы нередко исполняют профессиональные актеры. Такая «подмена», хотя и вызывает недовольство зрительской аудитории, часто вполне оправдана. Профессиональный актер, владеющий техникой воздействия на зрителя, гораздо быстрее и успешнее достигает поставленной цели: установление контакта с реципиентом, воздействие на его эмоционально-чувственную сферу, побуждение к вербальному и невербальному участию в телекоммуникации, т.е. создает эффект обратной связи. Кроме того, определенная утрированность их поведения в данном случае позволяет реципиенту сделать правильное умозаключение о социокультурной принадлежности персонажа, а также проанализировать и симитировать особенности его речевого и неречевого поведения. Типизированность речевого и неречевого поведения также позволяет реципиенту прогнозировать реакцию героев на реплики собеседников и возможное развитие конфликта/дискуссии, благодаря чему видеоматериалы данного типа способствуют развитию у обучающихся механизмов антиципации и логического мышления.

Таким образом, эффективность использования телепередач данного типа для формирования и развития социокультурной компетенции объясняется, на наш взгляд, следующими их особенностями: разнообразием и жизненностью ситуаций; актуальностью обсуждаемых проблем; обязательным присутствием конфликта, разрешаемого, в первую очередь, с помощью средств языка; одновременным участием нескольких героев, представляющих разнообразные социальные группы; относительной естественностью вербального и невербального поведения участников; разнообразием представленных форм речи: монолог, диалог, полилог, закадровый дикторский текст; разнообразием стилей общения.

Основной целью использования телепередач данного типа на занятиях по иностранному языку является обучение устной речи и формирование таких социокультурных умений и навыков, как опознавание в речи персонажей страноведчески маркированных языковых единиц и геополитически маркированных региональных понятий; соотнесение стиля речевого и неречевого поведения персонажей с их социокультурным типом; осуществление социокультурного анализа речевых высказываний и невербального поведения героев; выбор приемлемого в социокультурном плане стиля речевого и неречевого поведения в условиях межкультурного общения; создание социокультурных портретов коммуникантов.

Библиографический список

1. Semeria S. Talk als Show – Show als Talk. Opladen/Wiesbaden, 1999.
2. Steinbrecher M., Weiske M. Die Talkshow. 20 Jahre zwischen Klatsch und News. Tipps und Hintergründe. München, 1992.
3. Croissant F.M. Televisionäre Selbstreferenzialität. Normative Muster Schlingensiefcher Fernsehkritik: Magisterarbeit. Augsburg, 2003.
4. Thallmair A., Rössler P. Parasoziale Interaktion bei der Rezeption von Daily Talkshows // Daily Talkshows unter der Lupe. Wissenschaftliche Beiträge aus Forschung und Praxis. Bd.20. München, 2001.
5. Neuner G., Hunfeld H. Methoden des fremdsprachlichen Deutschunterrichts. Kassel, 1993.

Сведения об авторе

Малышева Татьяна Сергеевна
ассистент кафедры немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: TSM70@list.ru

УДК 378.147:81'243:659:659.1

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «РЕКЛАМА» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В.В. Саушкина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируются особенности подготовки специалистов по рекламе в лингвистическом вузе с позиции иностранного языка, иноязычной культуры. Автор статьи доказывает, что изучение рекламы неотделимо от изучения национально-культурной специфики, использование данного компонента способствует повышению деловой компетентности и успешному профессиональному общению.

Ключевые слова: специалист по рекламе, кодирование/декодирование информации, рекламная коммуникация, восприятие рекламы, национально-культурная специфика.

Language Training for Advertising Majors at a Linguistic University Victoria Saushkina

The article analyzes language learning programs for advertising majors at linguistic universities in terms of learners acquiring authentic working knowledge of foreign languages and respective cultures. The author argues that the study of advertising must be combined with ethnic and cultural studies through culture-based language learning, which will enhance students' business competence and ensure successful professional communication.

Key words: advertising specialist, information coding/decoding, advertising communication, perception of advertising, ethnic and cultural studies.

Глобальные изменения, происходящие в современном обществе, способствуют увеличению межкультурных контактов, взаимодействию различных стран, народов и культур. Все это оказывает огромное влияние на систему образования, содержание которого в настоящее время также нуждается в усовершенствовании, что является приоритетной задачей методической науки. Особенно актуален вопрос, касающийся подготовки специалистов, чья деятельность непосредственно связана с осуществлением реальной коммуникации, в частности, специалистов по рекламе.

Специалистов по рекламе готовят различные вузы, в том числе лингвистические. Нижегородский государственный лингвистический

университет им. Н.А. Добролюбова готовит специалистов по рекламе, владеющих иностранным языком, что является целью обучения иностранному языку с профессиональных позиций.

Цель данной статьи – проанализировать особенности подготовки специалистов по рекламе в лингвистическом вузе с позиции иноязычной культуры.

Рекламу можно рассматривать как форму коммуникации, которая пытается перевести качества товаров и услуг, а также идеи на язык нужд и запросов потребителя. Выбирая способ убеждения потребителя, необходимо учитывать восприятие как потенциальной, так и реальной аудитории, ценностные системы которых могут отличаться. Создавая рекламу, всегда следует помнить, что любую цель люди понимают иначе, чем человек, на нее указывающий. Более того, всегда найдутся те, чье восприятие рекламного сообщения будет нестандартным, либо те, кто просто неправильно его поймут или интерпретируют. Даже знание национальных, психологических особенностей и культурных традиций потенциального потребителя, на которого ориентирована данная реклама, не защитит от случайных «непопаданий», допустимая верхняя граница которых до 5-8%.

По мере освоения мировых рынков кампании сталкиваются с непростой задачей, заключающейся в рекламировании лучших свойств своей продукции в условиях локальной культуры. Действенной рекламой является та, которая соответствует национально-культурным представлениям о мире, о способах поведения, о человеке.

Любые продажи – рекламные не исключение – строятся на основе коммуникаций между продавцом и покупателем. Одним из важных элементов рекламной коммуникации является кодирование – способ передачи получателю информации в виде текстов, символов и образов. Необходимо, чтобы используемый код был знаком получателю.

Особенно важна проблема «кодирование/декодирование» при работе на зарубежную аудиторию. В случае проникновения бренда на чужой рынок, казалось бы правильные и доходчивые коммуникационные воздействия, прекрасно срабатывающие на своей территории, если и не вызывают сильного отторжения у местного населения, то желаемого отклика не добиваются очень часто. В

основном это характерно для зарубежных компаний, пытающихся осваивать локальные рынки, но касается также и тех отечественных производителей, чьи торговые марки с большим или меньшим успехом позиционируются в качестве общенациональных брендов или хотя бы претендуют на данный статус. Различия в национальном менталитете, архетипах, стереотипах, иерархии культурных ценностей могут вызвать в разных странах различную реакцию на одно и то же обращение [1].

Например, достаточно противоречивое отношение у представителей славянского/русского этноса к образцам коммуникативного сообщения, выполненного в восточной культурной традиции. С одной стороны, общее оформление, художественность, продуманность и высокий профессионализм исполнения вызывают доверие и убедительно свидетельствуют о качестве товара. А с другой - избыточная для россиян образность, метафоричность, аллюзии и намеки, преобладание сферы интуитивного с чрезмерной символичностью, впрочем, лежащей в основе всех культурных традиций Востока, расценивается как вкрадчивость и конформизм, что не вызывает должного эмоционального отклика. Кстати, может быть еще и оттого, что скрытый смысл послания, основанный на точных ассоциациях, легко улавливаемых носителем родной культуры, остается совершенно непонятным для людей из других национально-культурных сообществ. Например, медуза как символ красоты и нежности у японцев вряд ли окажется эффективным рекламным ходом для российского рынка. Или наоборот, распространенный рекламный прием - «было-стало» - может привести к курьезной ситуации, если коммуникация не будет адаптирована под особенности восприятия визуальной информации.

Таким образом, специфика языковой подготовки студентов специальности «Реклама» заключается в необходимости обучения национально-культурным особенностям, языковым реалиям и особенностям менталитета и правильного применения данных знаний для создания успешной и эффективной рекламной кампании на мировом рынке.

На занятиях по иностранному языку студентам данной специальности предлагается рассмотреть различные примеры

неудачных рекламных кампаний с целью выделения факторов, которые важно учитывать при работе с зарубежной аудиторией. К таким факторам можно отнести следующие:

1. Особенности языка, письменности.

Классическим считается пример провалившейся рекламной кампании одного обезболивающего средства в странах Ближнего Востока из-за того, что рекламисты забыли об особенностях арабского письма. В арабских языках важное значение имеет тот факт, что слова пишутся (и иллюстрации изображаются) справа налево. Игнорирование этого факта может приводить к неожиданным результатам. Рекламное обращение состояло из трех картинок: на первой из них лицо женщины было искажено от боли. На второй – она запивала водой таблетку, на третьей – ее лицо озаряла улыбка. Картинки были расположены слева направо, как читают текст европейцы. Но ведь арабы читают наоборот – справа налево. Поэтому они видели рекламу следующим образом: улыбающаяся женщина выпила таблетку и скорчилась от боли. Прочитанная по-арабски – справа налево – эта реклама имела прямо противоположный смысл, призывая к тому, чтобы не употреблять рекламируемый препарат. Не удивительно, что это средство вообще не пользовалось спросом.

2. Национальные символы.

В обращении с национальными символами следует проявлять особую осмотрительность даже в рамках достаточно близких культурных традиций: малейшая неловкость может привести к самым нежелательным последствиям, вплоть до потери клиентов. Японская корпорация Toyota Motor в полной мере постигла эту науку на собственном опыте, когда ей пришлось отзывать свою рекламу из тридцати китайских периодических изданий и приносить публичные извинения. Дело в том, что на рекламном объявлении Toyota каменные львы, символизирующие в понимании китайцев всю мощь Поднебесной, склонились в приветственном поклоне перед внедорожником Prado Land Cruiser. А надпись на рекламе - «Prado нельзя не уважать» - наносит еще один болезненный удар по национальной гордости китайского потребителя. Дело в том, что в китайском произношении prado звучит как badao. А это слово, в свою очередь, означает по-китайски «власть силы». Буря возмущения была вызвана еще и тем, что львы из рекламы сильно напоминают

каменных львов, которые сидят по обе стороны моста Марко Поло. Между тем, именно с инцидента на мосту Лугоуцяо, который европейцы именуют мостом Марко Поло, 7 июля 1937 г. началось японское вторжение в Северный Китай.

3. Особенности менталитета.

Интересным представляется сопоставление английской и американской рекламы, иллюстрирующее противоположности характеров этих когда-то близких народов. В Англии реклама таблеток от простуды выглядит следующим образом: сначала больной и несчастный человек лежит в кровати, кашляет, мучается и страдает, потом он принимает заветную таблетку и после этого, все еще в ночной рубашке, но уже в кресле, он слабо улыбается зрителю, показывая, что ему стало гораздо лучше. В США реклама того же средства совершенно иная: после приема таблетки больной немедленно полностью выздоравливает, сбрасывает рубашку и бежит, бодрый и счастливый, или на работу, или играть в теннис [2].

Даже в своей языковой среде лингвистическими особенностями может обладать каждая из этнических групп одной страны. Она может содержать пласты только ей свойственной лексики и к тому же отличаться от прочих этносов специфическим смысловым наполнением одних и тех же слов, что, в свою очередь, для адекватных рекламных сообщений требует выравнивания понятий, то есть уточнения, что понимают под тем или иным словом местные жители. Отсутствие языковых соответствий объясняет необходимость в ряде случаев полностью заменить текст, содержащийся в рекламе, а иногда – полностью сюжет рекламы [3]. Следовательно, целесообразным является обучение студентов применению приемов адаптации рекламного сообщения в условиях локальной культуры, его локализации.

Для того, чтобы будущие специалисты по рекламе овладели навыками межкультурного общения в сфере своей деятельности, в процессе обучения иностранному языку предлагается включить тексты, содержащие национально-культурные компоненты и в то же время отвечающие тематике данной специальности. Приведем пример такого текста.

HOW TO BEST RUN AN INTERNATIONAL ADVERTISING CAMPAIGN

We have all heard stories of international ad campaigns that failed. It's not just about badly dubbed ads (although there are plenty of those) but about campaigns that fall flat in a foreign

market because of what might be termed ‘cultural failings’ – because the execution at the heart of the ad – whether a slogan or a visual identity – simply doesn’t translate.

So what are the main pitfalls you might encounter when working on an international campaign – and how can you avoid them?

THE PITFALLS

1. Attitudes

It’s no surprise to say that attitudes differ from country to country. What can be surprising is just how much they can alter, and the areas where attitudes really matter. Some of the more obvious attitudinal differences are to do with attitudes to women, beauty and gender, which unsurprisingly, vary wildly across countries and continents. But more difficult to gauge are the differing attitudes to issues such as displaying wealth and to raising children.

We once ran an ad for a huge international financial brand that talked about saving money for the next generation. In the UK, we showed a parent protecting a small baby. But in some Asian countries, we had to change the ad to show a parent empowering a child by teaching them, simply because the more passive ad would not be appropriate there and would not have resonated with parents.

Even in countries that are relatively close neighbours either in geography or attitude, big differences prevail. French underwear brand Dim can quite confidently show men and women together in an ad for skimpy underwear – in Britain, we rarely see both sexes together in these ads, and in the US, this sort of advert would almost certainly not be tolerated.

2. Behaviour

In the UK, we like to drink our coffee from large mugs and brew our tea in a pot. In France, chocolate and coffee are the breakfast drinks of choice. Some things are obvious. But in the US, something approaching 20 per cent of meals are eaten in the car. In France, eating in the car is certainly not the done thing – and it is even more taboo in Japan, where you wouldn’t show a person eating on the street unless you were being deliberately provocative.

3. Language

Language and its associated pitfalls usually crop up in the area of taglines or even product names. People go wrong when they take a single global line and use brute force to adapt it to different languages in which sometimes the words might have a different meaning – or no meaning at all.

There are many famous examples – in the 1980s, Coke used the tagline ‘Coke is it’ – a great catchy slogan but it doesn’t work in French, where it translates as “Coca Cola c’est ca” – the words exist, but the slogan is meaningless. In France you can use English slogans, but must provide a translation elsewhere in the ad – so any global campaign slogans will have to work in multiple languages.

4. Aesthetics and media

The media landscape differs enormously from one culture to the next and that affects how viewers process ads. Let’s take the example of TV. Some cultures have a very ‘interruptive’ tradition in TV advertising – in the US and Italy, ad breaks pop up every 5-10 minutes, often at crucial parts of the storyline.

This makes them unavoidable and means they have a much more ‘hard sell’ aesthetic. Consumers have to watch the ads if they want to watch TV, so the ads don’t have an imperative to be persuasive or beautiful. They just need to get a practical message across in a short space of time.

France has fewer ad breaks, but they are often longer and therefore more avoidable. So to persuade people not to get up and make a coffee or ring a friend, the ads need to be much more aesthetically pleasing and thought-provoking. France even has TV shows about its own advertising that people will watch because they are so fond of their ads.

Britain is somewhere in the middle of these two models. However, ad breaks are, on the whole, becoming more frequent and we are moving towards a more interruptive model.

GETTING IT RIGHT

The key to avoiding all of these problems is to start with an idea rather than any sort of execution – one that can be adapted and appropriate ads created within the culture of each country. The key is not translation, but transcreation – taking a single idea and creating ads based on that which are appropriate for each market.

В данном тексте рассматриваются факторы, влияющие на успешность рекламных кампаний, ориентированных на зарубежную аудиторию, проблема локализации рекламных сообщений и приводятся примеры национально-культурных различий и особенностей менталитета и образа жизни представителей разных культур. После прочтения текста студентам сначала предлагается ответить на вопросы, направленные на его понимание:

Read the text and answer the following questions:

1. How does the author identify the main problem you might face when working on an international campaign?
2. Why are attitudes important even in countries that are close neighbours?
3. How can be the lifestyle of people in different countries shown in ads?
4. Is it right to translate product names?
5. How does the 'interruptive' tradition in TV advertising differ in different countries?
6. What is meant under the author's idea of "transcreation"?

Студенты отвечают на вопросы, называя факторы и анализируя примеры, приведенные в тексте. На данном этапе можно также использовать проблемные задания по данной тематике, чтобы студенты научились видеть и исправлять культурные «промахи», не допускать их при обращении к иноязычной аудитории.

В обучении иностранному языку методическое использование рекламных текстов сосредоточено, как правило, на семиотике изображения и цели рекламного сообщения в ущерб его культурному содержанию. Преимущество же рекламы в том, что она дает непосредственный «выход» на культуру страны изучаемого языка, другой образ жизни, поведение. Изучение рекламы не может быть отделено от ее культурного контекста, и ее применение в учебном процессе позволяет систематически вводить культуру в обучение английскому языку как иностранному, повышать мотивацию и интерес обучаемых.

Библиографический список

1. Евстафьев В.А., Ясонов В.Н. Что, где и как рекламировать: Практические советы. СПб.: Питер, 2005. 432 с.
2. Павловская А.В. Англия и англичане. М.: МГУ, 2005. 263 с.
3. Вахрушев О.А. Национальные особенности международной рекламы // Культура и проблемы межэтнической коммуникации. Роль НКО в оптимизации межэтнических отношений: Материалы IV Межд. конференции по региональной культуре (21-23 мая 2002 г.). Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002. С. 285-289.

Сведения об авторе

Саушкина Виктория Валерьевна
аспирант кафедры лингводидактики и
методики преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: v.v.s@bk.ru

УДК 37.01:159.953.4

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ГИБКОСТИ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА УСПЕШНОСТЬ РЕШЕНИЯ СЛОЖНЫХ МНЕМИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

О.И.Федосеева

*Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена изучению проблемы взаимосвязи запоминания и процессов мышления, влияния гибкости мышления на успешность выполнения мнемической задачи. Автором установлено, что влияние гибкости мыслительных действий на успешность выполнения мнемических задач происходит в двух направлениях: в сторону увеличения возможного набора способов обработки материала и умения их использовать.

Ключевые слова: гибкость мыслительных действий, мнемическая задача, выбор способа запоминания, уровни решения мнемической задачи.

Impact of Flexible Thinking on Performing Difficult Mnemonic Tasks

Olga Fedoseeva

The article looks at the correlation between thinking processes and mnemonic tasks and studies the impact of flexible thinking on mnemonic tasks performance. The author argues that flexible thinking patterns influence the performance of mnemonic tasks in two ways, increasing a person's options and instruments for processing mnemonic material and enhancing his/her ability to use them.

Key words: flexible thinking, mnemonic task, mnemonic options and instruments, levels of mnemonic task performance.

Роль понимания при запоминании общеизвестна, при этом многими учёными подчёркивается связь запоминания и процессов мышления, которые в этом случае выступают средством более глубокого и отчетливого понимания материала (П. И. Зинченко, А.А. Смирнов, А.Н. Шлычкова, В.Д.Шадриков, Л.В.Черемошкина и др.). Более того, мыслительная деятельность в ее самых разнообразных и сложных проявлениях составляет психологическое ядро запоминания (мнемической деятельности). Мыслительная и мнемическая деятельности выполняют свои особые цели и задачи: мыслительная направлена на установление причинно-следственных связей и отношений между предметами и явлениями; мнемическая - на

запоминание и затем на воспроизведение представлений о каких-либо объектах.

В современных исследованиях памяти достаточно изученными являются вопросы процессов и видов памяти, условий продуктивности запоминания, а также способов и приёмов организации материала при запоминании. В контексте теории деятельности память выступает как особый вид психологической деятельности, включающей систему теоретических и практических действий, подчиненных решению мнемической задачи – задачи запоминания, сохранения и воспроизведения разнообразной информации. В рамках данной теории исследуется состав мнемических действий и операций, зависимость продуктивности памяти от того, какое место в структуре занимают цель и средства запоминания (или воспроизведения), сравнительная продуктивность произвольного и непроизвольного запоминания в зависимости от организации мнемической деятельности (А.Н.Леонтьев, П.И.Зинченко, А.А.Смирнов и др.).

Менее разработанной является проблема механизмов запоминания, которую можно рассматривать на различном уровне, с различных точек зрения. Нейрофизиологический уровень изучения механизмов памяти предполагает её изучение как одного из процессов высшей нервной деятельности человека. Физиологической основой запоминания является пластичность нервной системы. Это свойство выражается в том, что каждый нервно-мозговой процесс оставляет после себя след, изменяющий характер дальнейших процессов и обуславливающий возможность их повторного возникновения, когда раздражитель, действовавший на органы чувств, отсутствует. Пластичность нервной системы проявляется и в отношении психических процессов, что выражается в возникновении связей между процессами. В результате один психический процесс может вызвать другой.

Психологический уровень изучения механизмов памяти предусматривает её понимание как системы действий, ориентированных на запоминание, переработку и хранение материала. В этом случае на первое место выступает процессуальный план, образующий необходимую основу мнемической деятельности. А.А. Смирнов писал, что все важнейшие проявления перестройки в

процессе запоминания и воспроизведения – это «результат сложной мыслительной деятельности, включающей обобщение, выделение частного и единичного, объединение сходного, разъединение различного, выделение главного, существенного и т. д.» [1. С.159]. Установлено, что в запоминании, сохранении и воспроизведении материала участвуют различные операции по переработке, перекодированию его, в том числе такие мыслительные операции, как анализ, систематизация, обобщение, синтез и др. Они обеспечивают смысловую организацию материала, определяющую его запоминание и воспроизведение.

Среди современных исследований мы не обнаружили работ, посвящённых раскрытию механизмов, обеспечивающих взаимосвязь мыслительных и мнемических процессов. Таким образом, *целью* данной статьи является установление особенностей влияния гибкости мыслительных действий на процесс решения мнемических задач. *Предметом* нашего анализа станут условия проявления гибкости в процессе выполнения мнемической задачи; особенности проявления данного качества на ориентировочном и исполнительском этапах решения мнемической задачи; уровни решения мнемической задачи (в зависимости от характера проявления гибкости мыслительных действий в процессе её выполнения).

В классических исследованиях А.А.Смирнова, П. И. Зинченко, С.Л.Рубинштейна указывается, что именно мыслительные операции являются основой способов произвольного запоминания. Однако уровень сформированности аналитико-синтетической деятельности индивида определяется и уровнем развития одного из определяющих её качеств – гибкости мыслительных действий. Данная связь вытекает из традиционного понимания сути проявления гибкости, предложенного Н.А.Менчинской и Д.Н.Богоявленским, и предполагает: 1) целесообразное варьирование способов действия; 2) лёгкость перестройки знаний или навыков и их систем в соответствии с изменившимися условиями; 3) способность к переключению или лёгкость перехода от одного способа действия к другому. Под гибкостью мыслительных действий мы понимаем умственную способность субъекта целесообразно варьировать способы выполнения задания на различных этапах мыслительной деятельности [2].

От чего же зависит степень проявления гибкости в процессе выполнения мнемической задачи? Вероятно, комбинации различных операций будут определяться характером организуемого материала. В ряде случаев субъекту приходится по-разному манипулировать с запоминаемым материалом, чтобы организовать его оптимальным образом. При этом выделяемые связи - не высшая цель мнемического процесса, они - средство фиксации каких-либо особенностей материала, его организации в целях запоминания. Совершенно очевидно, что степень проявления гибкости будет различна на разных уровнях запоминания. Иногда достаточно только вербализовать или назвать объект; в ряде случаев для запоминания необходимо разбить материал по очевидным признакам или объединить по ситуации. При этом, разумеется, нет необходимости в сложной мыслительной деятельности, направленной на поиск нового в объекте.

Максимальное проявление качества гибкости возможно в ситуации, когда субъекту необходимо запомнить сложный, незнакомый материал. В данном случае проявление гибкости мышления происходит в двух направлениях: в сторону увеличения возможного набора способов обработки материала (количественный показатель) и умения их использовать (качественный показатель). Сущностью обоих будет являться усложнение операционных механизмов (от интуитивной обработки запоминаемого к обработке на уровне представлений, памяти, воображения, к мыслительной обработке) и степени их осознанности. Следовательно, при решении сложных мнемических задач одним из важных факторов является высокий уровень развития гибкости мышления субъекта, способный обеспечить функционирование операционных механизмов мнемических действий.

Рассмотрим подробнее, в чём заключается влияние гибкости мышления на процесс решения сложной мнемической задачи. Для этого выделим ориентировочный и исполнительский этапы, хотя различия между ними относительны. Проявление гибкости на ориентировочном этапе связано с поиском возможных путей и способов решения мнемической задачи, которое состоит в построении целостной модели ситуации, привлечении на её основе адекватных знаний (средств); выработке возможных схем выполнения действий и их обоснованием (выдвижении гипотез); оценке выдвинутых гипотез

на их перспективность, выборе действия и придании ему окончательной, логически завершённой формы.

При построении модели ситуации проявлением качества гибкости является способность анализировать мнемическую задачу с разных сторон, что предполагает выделение различных свойств и признаков, определение их существенности, структурирование данных. Выработка возможных схем выполнения действий и их обоснование с позиции проявления гибкости мышления характеризуется выдвиганием разных способов запоминания и определяется особенностями переключения или лёгкостью перехода от одного способа действия к другому.

Проявление гибкости может характеризоваться количеством различных областей (направлений) поиска, к которым можно отнести найденные способы. В зависимости от сложности мнемической задачи выбор таких способов различен. Существуют способы обработки запоминаемого, которые могут совершаться при незначительной смысловой обработке на перцептивном уровне (выделение опорного пункта, группировка, выделение последовательностей, ассоциации). Другая группа мнемических приемов характеризуется тем, что функционирует в значительной степени благодаря памяти, представлению, воображению (перекодирование, мнемотехнические приемы). Наиболее сложные способы обработки материала в целях запоминания (аналогия, систематизация, структурирование) могут совершаться при доминирующей мыслительной обработке.

При запоминании незнакомого, абстрактного, сложного материала выбор способа запоминания может выступать в виде проблемы поиска путей решения. Согласно современным представлениям, принятие решения - центральный момент планирования деятельности и критический пункт, являющийся логическим завершением ориентировочного и началом исполнительского этапа мнемической деятельности. Исполнительский этап, который начинается с выбора оперативной единицы запоминания и воспроизведения, можно охарактеризовать следующими действиями: выделением внутригрупповых и межгрупповых связей, а также связей запоминаемого материала с чем-либо известным, воображаемым, представляемым и т.д. Если

выразить общий смысл перечисленных операций, то можно сказать, что они направлены на поиск и фиксацию различных связей. Таким образом, на этапе выполнения мнемической задачи проявлением гибкости является детализация смысловых звеньев, их дробление, объединение, повторение и т.д. Реализация того или иного приёма также может быть различной в зависимости от того, на интуитивном или мыслительном уровне осуществляется обработка запоминаемого материала.

В зависимости от характера проявления гибкости мыслительных действий в процессе решения мнемической задачи обозначим следующие уровни её выполнения.

На *первом уровне* субъект выделяет случайные признаки запоминаемого материала. Обобщение осуществляется на основе односторонней ориентации на наиболее ярко выраженный (не обязательно существенный) признак. Объём оперативных единиц запоминания невелик. Действия субъекта на исполнительском этапе можно охарактеризовать следующими особенностями: сложностью выделения внутригрупповых и межгрупповых связей; отсутствием связей запоминаемого материала с чем-либо известным, воображаемым, представляемым; неумением варьировать способы запоминания материала, актуализировать знания соответственно изменяющимся условиям мнемической задачи. Низкий уровень продуктивности запоминания.

Для *второго уровня* характерно владение способами запоминания на интуитивном уровне при незначительной смысловой обработке (выделение опорного пункта, группировка, выделение последовательностей, ассоциации). Объём оперативных единиц запоминания увеличивается. Обобщение осуществляется на основе интуитивного выбора существенности признака с точки зрения выполнения требований мнемической задачи, что приводит к её неполному анализу. Процесс запоминания материала становится более развёрнутым, возможно его подкрепление объяснением причин выбора способа запоминания. Обработка запоминаемого материала осуществляется на вербальном уровне. Средний уровень продуктивности запоминания.

На *третьем уровне* способы запоминания основаны на логической обработке материала, осуществляется многосторонний

анализ мнемической задачи. Субъект способен её анализировать с разных сторон, определять иерархию признаков; владеет системой умственных действий, позволяющих анализировать, сравнивать и синтезировать запоминаемый материал на различных уровнях (интуитивном и вербальном); владеет наиболее сложными способами запоминания (перекодирование, мнемотехнические приемы); свободно переходит от интуитивно-практического решения мнемической задачи к его вербализации, благодаря чему сокращается время запоминания, оно становится более экономичным. Объём оперативных единиц запоминания значительный, материал при этом становится организованным в определенную структуру. Наиболее сложные способы обработки материала в целях запоминания (аналогия, систематизация, структурирование) могут совершаться при доминирующей мыслительной обработке, наблюдается варьирование этих способов в соответствии с требованиями мнемической задачи. Высокая продуктивность запоминания.

Итак, проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

- эффективность мнемической деятельности находится в прямой зависимости от уровня развития аналитико-синтетической деятельности субъекта;
- влияние гибкости мыслительных действий на успешность выполнения мнемических задач происходит в двух направлениях: в сторону увеличения возможного набора способов обработки материала (количественный показатель) и умения их использовать (качественный показатель);
- проявлением гибкости в процессе решения мнемической задачи на ориентировочном этапе является способность анализировать мнемическую задачу с разных сторон, что предполагает выделение различных свойств и признаков, определение их существенности, структурирование данных; выдвижением разных способов запоминания, причём в зависимости от сложности мнемической задачи выбор таких способов будет различным;
- проявлением гибкости в процессе решения мнемической задачи на исполнительском этапе будет детализация смысловых звеньев, их дробление, объединение, повторение, а также связь

запоминаемого материала с чем-либо известным, воображаемым, представляемым и т.д.;

▪ возможно выделение трёх уровней решения мнемической задачи (в зависимости от характера проявления гибкости мыслительных действий в процессе её выполнения).

Библиографический список

1. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти // Психология памяти. Хрестоматия по психологии / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 2000. С. 476-486.

2. Федосеева О.И. Развитие гибкости мыслительных действий у младших школьников в условиях личносно ориентированного обучения: Дис. ... канд. психол. наук. Нижний Новгород, 2004.

Сведения об авторе

Федосеева Ольга Игоревна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры педагогики и психологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: oif69@mail.ru

УДК 378.147:81'243:004.4

НАГЛЯДНОСТЬ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХ ПРОГРАММНЫХ ПРОДУКТОВ¹

С.В. Чернышов

*Негосударственное учреждение дополнительного образования
«Детский гуманитарный центр», Нижний Новгород*

Статья посвящена проблеме использования наглядности в информационных технологиях обучения. В статье отражены преимущества использования информационных технологий обучения иностранному языку, методические требования к программным обучающим продуктам, описан опыт использования наглядности при создании обучающей программы для начального этапа обучения английскому языку.

Ключевые слова: методика обучения иностранным языкам, информационная технология обучения, наглядность, средства наглядности.

Using Visual Aids for Better Effectiveness of Educational Software Sergey Chernyshov

The article looks at computer technologies in foreign language learning and teaching with the focus on using visual aids in developing educational software for language acquisition. The author describes his practical experience of developing educational software for elementary level students.

Key words: methods of teaching, computer technology, visual aids in foreign language teaching.

Информатизация процесса обучения различным дисциплинам является одним из приоритетных направлений в образовательной политике нашего государства. Важнейшими задачами в связи с этим становятся: а) повышение качества подготовки обучающихся посредством использования в учебном процессе разнообразных информационных технологий; б) разработка перспективных средств, методов и технологий обучения с ориентацией на развивающее,

¹ Статья подготовлена в ходе выполнения НИР «Методическая концепция информатизации обучения иностранному языку и ее реализация посредством мультимедийных технологий» при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2010г. Проект реализуется в рамках Научно-образовательного центра мультимедийных технологий обучения иностранным языкам ГОУ ВПО НГЛУ. Подробная информация о деятельности центра доступна по адресу: www.call.lunn.ru

опережающее и персонифицированное образование; в) достижение необходимого уровня профессионализма в овладении средствами информатики и вычислительной техники; г) разработка и внедрение информационных технологий дистанционного обучения; д) повышение профессиональной компетентности и конкурентоспособности будущих специалистов различных отраслей; е) формирование у обучающихся информационной культуры, являющейся обязательным условием успешной жизнедеятельности в условиях информационного общества и др.

Основой информатизации образования выступают современные информационные технологии. В научно-педагогической литературе информационные технологии обучения рассматриваются и как совокупность компьютерных программ (средств обучения), направленных на решение различных задач обучения [3]; [5] и как отрасль дидактики, занимающаяся изучением организации образовательного процесса с использованием электронных средств создания, передачи, хранения и отображения информации [6].

На наш взгляд, применительно к методике обучения иностранным языкам информационную технологию обучения следует рассматривать как систему стратегий, приемов и методов накопления, обработки, представления и использования информации с помощью электронных ресурсов в практических, образовательных и воспитательных целях на занятиях по иностранному языку.

Использование информационных технологий обучения в образовательном процессе по иностранному языку имеет целый ряд преимуществ, которые позволяют сделать процесс обучения более рациональным и эффективным, особенно при формировании базовых лексических и грамматических навыков. Среди них: а) повышенный уровень мотивации со стороны обучающихся; б) возможность осуществления контроля и коррекции возможных ошибок обучающихся в on-line режиме; в) возможность обучающимся наглядно представить результат своих действий, определить этап в решении задачи, на котором сделана ошибка, и исправить ее (рефлексия); г) экономичность по времени в процессе подготовки к уроку по иностранному языку; е) простота в использовании и доступность справочного материала; ж) разнообразие средств наглядности и др.

Применение информационных технологий на уроках по иностранному языку открывает огромные возможности выбора средств наглядности для презентации, тренировки, закрепления и усвоения грамматического и лексического материала. Данные средства способствуют формированию устойчивой положительной эмоциональной составляющей коммуникативной компетенции и позволяют усвоить большой объем учебного материала на иностранном языке за более короткий промежуток времени. Многократно услышанная и увиденная на экране монитора лексическая единица или грамматическая структура в сопровождении с компьютерной графикой, сочетающейся с разнообразными видео- и звуковыми эффектами, будет прочно усвоена обучающимися и в дальнейшем свободно воспроизведена в речи.

Как отмечает И.М. Румянцева, «иноязычная речь проходит к нам по всем каналам восприятия не только в виде лингвистической информации, но и в виде целого оркестра, сопровождающих ее ощущений: звуковых, зрительных, обонятельных, осязательных, двигательных, которые вливаются в речевые образы, и, даже оставшись частично на периферии сознания, закрепляют эту лингвистическую информацию в нашей памяти» [4]. В рамках традиционной системы обучения создание условий, обеспечивающих воздействие одновременно на двигательные, зрительные, обонятельные, слуховые анализаторы, занимает много времени и требует от преподавателя значительных усилий. Современные достижения делают возможным уже в ближайшем будущем создание таких программных продуктов, которые позволят с помощью аппаратных средств воздействовать на обонятельную, осязательную и двигательную сторону человеческого сознания, что облегчит труд преподавателей и сделает процесс обучения более увлекательным и эффективным.

Эффективность учебного процесса по иностранному языку с использованием информационных технологий обучения во многом зависит от выбора программных продуктов, которые сегодня широко представлены на рынке образовательных услуг. Однако многие из существующих программ при достаточно высоком уровне технического исполнения не отвечают современным методическим

требованиям и не могут быть рекомендованы к использованию на уроках по иностранному языку, по крайней мере, в полном объеме.

В качестве наиболее распространенных в методическом плане недостатков обучающих программ по иностранному языку следует выделить: 1) отсутствие учебных словарей, или их неправильную организацию (отсутствие разделения лексических единиц по темам, неполные словарные статьи, отсутствие синонимов и антонимов и др.), а также грамматических правил-инструкций; 2) однообразие тренировочных упражнений, что приводит к снижению мотивации в обучении со стороны обучающихся; 3) отсутствие речевых упражнений, направленных на формирование умений в говорении, что продиктовано техническими сложностями организации учебных ситуаций общения на иностранном языке в рамках программного продукта; 4) отсутствие средств наглядности или, наоборот, их избыточность, приводящая к невозможности концентрации внимания со стороны обучающихся на достижении поставленных учебных целей; 5) отсутствие блока контроля или самоконтроля усвоения лексических и грамматических навыков и умений, позволяющего оценить уровень владения иностранным языком в целом и степень усвоения пройденного материала; 6) отсутствие памяток и инструкций по работе с учебным материалом и самой программой; 7) предъявление нового лексического, грамматического и фонетического материала слишком большими порциями, что не позволяет его усвоить в полном объеме; 8) отсутствие озвученных образцов речи, что приводит к их неправильному усвоению и, как следствие, невозможности распознавания в звучащей речи.

Как правило, программные продукты ориентированы на широкий круг пользователей, не учитывают индивидуально-психологические особенности группы обучаемых и характеризуются отсутствием уровневой организации в соответствии с профилем и этапом обучения. Большинство компьютерных программ по обучению иностранным языкам направлены на обучение только одному аспекту речи - лексике или грамматике [1]. Такие компьютерные программы служат достаточно эффективным вспомогательным средством на уроках иностранного языка, но определение их места и объема использования в методической системе обучения требует со стороны преподавателя глубоких

методических знаний организации и планирования учебного процесса.

Анализ существующих компьютерных программ обучения по иностранному языку, проведенный в работах К.В. Александрова [1], [2], позволяет выделить ряд основных методических требований к созданию обучающих программных продуктов: 1) соответствие программного продукта целям и задачам обучения конкретной группы обучающихся; 2) степень учета индивидуально-психологических особенностей конкретной группы обучающихся; 3) наличие блока контроля и самоконтроля усвоения предлагаемого материала; 4) оптимальное дозирование (квантирование) учебного материала для продуктивного и рецептивного усвоения; 5) наличие достаточного количества упражнений, направленных на продуктивное и рецептивное усвоение лексического и грамматического материала; 6) наличие учебных словарей, правил-инструкций, памяток по организации работы с учебным материалом и обучающей программой в целом; 7) возможность прослушивания как отдельных фонем и лексических единиц, так и грамматических моделей, текстов, в которых они используются; 8) наличие достаточного объема наглядности и уместность ее использования.

В настоящее время проводится работа по созданию программных продуктов, в полном объеме удовлетворяющих указанным требованиям. В частности, на базе НГЛУ им. Н.А.Добролюбова проходит апробацию обучающая компьютерная программа «Magister» с системно-уровневой организацией в соответствии с этапом и профилем обучения, ориентированная на использование в процессе дистанционного обучения. Преимущества ее: 1) разнообразие тренировочных упражнений по обучению иностранному языку, многие из которых носят специфический характер и могут выполняться только с использованием компьютера; 2) постоянный контроль правильности выполнения упражнений как посредством технических возможностей программы, так и со стороны преподавателя, который имеет возможность следить за ходом усвоения учебного материала; 3) наличие дидактического комплекса, вмещающего словарные статьи, грамматические правила, инструкции по работе над учебным материалом и др.

Одно из безусловных достоинств рассматриваемой компьютерной программы – возможность преподавателю самому создавать материалы с комплексным использованием средств наглядности для презентации и отработки материала на иностранном языке (звук, графика, фото и видео, анимация, тексты). Техническая реализация программы, в частности, позволяет создать комплекс средств наглядности для более успешного формирования у обучающихся начального этапа обучения лексических навыков в говорении, чтении и письме.

Так, усвоению речевых формул и клише способствуют смешные картинки и карикатуры, демонстрирующие разнообразные ситуации из жизни, названиями которых служат изучаемые речевые формулы. Просмотр юмористических картинок на экране монитора с эффектами анимации способствует прочному закреплению лексических единиц в памяти обучающихся, а также повышению уровня мотивации к изучению иностранного языка в целом за счет создания положительного эмоционального фона в процессе обучения. Актуализация ситуативных образов в сознании обучающихся в результате просмотра таких картинок прочно связывает эти образы с усвоенными лексическими единицами.

Звуковая наглядность программы позволяет в полной мере тренировать правильное произношение звуков английского языка, отдельных слов и фраз. При этом объем звукового оформления программы минимизирует возможные ошибки со стороны обучающихся, что является важным фактором при дистанционной форме обучения иностранному языку, когда основная роль отводится взаимодействию не преподавателя с обучающимся, а компьютера с обучающимся.

Отработка и закрепление таких сложных лексических конструкций как идиоматические выражения и пословицы также осуществляется в программе с помощью зрительной наглядности. Сначала обучающемуся предлагается найти соответствие между картинкой и пословицей (рис. 1), а на следующем этапе начинается закрепление данного материала, в том числе с использованием творческих заданий (проверяемых преподавателем), в которых предлагается объяснить смысл пословицы и привести пример из


жизни, подтверждающий ее. Такая организация работы над языковым материалом на опыте доказывает свою результативность.

Упражнение - 17.7 - 17.7


Find the picture illustrating each proverb or saying.

There is no place like home.	Like father, like son.	Don't wash your dirty linen in public.	Every family has a black sheep.
------------------------------	------------------------	--	---------------------------------


1.




2.



3.



4.



Proverb:

Учеб. мат-лы
Прав. ответ
Далее
Следующее задание

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что достижение задач информатизации иноязычного образования возможно только в случае применения научного подхода к структуре и содержанию программных продуктов. Включение изобразительной и звуковой наглядности в обучающие программы по иностранному языку обусловлено необходимостью не столько создания ее красочного образа, сколько активизации различных ощущений для более быстрого и глубокого овладения материалом. Информационно-коммуникационные технологии содержат целый ряд средств наглядного представления учебного материала, и в этом заключается их значительный дидактический потенциал, реализация которого способствует увеличению эффективности учебного процесса по овладению иностранным языком.

Библиографический список

1. Александров К.В. Мультимедийный комплекс в обучении иноязычной лексике: теоретические и практические аспекты. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. 176 с.
2. Александров К.В. Разработка электронных учебных материалов и упражнений для развития лексических навыков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып.10. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2010. С. 159-164.
3. Машбиц Е.И. Психолого-педагогические проблемы компьютеризации обучения. М.: Педагогика, 1988. 192 с.
4. Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. М.: Издательство «Логос», 2004. 319 с.
5. Талызина Н.Ф. Теоретические проблемы программированного обучения. М.: МГУ, 1969. 134 с.
6. Шолохович В.Ф. Информационные технологии обучения: вопросы терминологии, дидактические аспекты разработки и использования // **Понятийный аппарат педагогики и образования**: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Е.В. Ткаченко. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 1996.

Сведения об авторе

Чернышов Сергей Викторович
кандидат педагогических наук,
зам. директора по научной работе
Негосударственного учреждения дополнительного
образования «Детский гуманитарный центр»
E-mail: S.chernishov@npsb.ru

УДК 378.147:81'243:008

ОБУЧЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫМ УМЕНИЯМ ЧТЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Ю.В. Чичерина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается межкультурная компетенция как сложная лингводидактическая категория в контексте целеполагания обучения иностранным языкам. Дано определение прагматических текстов. Представлен комплекс коммуникативных умений чтения прагматических текстов как составляющих межкультурной компетенции, что обуславливает лингводидактическую значимость использования данной типологии текстов в процессе формирования и развития межкультурной компетенции.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, прагматический текст, текстовая деятельность, коммуникативные умения чтения.

Teaching Communicative Reading of Pragmatic Texts as a Prerequisite to Intercultural Competence Development **Yulia Chicherina**

Focusing on intercultural competence as a complex linguodidactic category in the context of foreign language teaching, the article defines pragmatic texts and presents communicative reading of such texts as an integral part of acquiring intercultural competence, arguing for a significant linguodidactic value of pragmatic texts in the development of intercultural competence.

Key words: intercultural competence, pragmatic text, text activity, communicative reading.

Геополитические и коммуникационные преобразования в стране вовлекли большое количество людей разных профессий, возрастов и интересов как в непосредственное, так и опосредованное межкультурное общение. В этой связи существенно перестраивается преподавание иностранных языков. Современное целеполагание иноязычного обучения ориентировано на формирование и развитие межкультурной компетенции.

Понятие «межкультурная компетенция» трактуется как сложная лингводидактическая категория, имеющая комплексный характер. В

ее структуре исследователи выделяют, в первую очередь, когнитивный план, реализующийся через синтез знаний о родной культуре и о культуре страны изучаемого языка [3, 9]. Проблема формирования и развития межкультурной компетенции рассматривается также в рамках исследований языкового сознания, раскрывающего вопросы формирования, хранения и переработки языковых знаков, выражаемых ими значений, правил их сочетания и употребления [7]. Вслед за немецким ученым А. Кнапп-Поттхофф Л.М. Орбодоева включает в состав межкультурной компетенции эмоционально-оценочный уровень, предполагающий развитие коммуникативного и культурного опыта через эмоционально-творческую самореализацию личности, выработку личностной позиции в деятельности, становление индивидуальных форм общения [4, 8]. Анализ содержания межкультурной компетенции позволяет выделить в ее структуре: а) лингвистический компонент, включающий владение системой иностранного языка применительно к различным видам иноязычной речевой деятельности в контексте взаимодействия разных культур; б) когнитивный компонент, предполагающий оперирование фоновыми знаниями своей культуры и иноязычной культуры, распознавание и интерпретацию концептов инофонной культуры, восприятие и осмысление инокультурных стереотипов поведения; в) аффективный компонент, характеризующийся умениями оценивать и принимать различия явлений культуры через призму родной культуры, а также включающий формирование и развитие личностных качеств, лежащих в основе психологической готовности к межкультурному взаимодействию.

Формирование и развитие межкультурной компетенции предполагает подключение обучаемых к текстовой деятельности инофона, лежащей в основе чтения как опосредованной форме межкультурной коммуникации. В условиях осознания прагматической и культурной ценности обучения иностранным языкам внимание концентрируется на определенной типологии текстов, которые обслуживают повседневную коммуникацию – прагматических текстах. В лингводидактических целях мы определяем прагматические тексты (ПТ) как тексты, относящиеся к сфере нехудожественной коммуникации и характеризующиеся

практичностью, регуляцией в плоскости предметно-объектной среды, функциональностью и высокой социокультурной ценностью. Им свойственно практически полное совпадение прагматической установки текста и прагматической установки автора. К этой категории относится большое количество текстов информационного, регулятивного, инструктирующего характера, которые окружают человека в сфере его социальной активности. Данное определение подчеркивает лингводидактическую значимость использования ПТ в процессе формирования и развития межкультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку.

Межкультурное взаимодействие посредством чтения ПТ обеспечивается владением определенным набором коммуникативных умений. Выделим и охарактеризуем эти умения через призму структуры межкультурной компетенции.

Многие исследователи связывают умения чтения с лингвопсихологическими процессами восприятия, понимания и интерпретации информации текста [1, 2, 6]. Учитывая особенности протекания процесса чтения как вида речевой деятельности на каждом уровне, представляется возможным выделить три основные группы умений чтения:

- 1) умения, ориентированные на восприятие текста;
- 2) умения, ориентированные на понимание текста;
- 3) умения, ориентированные на интерпретацию текста.

Считаем необходимо отметить, что характер операций и действий, лежащих в основе умений восприятия, смысловой переработки информации и ее интерпретации, должен диверсифицироваться в соответствии с целью чтения и жанром, типом текста. Каждый из видов чтения имеет свои конкретные задачи. Они определяют характер восприятия и понимания информации. Жанровые и типологические особенности текста, реализующиеся на структурно-лингвистическом и тезаурусном уровнях, в свою очередь оказывают влияние на процесс протекания чтения как опосредованной формы межкультурного взаимодействия.

Принимая во внимание выше изложенное, представим разработанный комплекс коммуникативных умений чтения ПТ.

Группа умений, ориентированных на восприятие ПТ, направлена на облегчение процесса смысловой переработки

информации инофонного ПТ. Как известно, выбор автором лексико-грамматического инвентаря, формы композиционной структурной организации фактического материала предопределяется тем или иным типом прагматической направленности текста [5]. На уровне восприятия мы выделяем умения *ориентироваться в прагматической установке текста и текстовые умения*.

К умениям *ориентироваться в прагматической установке текста* относятся умения: 1) обозначить тематический раздел функционирования ПТ в инофонной среде; 2) установить адресата - инофона, для которого был написан текст; 3) выявить доминирующий способ прагматической установки иноязычного текста; 4) определить тип текста по доминирующему способу прагматического воздействия на адресата – инофона; 5) умение первично прогнозировать сценарий определенной инофонной ситуации функционирования ПТ как некую последовательность действий.

Умения *ориентироваться в прагматической установке текста* главным образом связаны с умениями ориентироваться в текстовом материале и в сопровождающем его иллюстративном материале, то есть с *текстовыми умениями*, которые содержат умения: 1) выделять композиционные компоненты иноязычного прагматического текста; 2) выделять вербальные и невербальные опорные элементы инофонного прагматического текста; 3) ориентироваться в текстовом поле; 4) узнавать лексико-грамматические и синтаксические средства реализации прагматической установки текста; 5) выделять различия оформления иноязычного ПТ в соответствии с подобными текстами в родной культуре; 6) выделять слова и словосочетания с национально-культурной семантикой; 7) выделять основные фоновые знания о стране изучаемого языка и о национально-культурном образе носителя языка и первично выявлять различия в соотношении с родной культурой.

Необходимо отметить, что уже на этапе первичного восприятия информации прагматического текста реализуется взаимодействие иноязычной и родной культур, которое затем переходит на уровень понимания и осмысления.

Следующую **группу умений, ориентированных на понимание текста**, мы связываем с характером извлечения содержательной информации текста с различной степенью полноты понимания,

которая зависит от целевой установки чтения. Чтение прагматических текстов может быть осуществлено с различными стратегиями, лежащими в основе *изучающего, ознакомительного, поискового и просмотрового* видов чтения.

Выделим умения понимания в контексте четырех видов чтения.

Для *изучающего чтения* важны следующие умения:
1) предвосхищать социокультурную информацию целого иноязычного прагматического текста во время чтения посредством речевых моделей; 2) понять и выделить главную социокультурную информацию в контексте межкультурного взаимодействия; 3) понять и выделить наиболее существенные факты социокультурной информации; 4) понять и выделить детали социокультурной информации; 5) определять логические связи между выделенными фактами социокультурной информации; 6) устанавливать последовательность действий, фактов социокультурной информации; 7) понимать основные фоновые знания инофонной культуры и национально-культурного образа носителя языка в рамках полученной информации; 8) распознавать концепты иной культуры на основе полученной информации; 9) выделять определенные коммуникативные ситуации и стереотипы поведения в соответствии с функционированием ПТ; 10) выявлять различия социокультурных явлений на основе полученной информации с точки зрения культуры инофона и собственной культуры.

Для *поискового чтения* характерны следующие умения:
1) предвосхищать социокультурную информацию иноязычного ПТ посредством речевых моделей; 2) понять и выборочно извлекать социокультурную информацию в соответствии с коммуникативными задачами в рамках межкультурного взаимодействия; 3) понять и выделить детали в интересующей социокультурной информации иноязычного ПТ; 4) понимать основные фоновые знания инофонной культуры и национально-культурного образа носителя языка в рамках полученной информации; 5) распознавать концепты иной культуры на основе полученной информации; 6) выделять определенные коммуникативные ситуации и стереотипы поведения в соответствии с функционированием ПТ; 7) выявлять различия социокультурных явлений на основе полученной информации с точки зрения культуры инофона и собственной культуры.

Для *ознакомительного чтения* важны умения: 1) предвосхищать социокультурную информацию иноязычного прагматического текста посредством речевых моделей; 2) понять и выделить главную социокультурную информацию в контексте межкультурного взаимодействия; 3) понять и выделить основные факты социокультурной информации; 4) обобщенно устанавливать последовательность действий, фактов социокультурной информации; 5) понимать основные фоновые знания инофонной культуры и национально-культурного образа носителя языка в рамках полученной информации; 6) распознавать концепты иной культуры на основе полученной информации; 7) выделять определенные коммуникативные ситуации и стереотипы поведения в соответствии с функционированием прагматического текста в инофонной среде; 8) выявлять различия социокультурных явлений на основе полученной информации с точки зрения культуры инофона и собственной культуры.

Для *просмотрового чтения* нами выделены следующие умения: 1) предвосхищать социокультурную информацию иноязычного прагматического текста во время беглого чтения посредством заголовка, первых слов, словосочетаний и т.д.; 2) просмотрев быстро текст, определить его тематику и выделить основную социокультурную информацию; 3) понять и выделить самые общие сведения социокультурной информации, которые соотносят иноязычный прагматический текст с определенной областью знаний; 4) понять и выделить важную социокультурную информацию; 5) установить, соответствует ли содержание социокультурной информации личным потребностям; 6) умение определить перспективы использования бегло выделенной социокультурной информации; 7) понимать основные фоновые знания инофонной культуры и национально-культурного образа носителя языка в рамках бегло прочитанной информации; 8) распознавать концепты иной культуры на основе полученной информации; 9) приблизительно выделять определенные коммуникативные ситуации и стереотипы поведения в соответствии с функционированием прагматического текста в инофонной среде; 10) выявлять различия социокультурных явлений на основе полученной информации с точки зрения собственной культуры.

Межкультурный аспект на уровне понимания и осмысление информации, как видно из выделенных умений, реализуется во всех видах чтения ПТ. Важно отметить, что в зависимости от стратегии чтения переработка инофонной информации через призму родной культуры осуществляется по-разному.

Когнитивный процесс переработки информации прагматического текста в контексте культурной компарации сопровождается эмоционально-оценочной деятельностью. Аффективный аспект понимания иноязычного прагматического текста главным образом связан с интерпретацией информации. На этапе заключительной переработки информации прагматического текста происходит полная оценка информации с точки зрения ее дальнейшего использования в коммуникативно-прагматических целях, а также с позиции особенностей инофонной культуры, сравнения явлений иноязычной и родной культур. Определение различий в позициях и отношениях в разных культурах, понимание и принятие этих различий предвосхищают возможные возникновения непонимания в процессе межкультурного взаимодействия, осуществляемое на основе чтения ПТ.

Основываясь на выше сказанном, в группе *умений, ориентированных на интерпретацию информации*, мы выделяем умения: 1) оценить полученную социокультурную информацию с точки зрения новизны, актуальности и перспективы ее использования; 2) выразить свое мнение; 3) принимать и понимать иную точку зрения, характерную для иной культуры, отражающуюся в информации иноязычного ПТ; 4) сравнивать явления инофонной культуры, отражающиеся в информации иноязычного прагматического текста, с явлениями родной культуры, находя различия и соответствия; 5) находить различия во мнениях, в позициях и отношениях в концептах разных культур через информацию прагматического текста; 6) применить полученную информацию иноязычного прагматического текста на практике с целью осуществления эффективного межкультурного общения в контексте определенной коммуникативной ситуации.

Таким образом, комплекс выделенных коммуникативных умений чтения ПТ характеризуется ориентацией на взаимодействие иноязычной и родной культур на лингвистическом, когнитивном и

аффективном уровнях, что доказывает лингводидактическую значимость использования ПТ в процессе формирования и развития межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991. 222 с.
2. Клычникова З.Н. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1983. 183 с.
3. Малькова Е.В. Формирование межкультурной компетенции в процессе работы над текстами для чтения: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 18 с.
4. Орбодоева Л.М. Теоретические основы структуры и содержания учебника по практике межкультурного общения: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 22 с.
5. Рогова Г.В. Учебное чтение, его содержание и формы // *Общая методика обучения чтению: Хрестоматия* / Сост. А.А. Леонтьев. М.: Русский язык, 1991. С. 139-144.
6. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. М.: Высшая школа, 2005. 255 с.
7. Цветкова Т.К. Проблема сознания в контексте обучения английскому языку // *Вопросы психологии*. 2001. №4. С. 68-81.
8. Knapp-Potthoff A. Interkulturelle Kommunikationsfähigkeit als Lernziel // *Aspekte interkultureller Kommunikationsfähigkeit*. München, 1997. S. 181-205.
9. House J. Zum Erwerb interkultureller Kompetenz im Unterricht des Deutschen als Fremdsprache // *Zeitschrift für interkultureller Fremdsprachenunterricht*. 1996. Online: <http://www.ualberta.ca/~german/ejournal/22these1.htm>.

Сведения об авторе

Чичерина Юлия Владимировна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры лингводидактики и методики
преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: chicherina@lunn.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81'37

ОБРАЗ ПАТРИОТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (анализ интернет-материалов либеральной направленности)

С. И. Жолобов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В предлагаемой статье исследуется понимание патриотизма, характерное для либеральной общественности России. В ходе анализа вычленяются ядро и периферия лексического значения соответствующего слова, а также выявляются входящие в их состав семантические компоненты.

Ключевые слова: патриот, патриотизм, истинный патриотизм, ложный патриотизм, ядро значения, периферия значения.

The Concept of Patriotism in Contemporary Russia (Analysis of Internet Materials of Liberal Orientation) **Sergey Zholobov**

This paper discusses the concept of patriotism that is advocated by Russian liberals. The analysis identifies the core and the periphery of the corresponding lexical meaning and describes the semantic components that make them up.

Key words: patriot, patriotism, true patriotism, false patriotism, semantic core, semantic periphery.

Перестройка и события 1991 года внесли заметные изменения в общественное сознание народа России. Оно оказалось расколотым, что нашло отражение в появлении разных, нередко противоречащих друг другу исторических, политических, экономических и философских концепций развития страны. В ходе многочисленных дискуссий были затронуты и подвергнуты сомнению основополагающие понятия общественной жизни. То, что раньше воспринималось более или менее однозначно, получило в значительной степени различающиеся интерпретации. В частности, это коснулось такого фундаментального понятия, как патриотизм.

Некогда общепонятное, в настоящее время оно вызывает споры относительно того, какое же явление в нем отражено. Можно говорить о существовании разных представлений о данном явлении, что обусловлено наличием конкурирующих общественно-политических групп в нашей стране.

В предлагаемой статье исследуется понимание патриотизма, характерное для либеральной общественности России. К данной общественно-политической группе относятся люди, полагающие, что свободный рынок создает наиболее благоприятные условия не только для эффективной экономической деятельности, но и для регулирования социальных и политических процессов в государстве. В качестве материала исследования используются публикации и отдельные мнения, размещенные в сети Интернет.

За основу лингвистического анализа примем концепцию лексического значения, разработанную М. В. Никитиным [1], [2]. Согласно данной теории, когнитивная часть лексического значения, представляя собой связанное словесным знаком понятие, существует во взаимодействии двух аспектов – интенционала и импликационала. “Интенционал – содержательное ядро лексического значения, импликационал – периферия семантических признаков, окружающих это ядро” [2. С. 61]. В интенционал входят обязательные семантические компоненты (семы), определяющие класс предметов, тогда как импликационал отражает признаки, наличие которых у обозначаемого объекта с необходимостью или вероятностью предполагается интенциональными семами. Семы интенционала представляют собой постоянные элементы когнитивной части лексического значения, их число конечно и неизменно. Семы же импликационала вариативны, их количество неконечно и зависит от личности отправителя или получателя речи, а также от языкового контекста и ситуации общения.

Прежде чем переходить к анализу имеющихся в нашем распоряжении текстов, обратимся к лексикографическим данным. Мы исходим из того, что в словарях закреплено отработанное в общественной практике понимание рассматриваемого явления, которое было характерно для нашего общества до середины 80-х годов, т.е. в то время, когда общество было в значительной степени идеологически единым и когда процесс его расслоения только

начинался. В словарях имеются следующие толкования значения слова “патриотизм”: (1) “любовь, преданность и привязанность к Отечеству, своему народу” [5. С. 67]; (2) “преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу” [6. С. 494]; (3) “любовь к Родине, преданность своему Отечеству, своему народу” [7. С. 33]; (4) “любовь к Родине, преданность своему Отечеству, своему народу” [8. С. 787]; (5) “любовь к своему Отечеству, преданность своему народу, ответственность перед ним, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины” [4. С. 297].

В качестве рабочей примем дефиницию, предложенную в “Словаре современного русского литературного языка” [4]. Данное толкование более подробное, чем остальные, и указывает на наличие в изучаемом понятии не только признаков “любовь” и “преданность”, но и признака “ответственность”. Кроме того, оно конкретизирует названные признаки, раскрывая их содержание: “готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины”.

Можно ли сказать, что приведенное толкование составляет ядро лексического значения, которым оперируют либерально настроенные люди в России? Полностью данная формулировка не встречается в собранных нами текстах. Тем не менее, в либеральном дискурсе периодически используются усеченные варианты цитированной дефиниции, а именно: “Патриотизм есть чувство любви к Отечеству, внутреннее стремление к его благу” [9], “В простом русском языке патриотизм – это любовь к Родине” [11], “Патриотизм – это прежде всего ЛЮБОВЬ. Любовь к Родине. Любовь к своему народу. Любовь к месту, где живешь” [13]. Вместе с тем у либеральных авторов мы не находим указания на такие признаки, как “преданность”, “ответственность” или “готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины”. Таким образом, ядро лексического значения, которым оперируют российские либералы, можно представить следующей дефиницией: “патриотизм – это любовь к своей Родине, к своему Отечеству, к своему народу, внутреннее стремление к его благу”.

Однако приведенное толкование не дает полного представления о патриотизме в интерпретации российских либералов. Оно мало чем отличается от понимания, закрепленного в словарях, которые были изданы в советское время. Более конкретные признаки, свойственные

рассматриваемому явлению, фиксируются в периферийной части лексического значения соответствующего слова. Именно содержащаяся здесь информация отражает специфически либеральный подход к патриотизму.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении текстов дает возможность идентифицировать уточняющие признаки рассматриваемого понятия. Так, для либералов это нечто интимное – то, что даже не следует упоминать в разговоре с другими людьми: “Патриотизм — это изумительное чувство, которого не существует у людей, которые вслух произносят это слово” [10].

Следующий признак патриотизма в истолковании данной категории людей – это толерантность. “Патриотизм подлинный – он не навязчив, “насильно мил не будешь”, а русский патриотизм предполагает уважение к российским народам” [12].

Патриотизм также должен соединяться со свободой. В этом отношении примером для подражания является Америка, где имеется подобное слияние: “И третье – они смогли свободу соединить с патриотизмом” [11].

Еще одно важное свойство патриотизма, отмечаемое либералами, – это конкурентоспособность страны, которая должна обеспечить комфортные условия жизни для своих граждан. Как полагает Э. Паин, “люди будут искренне любить ту страну, где будет вовремя выплачиваться зарплата, где сбережения не будут бесследно пропадать в банках после дефолтов и где каждый будет чувствовать себя защищенным” [16]. В ряде случаев патриотизм в либеральной интерпретации сводится к принципу “ты мне – я тебе”: “Почему я должен быть “слепым” патриотом и любить свою страну ни за что?”, “Почему я должен любить страну, которая меня не любит и которой я не нужен?” [19]. Это, по выражению Л. Радзиховского, “сытый патриотизм” [17].

Важной особенностью патриотизма является также то, что патриот должен учитывать потребности интеграции, которая стала “основным кумиром развития цивилизации”. “...Россия стала по-настоящему конкурентоспособной страной в условиях общемировой интеграции, которую не могут остановить ни лимоновцы, ни РПЦ и все ее сателлиты” [11].

Наконец, в историческом плане патриотизм – явление преходящее: “Но оно – объективно. Как в жизни человека, так и в жизни нации есть разные этапы, в том числе этап национально-подросткового драйва. И этот этап – как и все на свете – проходит” [17].

Приведенные признаки патриотизма являются прагматически ориентированными, сугубо рационалистическими, что соответствующим образом характеризует понимание либералами данного явления. Совокупность указанных свойств фиксируется в виде семантических компонентов в первом сегменте периферии, окружающей ядро лексического значения. Этот сегмент достаточно полно очерчивает либеральную трактовку понятия патриотизма.

Однако патриотизм в либеральном понимании не ограничивается данной совокупностью признаков. Его важной составляющей является представление о других видах патриотизма – прежде всего о патриотизме государственном, который навязывается народу правительством. Данная тема занимает существенное место в рассуждениях либералов о патриотизме. Нередко критика других видов патриотизма выходит на передний план, затмевая их собственное понимание рассматриваемого явления. В ряде случаев создается впечатление, что они вообще отвергают патриотизм как народное чувство, полагая, что оно служит не сплочению, а разъединению людей как внутри отдельно взятой страны, так и во всем мире.

Сторонники либерализма свой подход называют “истинным”, “искренним”, “подлинным”, “настоящим” патриотизмом, тогда как другие типы патриотизма, с их точки зрения, – разновидности “ложного” патриотизма. В качестве эпитетов к существительному “патриотизм” используются и другие прилагательные, например “государственный”, “официальный”, “глянцевый”, “кремлевский”, “квасной”, а также применяются такие самостоятельные номинации, как “ура-патриотизм”, “лжепатриотизм”, “горе-патриотизм”, “Sonder-патриотизм”. Так, Э. Паин пишет: “Я согласен с парадигмой, предложенной Александром Яновым. Он разделил патриотизм на любовь к Родине, которая, как и любая другая, интимная и потому искренняя, и лжепатриотизм, названный им Sonder-патриотизмом.

Как я понял, главная цель сегодняшней дискуссии – отделить искренний патриотизм от ложного” [16].

Ложному патриотизму, по мнению либералов, присущи следующие недостатки.

Прежде всего он имеет охранительный характер, т.е. консервирует устаревшие формы в различных областях экономической и общественной жизни, что препятствует прогрессу общества.

Вторым существенным недостатком данной разновидности патриотизма является его агрессивность, что выражается в поиске врагов и противодействии нововведениям. Так, Р. Лункин пишет: “Демократическое обсуждение просчетов власти заменяет дискуссия о врагах – в экономике это олигархи, в религиозной области – "сектанты", в политической – либералы и "прислужники Запада”” [14].

В противоположность истинному патриотизму данный вид патриотизма основан не на любви, а на прямо противоположном чувстве – ненависти: “Первая особенность российского патриотизма заключается в том, что это не столько любовь, сколько ненависть. Быть патриотом у нас означает отнюдь не тихо и беззаветно любить свою страну. Нет – быть патриотом означает в первую очередь ненавидеть чужаков” [13]. В связи с этим ставится мрачный диагноз всей стране: “Образец российского патриота – человек, не способный на созидание и любовь. Он способен только на разрушение и ненависть” [13].

Лжепатриоты, как полагают либералы, также являются людьми невежественными и недалекими. “В "патриоты" у нас записываются люди недалекие, своих идей у них нет, поэтому идейная база заимствуется у других. За основу частенько берутся идеи национал-социализма или черной сотни” [15]. Два названных качества находят отражение в элементарной неграмотности патриотов: “Но это все цветочки. А настоящей ягодкой является безнадёжная и тотальная неграмотность типичного патриота в плане родного языка. По опыту дискуссий на разных форумах прослеживается четкая и однозначная тенденция: чем громче человек заявляет о своем патриотизме, тем хуже он пишет по-русски и тем хуже он умеет формулировать свои мысли” [13].

Еще один недостаток лжепатриотизма состоит в двуличии, когда аналогичные действия, совершаемые, с одной стороны, своей страной, а с другой – иностранными государствами, получают различную интерпретацию и оценку. Так, Е. Лотош резюмирует: “Одни и те же действия, совершаемые Россией и другими странами, рассматриваются в диаметрально противоположных ключах” [13].

Характерной особенностью «ура-патриотов» является их показная религиозность: “Наконец, еще одна страшно модная в последнее время среди патриотов фишка – это демонстративная религиозность” [13].

Перечисленные особенности ложного патриотизма приводят к результату, прямо противоположному запланированному, – к разъединению людей и изоляционизму отдельных регионов внутри страны: “Сложилась анекдотическая ситуация – современные патриоты, своими идеями и неуклюжими действиями, ведут к развалу страны, а не к укреплению российского государства” [15].

По мнению либерально настроенных представителей российского общества, государственный патриотизм неизбежно ведет к национализму, шовинизму и ксенофобии, что неизбежно при отсутствии внешней угрозы: “Патриотические движения, развивающиеся в отсутствие внешней угрозы, неизбежно скатываются к шовинизму и ксенофобии” [16].

В публикациях либералов нередко встречается и просто оскорбительно-ироничное описание патриота. В более мягкой форме это может звучать так: “Мерить дюйм на свой аршин патриотично, но утомительно” [18]. Более жесткая характеристика имеет, например, следующий вид: “Патриот всегда скучен, да, но вот заострим: может ли патриот (то есть человек, который трубит о своем патриотизме) не быть сволочью? Такое случается редко, очень редко, но, пожалуй, иногда случается... впрочем, я такого еще не встречала” [20].

Наконец, критикуя ложный патриотизм, либералы отмечают, что русский или российский патриотизм представляет собой какое-то недоразумение, другое дело – патриотизм американский. У Е. Лотоша находим следующее высказывание: “Я завидую тому, что американцам нет нужды ненавидеть окружающих для того, чтобы любить свою страну” [13]. Относясь скептически к возможности воспитания здорового патриотизма в России, целый ряд либералов

фактически отрицает русский или российский патриотизм: “лучше уж не иметь никакого патриотизма, чем тот, что есть сейчас или когда-либо вообще был в России” [13]. Не случайно, что большую популярность среди либеральной общественности получило высказывание, приписываемое С. Джонсону его биографом: “Патриотизм – последнее прибежище негодяя” (Patriotism is the last refuge of a scoundrel) [21].

Представленные выше признаки в виде семантических компонентов входят во второй сегмент периферии лексического значения слова “патриотизм”. Данная совокупность признаков уточняет отношение либералов к государственной власти и к другим социально-политическим группам россиян, которых они рассматривают в качестве своих оппонентов.

Можно вычленилть и еще один аспект в либеральном понимании патриотизма. Он связан с представлением о том, кто же является носителем ложного патриотизма. Либералы выделяют несколько соответствующих категорий людей.

Во-первых, это представители официальных органов власти. Во вторую группу входят люди, которые поддерживают властные структуры. Вот что по поводу этих двух категорий лжепатриотов пишет Р. Лункин: “Причина заключается в том, что патриотами, "имеющими право говорить и действовать", себя считают те, кто имеют власть, и те, кто ее страстно поддерживают” [14]. Наконец, третья группа включает в себя оппозиционно настроенных представителей общества, объединившихся в партии и движения коммунистического или русско-националистического толка.

Информация о лжепатриотах (с точки зрения либералов) формирует третий сегмент периферии лексического значения слова “патриотизм”.

В заключение суммируем характерные признаки патриота в интерпретации либерально ориентированных представителей российского общества.

Патриот – человек, который любит свою Родину и свой народ и желает им всяких благ.

При этом он проявляет крайнюю сдержанность в выражении данного чувства, об этом он не говорит вслух – для него это нечто интимное. Патриот не готов к безответной любви к Родине, он

полагает, что свою страну можно любить в том случае, если государство обеспечивает комфортные условия жизни для своих граждан. Патриот не является изоляционистом, он хочет, чтобы его страна интегрировалась в мировое сообщество; альтернативы этому нет, поскольку глобализация – объективный процесс, который остановить невозможно. Вместе с тем само чувство патриотизма не вечно, а появляется на определенном этапе развития человечества, а затем должно исчезнуть.

Либеральный патриот называет себя истинным патриотом и противопоставляет себя лжепатриотам. Ложный патриотизм, с его точки зрения, агрессивен, консервативен и даже реакционен. Фактически он основан не на любви, а на ненависти. По мнению либералов, официальные патриоты – невежественные и недалекие люди, а во многих случаях элементарно неграмотные. Им также свойственно двуличие и показная, ханжеская религиозность. Перечисленные отрицательные качества государственных патриотов ведут не к сплочению людей, а к их разъединению. Все это способствует проявлениям национализма, шовинизма и ксенофобии.

Либеральный патриот нередко скептически относится к возможности существования здорового патриотизма в России. Одна из причин этого заключается в том, что такого патриотизма в нашей стране никогда не было, и поэтому у нас нет соответствующей почвы, традиций. В то же время он с пиететом относится к западному патриотизму, прежде всего американскому.

Патриот-либерал отрицательно относится к представителям российской власти, а также ко всем тем, кто поддерживает официальные органы власти. Крайне негативно либеральный патриот воспринимает своих идеологических оппонентов – коммунистов и русских националистов.

Таким образом, если исходить только из информации, содержащейся в ядре лексического значения слова “патриотизм”, то понимание либерально настроенных представителей российского общества мало чем отличается от интерпретации соответствующего явления другими группами населения страны. Однако это только поверхностная смысловая близость, поскольку ядерные семантические компоненты получают разную трактовку в зависимости от мировоззрения интерпретатора. Ключевым

компонентом, подлежащим истолкованию, является “любовь”. Содержание данного понятия проясняется при переходе к периферии лексического значения. Первый сегмент, выделяемый в рамках периферии, конкретизирует либеральное понимание любви к отечеству, которое характеризуется крайним прагматизмом. Второй периферийный сегмент содержит критику ложного патриотизма. Зафиксированные здесь семантические компоненты свидетельствуют о том, что положительная программа либерального патриотизма формируется в ходе противостояния политическим и идеологическим оппонентам. И наконец, третий сегмент прямо указывает на те общественно-политические силы, которые противостоят истинному (с либеральной точки зрения) патриотизму.

Представленное понимание патриотизма, с нашей точки зрения, вписывается в общее мировоззрение российского либерализма. Данная трактовка рассматриваемого понятия, кроме всего прочего, выявляет и одно противоречие, которое, как показывает практика, свойственно либеральному направлению. С одной стороны, либералы выступают за минимизацию роли государства в экономике и жизни общества и, наоборот, за расширение участия во всех делах страны гражданского общества (т.е. отдельных граждан с активной жизненной позицией, а также граждан, объединенных в инициативные группы). С другой стороны, они требуют, чтобы именно государство создало комфортные условия жизни, за что благодарные граждане могли бы полюбить страну и воспламениться чувством патриотизма. Это напоминает недавние события – начало кризиса 2008-2009 годов, когда частные предприниматели, до этого делавшие все, чтобы стать абсолютно независимыми как от государственных органов власти, так и от общества в целом, обратились к тому же самому государству с ультимативным требованием спасти их от разорения.

Библиографический список

1. Никитин М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М.: Высшая школа, 1983.
2. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.

3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
4. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / гл. ред. В. И. Чернышев. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950-1965. Т. 9. 1484 с.
5. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / гл. ред. Д. Н. Ушаков. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 3. 1424 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1991. 917 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 3. 752 с.
8. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.
9. Горбунов Е. Патриотизм: приватизация vs обобществление // Электронный ресурс Интернет: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Patriotizm-privatizaciya-vs-obobschestvlenie>
10. Губерман И. // Электронный ресурс Интернет: <http://ru.wikiquote.org/wiki/>
11. Дондурей Д. Наше понимание любви к родине выращено Сталиным // Электронный ресурс Интернет: http://www.ng.ru/scenario/2006-10-24/11_dondurey.html
12. Здравомыслов А. Русский патриотизм – явление многоликое // Электронный ресурс Интернет: azdravom@mtu-net.ru
13. Лотош Е. Об особенностях российского патриотизма // Электронный ресурс Интернет: http://zhurnal.lib.ru/l/lotosh_e/patriotism.shtml
14. Лункин Р. Как быть "правильным" патриотом в России // Электронный ресурс Интернет: <http://portal-credo.ru/>
15. Майоров М. Патриотизм в России // Электронный ресурс Интернет: mishamayor@hotmail.com
16. Паин Э. Идеологический патриотизм в России // Электронный ресурс Интернет: <http://www.peoples.ru/science/professor/pain/>
17. Радзиховский Л. День рождения буржуя // Электронный ресурс Интернет: <http://www.vz.ru/columns/2007/6/13/87747.html>
18. Шендерович В. // Электронный ресурс Интернет: <http://libreria.ru/aphorismes/topics/619/>
19. Форумы о политике и политиках // Электронный ресурс Интернет: <http://www.politforums.ru/politclub/1250085334.html>
20. Clittary Hilton // Электронный ресурс Интернет: <http://www.proza.ru/avtor/clittaryhilton>

21. Johnson S. // Электронный ресурс Интернет:
<http://www.samueljohnson.com/refuge.html>

Сведения об авторе

Жолобов Сергей Иванович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: sergivzh@mail.ru

УДК 37.01

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В НОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

К.А. Шведова

Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва

Статья посвящена исследованию влияния факторов социальной среды на современное состояние и проблемы системы российского образования. Актуальность использования философско-социологического и философско-культурологического подходов к изучению феномена образования диктуется необходимостью определения тех факторов социальной среды, которые оказывают наибольшее влияние на систему образования в современных условиях постиндустриальной цивилизации с присущими для неё процессами глобализации, глубинными изменениями информационно-коммуникативной среды, оказывающей формирующее воздействие на ценностное сознание, в первую очередь, молодых поколений.

Ключевые слова: система образования, социальная среда, постиндустриальная цивилизация, информационно-коммуникативная и социокультурная среда, ценностное сознание.

Problem Areas in the Russian System of Education in the Conditions of a New Civilization: A Philosophical Perspective Ksenia Shvedova

The article investigates the influence of social environment on the current state and problem areas of the Russian educational system. The urgency of the philosophical-sociological and philosophical-cultural analysis of education is dictated by the need to identify those factors of social environment that have the greatest impact on the system of education in the contemporary conditions of a post-industrial civilization with its deeply imbedded tendencies towards globalization and profound changes in the area of information and communication patterns, which all have a formative effect on value consciousness, especially – and primarily – that of younger generations.

Key words: educational system, social environment, post-industrial civilization, information and communication patterns, value consciousness.

Философский подход к разработке новой парадигмы связи социокультурных и информационно-коммуникативных факторов социальной среды, особенностей развития и модернизации системы образования предполагает прежде всего исследование влияния современных цивилизационных условий на структурно-функциональные особенности образовательных учреждений как

социальных институтов. Актуальность исследования данной проблемы определяется ролью, которую эти условия играют в процессе социализации личности, ее интеллектуальном, профессиональном и духовно-нравственном развитии. Очевидно, что функционально социальные институты способствуют формированию и передаче новым поколениям традиций, социального опыта, образцов поведения, знаний, умений, навыков, накопленных в результате историко-культурного развития старших поколений и закрепленных в предметно-вещественной среде и духовных ценностях мировой и отечественной культуры. Утверждение о том, что «основной целью гуманитарной парадигмы современного образования является содействие осознанию личностью своей роли и места в системе социальных отношений» [1] предполагает наличие соответствующих общемировым стандартам жизнеобеспечения человека экономических и социальных условий социальной среды как необходимой базы интеллектуального и духовно-нравственного развития личности.

Информационное пространство современной цивилизации, создаваемое глобальной системой Интернет и СМИ, коренным образом изменило содержание и направленность учебно-образовательной деятельности, методы и средства осуществления воспитательного процесса. В корне изменился и характер воздействия факторов информационно-коммуникативной среды на жизненный мир современного человека, социально-психологические модели и стереотипы его поведения. Наибольшее влияние информационных процессов на массовое сознание испытывает на себе сфера отношений между людьми, оказывающая непосредственное влияние на внутренний мир человека, мотивацию его поведения, в особенности в молодом возрасте. Это как раз тот период жизни человека, когда формирование его личностных качеств происходит под непосредственным воздействием институтов образования [2]. Духовно-нравственные аспекты работы с молодежью были и остаются в центре внимания государства, учреждений культуры и образования, Православной церкви. О необходимости преодоления духовного и нравственного кризиса, особенно остро затронувшего молодежную среду, с особой опасностью проявившего себя в криминальных радикалистских этнически солидарных группах,

указывается на Всероссийских научно-богословских конференциях, выступлениях Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и других известных деятелей РПЦ [3]. Согласно мнению экзархов русской Православной церкви, преодоление духовного кризиса, разрушительных тенденций в молодежной среде, усугубляющих этот кризис,- это общая проблема, которую должны совместными усилиями решать и Церкви, и государство, институты образования и другие общественные организации.

Известно, что в историко-культурном развитии общества образование выполняло и выполняет двойственную функцию. С одной стороны, оно предназначено для удовлетворения потребностей населения в получении и развитии знаний, духовно-нравственном, и в целом, культурном воспитании подрастающих поколений. Эффективность исполнения этой деятельности оценивается способностью образовательной системы удовлетворять потребности людей в образовании, использовать новые методики обучения людей в условиях, порождаемых развитием современных цивилизационных процессов, характеризующихся тотальной неопределённостью и вариативностью.

С другой стороны, система образования обеспечивает многообразие форм и средств социализации молодых людей, способствует освоению ими социально одобряемых образцов поведения, овладению ими определённой институционализированной системой ценностей.

Возрастающая роль институтов образования в современном мире резко возрастает в связи с глубинными трансформационными процессами постиндустриальной цивилизации, вызвавшими изменения социально-культурной среды и коммуникативной ситуации.

Как часть культурной среды именно образование, прежде всего университетское, способно осуществить необходимую связь между человеком как коллективным субъектом, а также сферой экономической и политической жизни, с тем, чтобы помочь личности адаптироваться к сложнейшим цивилизационным процессам современности. С помощью образовательных систем, по мнению П.Бурдые, «...государство формирует ментальные структуры...», способствует объединению «культурного рынка». Иначе говоря, «унифицирующее воздействие государства на сферу культуры,

являющуюся основополагающим элементом строительства национального государства, проводится через школу...» [4]. П. Бурдьё считает, что утверждение всеобщей образованности является условием создания «национального общества». Как явление культуры и социальной жизни народа образование возможно рассматривать как символический капитал «признанной власти», т.е. государства [5].

Повышенное внимание к деятельности институтов образования в современных условиях диктуется и новым статусом знания в современном мире, что оказало значительное влияние на усиление прагматической направленности в определении ценности образовательных услуг. По мнению Ж.Ф. Лиотара, «знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, то есть, по сути, является товаром» [6]. И здесь удовлетворение потребностей общества в социализации подрастающих поколений в целом конкретизируется в интересах работодателей, для которых важен уровень подготовки специалистов. В этой связи еще в 1967 году Д. Белл отмечал, что постиндустриальное общество «предполагает возникновение интеллектуального класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов» [7].

В исследовании специфики проблемного поля современного этапа развития сферы образования особого внимания заслуживает факт мощнейшего влияния процессов глобализации на цивилизационные и коммуникативные условия постиндустриального общества. В условиях формирования глобальной экономики, создания единого международного экономического пространства все более отчетливо проявляются взаимосвязь и взаимозависимость экономических и социокультурных процессов, технологической инфраструктуры общества, знаний и человеческого капитала, создаваемого в первую очередь системой образования. Несмотря на то, что новый статус знания определенным образом ведет к коммерсализации образования (образование как услуга), превращая тем самым процесс получения образования в своего рода бизнес, эта тенденция имеет необратимый характер и во многом благодаря именно ей происходит повышение конкурентоспособности национальных систем образования и возможности их инвестирования, что является одним из важнейших условий экономического роста той или иной страны. Уже к началу

XXI века стало очевидным, что «... новые типы взаимодействия локальных и глобальных практик, возникновение горизонтальных сетевых структур, виртуализация многих сфер жизни, гибридизация культурных феноменов и др., привели к формированию концепции знания, существенно отличной от предшествующей» и превращению университетов «...в нечто иное по сравнению с тем, что мы хорошо знаем из прошлого» [8].

Одним из определяющих каналов влияния процессов глобализации на международную и отечественную системы образования являются такие инструменты глобализации, как новые информационно-коммуникативные технологии, в первую очередь СМИ и Интернет. Трудно переоценить влияние последних на модернизацию системы образования, изменения коммуникативных практик, становление субъектности и духовности современного человека. Очевидно, что новые информационно-коммуникативные технологии, в первую очередь Интернет, по-новому формируют «картину мира», способствуют становлению нового типа коммуникативного сообщества, расцвету виртуальной коммуникации как проявления виртуальной реальности.

Необходимость адаптации социума к условиям развития информационного общества и процессов глобализации привела к разработке новых механизмов управления системой образования, соответствующих требованиям и условиям становления информационного общества, новому статусу знаний, особенностям информационно-коммуникативных процессов.

Укоренение в «научных и интеллектуальных сферах» престижа университетов и знаний [9] вели к преобразованию общества и экономики, для которых знания и информация становятся основной движущей силой, определяющей вектор общественного развития в целом и человека, в частности. Все эти процессы, связанные с изменениями статуса знаний, оказали решающее влияние на формирование новых подходов к проблеме образования, на усиление прагматического отношения к системе образования, когда интеллектуальная и коммерческая ценность составляют нечто единое в оценке знания как продаваемого товара или социокультурного явления.

В современной научной литературе наиболее часто используется термин «глобализация образования». Речь в данном случае идет как о влиянии глобализации на развитие образования, так и о роли образования в процессах глобализации. Многие зарубежные и отечественные эксперты подчеркивают, что в условиях глобализации мировой экономики и усиления международной конкуренции инвестиции в образование стали жизненно важным условием будущего экономического роста. Без таких инвестиций, без стимулирования развития образования конкурентоспособность промышленно развитых стран может серьезно понизиться, так как потребности в совершенствовании систем образования вызваны в мире коренными изменениями, определяемыми «глобализацией и развитием информационных и коммуникационных технологий» [10]. Эти изменения связываются с массой проблем в организации и управлении системой образования. Эти тенденции напрямую связаны, с одной стороны, с унификацией качества образования, а, с другой,- с подготовкой и с использованием человеческого потенциала в соответствии с современными требованиями и возможностями цивилизационного развития общества. Характерными особенностями последнего являются сложные моральные и научные проблемы (К.Апель), слабое развитие прогностической функции и неумение увидеть горизонты будущих изменений в системе образования. В этом плане нельзя не согласиться с точкой зрения Э. Тоффлера, что необходимая трансформация структуры образовательных систем должна быть направлена на повышение ее мобильности и устремленности на будущее [11].

Вместе с тем, по мнению Э.Тоффлера и других зарубежных и отечественных социологов, философов, педагогов, психологов современный многополярный мир, который по сути своей предполагает диверсификацию культуры и национальных систем образования, находится в состоянии глубокого противоречия с реальными процессами глобализации, интеграции и универсализации. В связи с этим систему образования в активном режиме ее функционирования необходимо рассматривать как инновационную деятельность по продвижению в обществе передовых образцов культуры, новых идей, технологий, знаний. В современных отечественных исследованиях в области философии образования

справедливо подчеркивается, что деятельность российской образовательной системы направлена на проектирование будущего облика страны, что неразрывно связано, с одной стороны, с проблемами модернизации, а, с другой, - с необходимостью сохранения культурных традиций и ценностей нашего народа. В этой связи ключевой проблемой российского образования становится «формирование образа человека культуры как личности самобытной, свободной, самоопределяющейся, духовной..» [12], определяемой совокупностью социальных и культурных условий, в которых осуществляется образовательная деятельность. Не вызывает сомнений, что в современных условиях цивилизационного развития общества с присущими для него процессами конкуренции, кризисными явлениями, повышением роли знаний в обеспечении эффективного функционирования социума как социокультурной системы, требования к отечественной системе образованиякратно возрастают.

Очевидно, что концептуализация проблемного поля сферы образования требует тщательного изучения как факторов влияния на современные национальные образовательные системы, так и возможностей использования социокультурных ресурсов и инновационных технологий для осуществления модернизации системы образования в соответствии с потребностями развития современного общества. Философия образования как одно из направлений исследований в этой области преследует цель разработки теоретико-методологических подходов к изучению особенностей взаимосвязи социокультурной ситуации и сферой образования в условиях современных цивилизационных процессов.

Библиографический список

1. Вислова А.Д. Формирование толерантной личности - стратегическая задача образования // Социально-гуманитарные знания. 2008. №4. С.154.
2. Савруцкая Е.П. Политические и нравственные установки в ценностном сознании молодежи // Ценностные ориентации молодежи. Итоги социологического исследования. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2007; Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: Социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.

3. Материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и будущее России», г. Санкт-Петербург, 25 июня 2009 // Электронный ресурс Интернет: <http://www.nne.ru/events.php?id=189>; Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы, 22 декабря 2010 // Электронный ресурс Интернет: <http://www.pravmir.ru/doklad-svyatejshego-patriarxa-moskovskogo-i-vseya-rusi-kirilla-na-eparxialnom-sobranii-g-moskvy/>
4. Бурдые П. Дух государства // Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2000. С. 233-253.
5. Бурдые П. Указ. соч. С.234.
6. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. С.9.
7. Bell D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. №7. P.102.
8. Покровский Н.Е Трансформация университетов в условиях глобального рынка // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т.7. №4. С.153.
9. Ценностные ориентации молодежи. Итоги социологического исследования / Коллективная монография / Под ред. Е.П. Савруцкой. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. С.169.
10. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: Пер. с англ. М.: Academia, 1999. С. 136.
11. Тоффлер Э. Шок будущего. Пер. с англ. М.: АСТ, 2001. 557 с.
12. Смирнова Н.Г. Специфика развития образования в современных условиях // Философия образования. 2008. № 1. С.325.

Сведения об авторе

Шведова Ксения Александровна
начальник отдела по связям с общественностью
факультета менеджмента
Государственного университета – Высшей школы экономики
E-mail: ksenia.shvedova@gmail.com

ХРОНИКА

ВОСЬМОЙ СЪЕЗД РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ «КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ЯЗЫКЕ, ЛИТЕРАТУРЕ И НАУКЕ» 18-20 ноября 2010 г.

С 18 по 20 ноября 2010 года в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова состоялся восьмой съезд Российского союза германистов, в работе которого приняли участие свыше 100 ученых из ведущих вузов Австрии, Германии, России и стран СНГ.

НГЛУ им Н.А.Добролюбова стал организатором съезда ученых, занимающихся проблемами немецкого языка и литературы немецкоязычных стран, во второй раз. Впервые Нижегородский лингвистический университет принимал почетных гостей в 2004 году.

В торжественном открытии съезда РСГ 18 ноября 2010 г. приняли участие ректор НГЛУ Б.А. Жигалев, президент Российского союза германистов Н.С. Бабенко (Москва), вице-президент РСГ, представитель Немецкой службы академических обменов Дирк Кемпер (Москва), атташе по культуре посольства Австрии в РФ, директор Австрийского культурного форума Симон Мраз, Почетный консул Австрии в Нижнем Новгороде Юрий Титов.

Центральной темой для научных дискуссий были объявлены культурные коды в языке, литературе и науке. В течение трёх рабочих дней съезда свои доклады в рамках данной тематики представили ученые из Лейпцига, Франкфурта, Линца, Минска, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Самары, Тамбова, Воронежа, Харькова, Вологды, Кирова, Красноярска, Владикавказа, Нальчика, Иваново, Чебоксар, Йошкар-Олы, Саранска.

Обсуждение проблемных вопросов современной германистики проходило на общем пленарном, двух малых пленарных и двадцати четырех секционных заседаниях.

Наибольший интерес у лингвистов вызвали вопросы о культурных кодах в немецкой и русской языковых картинах мира, о мультикодовости и кодовых переключениях в различных типах устного и письменного дискурса, о средствах идентификации универсального и культурно-специфического кода немецкого и

русского языкового сообщества, о социально-культурных стереотипах речевого поведения немцев, а также о проблематике гибридных культурных кодов.

Участники литературоведческой секции особенно активно обсуждали проблемы национально-культурных кодов, культурного трансфера и переноса культурных кодов во времени и пространстве, вопросы культурной специфики текста, культурных стилей в речи, взаимосвязи гендера и нации, проблемы восприятия творчества З.Фрейда в различных культурах.

Научные дискуссии не утихали и в кулуарах, в перерывах между пленарными и секционными заседаниями были организованы выставка научных достижений НГЛУ и выставка-продажа научных публикаций, учебников и учебно-методических пособий членов РСГ. В заключение первого дня съезда состоялось генеральное собрание Российского союза германистов, по окончании пленарных и секционных заседаний во второй день - совместная театральная постановка школьников из городов Эссен (Германия) и Нижний Новгород.

Результаты работы прошедшего в Нижнем Новгороде съезда показали, что его участники получили не только возможность для обмена своими научными идеями и достижениями, но и новые импульсы для последующей научной деятельности. Доброжелательная атмосфера научных дискуссий позволила принять в них участие как известным лингвистам и литературоведам, так и начинающим ученым и даже студентам НГЛУ, которые присутствовали на пленарных и секционных заседаниях.

Всё это, включая личные встречи давно знакомых коллег из разных вузов и новые интересные контакты с германистами из России, дальнего и ближнего зарубежья, послужит крепкой основой для дальнейшего развития межвузовских научных связей, в том числе на международном уровне.

Ж.В. Никонова

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 13

Редакторы: Л.П. Шахрова
Н.И. Морозова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 10.03.2011

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 15,8

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а